ПИОНЕР

ОКТЯБРЬ

№ 10

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
1959 год

Человечество живет сейчас в прекрасное время. Это — время расцвета науки и техники, экономики и культуры, когда поистине сказки становятся былью. Наша поездка в США совпала с двумя величайшими событиями: впервые в истории успешно осуществлен полет космической ракеты на Луну, посланной с Земли советскими людьми, и вышел в плавание первый в мире атомный ледокол «Ленин».

Сколько было написано фантастических романов, сказок и поэм о полете на Луну! Люди веками мечтали о межпланетных путешествиях, и вот теперь мы на пороге осуществления этой дерзновенной мечты. На протяжении десятилетий ученые стремились создать корабль, который мог бы пойти напролом к Северному полюсу, и вот теперь такой корабль введен в строй.

...Почему советские люди первыми в мире успешно разрешили столь трудную, поистине величайшую проблему посылки ракеты на Луну, — а ведь это задача была со многими неизвестными! Эта победа стала возможной в результате того, что те же советские люди своими руками, своим героическим трудом в кратчайший исторический срок сумели решить величайшую социальную проблему — они построили социалистическое общество и уверенно строят коммунизм.

Из ответа Н. С. ХРУЩЕВА

на письма и телеграммы, поступившие
в связи с поездкой в США

ВСЕГДА ГОТОВ

Год издания 36-й

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

СВЕРШИЛОСЬ!

В потоке
холодного света
мерцает летящая сталь:
Советский наш вымпел
ракета
несет в межпланетную даль.

Уверенно,
четко и мерно
звучат позывные во мгле.
Смелее фантазий Жюль Верна
творятся дела на земле!
Ничуть
не мечтая о чуде —
чудес не пошлют небеса,—
советские мирные люди,
мы сами творим чудеса!

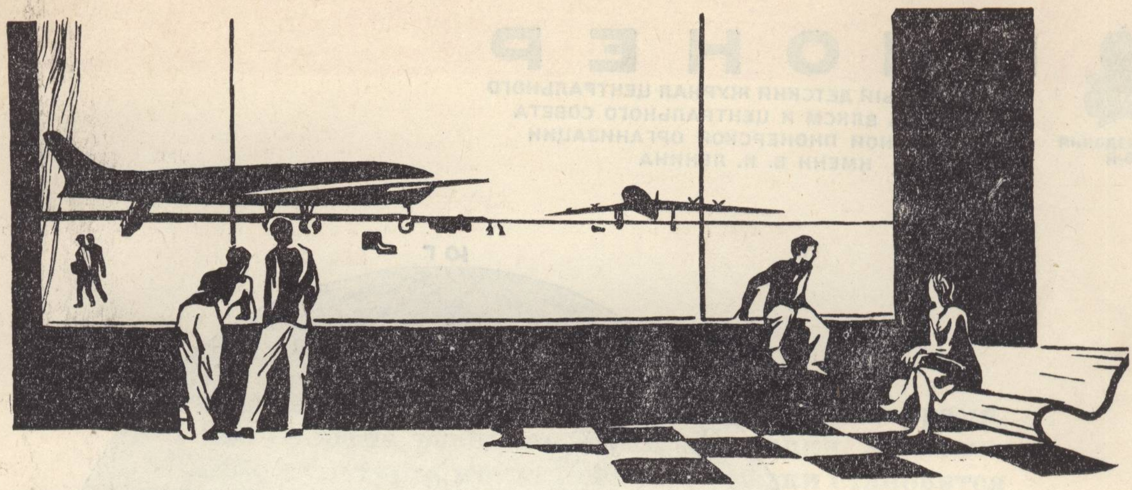
Мы знали,
что это свершится.
Свершилось!
Будь славен, наш герб!
И наискось
молот ложится
на лунный сверкающий серп!

Достиг
человеческий гений
еще небывалых вершин,
но мы, не считая ступеней,
стремимся к тому, что свершим.

И, может быть,
в той же Калуге
сегодня мальчишка растет,
который, как рыцарь в кольчуге,
на лунные камни сойдет!

Владимир Лифшиц

ОКТЯБРЬ
№ 10
ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА"
1959 год

Ослик и пятый океан

В. ЖЕЛЕЗНИКОВ

Рисунки Е. Бачурина, О. Целкова.

Мы ехали автобусом в аэропорт. Я и мама. Я сидел на первом сиденье, мама — на втором. Мы устроились так потому, что мама сказала, что я слишком верчусь и обязательно помну ей платье.

Рядом с мамой сел толстый и большой летчик. Он занял много места, и мама жалась к самой стенке. Я смотрел-смотрел, как погибает замечательно отглаженное мамино платье, и наконец сказал летчику:

— Может быть, вы пересядете ко мне, а то вам тесно?

Мама покраснела, а летчик стал извиняться.

— Простите,— говорит,— действительно вам неудобно?

— Ничего, ничего,— ответила мама.— Это я должна перед вами извиниться за своего сына.

«Вот здорово! Я же еще оказался виноватым,— подумал я.— Удивительно, до чего взрослые любят извиняться!»

Все пассажиры в автобусе оглядывались на нас. Им очень, конечно, хотелось узнать, почему покраснела мама, и они с нетерпением ждали, что будет дальше. Но летчик просто пересел ко мне.

Наше сиденье покривилось, и я начал скатываться на летчика.

— Ты, я вижу, легче пуха и пера,— заметил он.

Теперь покраснел я, посмотрел на него и подумал про себя: «Ну как я могу перевесить такую гору?» А вслух ответил:

— Я не самый легкий, у нас в классе есть полегче меня. Например...— Но кого назвать, я не знал и ловко перевел разговор: — Погода нелетная: сплошная облачность.

— Облачность есть, ты верно заметил.— Летчик сощурил глаза и посмотрел на небо.

— Но это не опасно? — спросила мама.

— Да какая же опасность? — ответил летчик.— Пока облачность низкая, ваш самолет не полетит.

Мне очень хотелось, чтобы летчик подумал, что мы тоже летим. А мама взяла и сказала:

— Что вы, мы не летим! Разве можно с детьми летать! Муж возвращается из командировки иркутским самолетом.

Я прилип к оконному стеклу и сделал вид, что не слышу маминых слов про детей.

— Иркутским? — переспросил летчик.— Можете не волноваться. Там отличный пилот — мой старый друг Николай Федосов.

Автобус остановился у здания аэропорта. Мы попрощались с летчиком и пошли в справочное бюро.

— Скажите,— спросила мама как можно вежливее,— иркутский прибывает вовремя?

— Опаздывает,— ответили из окошка,— подойдите через полчасика.

У мамы сразу испортилось настроение. Я стал смотреть по сторонам, что бы придумать, как ее развлечь, и увидел летчика, нашего попутчика.

«Сейчас я все узнаю»,— подумал я и пустился догонять летчика. Но он шел очень быстро, открыл какую-то дверь и скрылся. Я прошмыгнул следом за ним и попал в длинный пустой коридор. Где искать теперь летчика, я не знал, потому что дверей было много и все они плотно прикрыты. Только в одной в узенькую щель пробивалась полоска света.

Я медленно подошел и услышал знакомый голос.

— И давно потеряна связь?

— Больше часа,— ответила женщина.

Я слышал, как летчик стал ходить по комнате.

В дверную щель мне видна была карта, вдоль и поперек пересеченная разноцветным пунктиром. И по каждому пунктиру двигалась маленькая фигурка самолета.

— Позвони-ка еще разок,— сказал летчик.

Женщина, которую я не видел, спросила в телефон:

— Иркутский не появлялся?

И тут я догадался: «Иркутский! Это самолет, на котором летит папа».

Я открыл дверь и просунул голову. За столом сидела женщина. Она была в синем форменном кителе с тремя золотыми нашивками на рукаве. Летчик стоял спиной ко мне и смотрел в окно на аэродромное поле.

— Мальчик, ты откуда здесь? — строго спросила женщина.

Летчик оглянулся. Он совсем не удивился, что увидел меня, и сказал:

— Это мой знакомый. Тоже иркутский встречает. Ты что, все слышал?

Я кивнул.

— Слышал и, может, даже испугался,— хмуро сказал летчик,— хотя пугаться совсем нечего. Подумаешь, связь потеряли! Восстановят. Вон лучше посмотри, какая карта. Это, брат, хитрая карта. Видишь, по ней игрушечные самолеты двигаются, они на наш аэродром летят. Можно сказать, говорящая карта. Посмотрел на нее — и сразу знаешь, где самолет находится.

Летчик говорил, но я плохо его слушал, а все шарил глазами по карте.

— Скажите, а где здесь иркутский?

— Иркутский? Вот он.— И летчик показал на маленький самолетик, который неподвижно стоял на зеленой пунктирной линии.

— Мне к маме надо,— сказал я и вышел в зал ожидания.

Мама сидела в стороне от всех и читала газету.

— Ты где был? — спросила она.

— Да так, гулял,— соврал я.

Прошел еще час, а в справочной по-прежнему ничего не знали про иркутский самолет. Какие-то самолеты прилетали и улетали, а нашего все не было.

Мы сидели с мамой молча. Потом я незаметно сполз со стула и пошел в диспетчерскую. Я тихонько приоткрыл дверь и отыскал зеленую пунктирную линию. Самолет стоял на прежнем месте.

Я вернулся к маме. И тут я снова увидел летчика.

— Товарищ, товарищ! — крикнула мама. Он оглянулся и подошел.— Товарищ летчик, я очень волнуюсь и поэтому решилась вас окликнуть. Почему-то до сих пор нет иркутского самолета!

Летчик посмотрел на меня, и я отвернулся. Я очень боялся, что он сейчас все расскажет маме.

— Не волнуйтесь. Плохая погода, где-нибудь сидит. На нем, знаете, какой бывалый пилот! — Летчик сел рядом с мамой.— Отличный парень. Я его с войны знаю. Тогда

он еще мальчишкой был. Если хотите, могу про него историю рассказать, все равно ведь нам ждать.

* * *

...Было это в 1941 году.

Пилот считал раненых, которые входили в самолет. Их несли на носилках, некоторые шли на самодельных костылях. Он считал вслух: раз, два, три, четыре... Все напряженно прислушивались к размеренному счету: пять, шесть, семь...

Раненые стояли в очереди к самолету молча, но каждый из них с трепетом и испугом ждал, когда этот счет прекратится.

В очереди еще стоял здоровый мужчина. Он держал за руку мальчика лет одиннадцати, бледненького, худенького, одетого в старый, потрепанный пиджачок.

Пилот считал: тринадцать, четырнадцать, пятнадцать... Потом он замолчал, и под его молчание в самолет влезли еще несколько раненых.

— Все,— сказал он.— Больше нельзя!

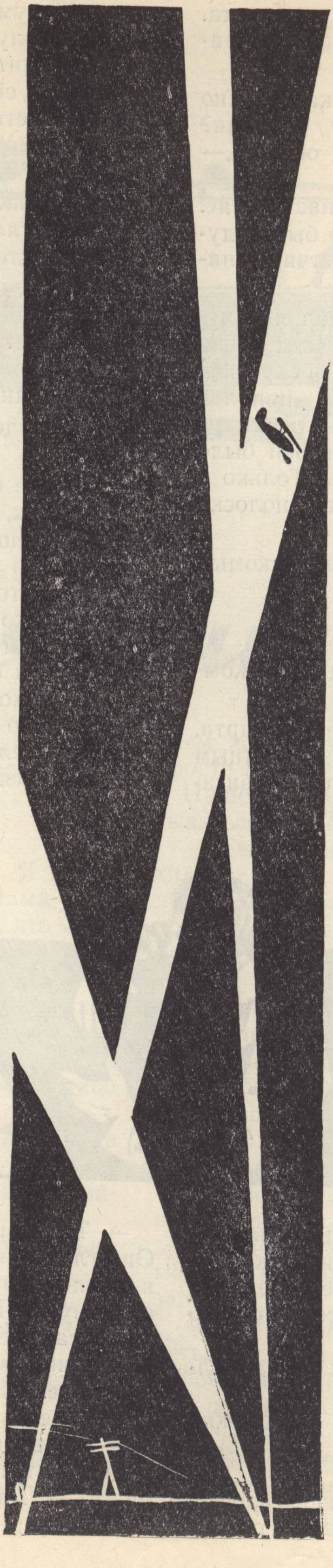
Мальчик вырвался и отошел в сторону. К нему подошел его спутник и что-то начал говорить. Мальчик слушал, опустив голову, потом снова вложил свою руку в его и стал в конец очереди.

Очередь осталась маленькая — всего три человека. Двое совсем молодых парней: один с забинтованными руками, другой с повязанной головой. И третий, постарше, бородатый!

Но пилот все равно сказал:

— Все, больше не могу. А то не взлетим.

Трое молчали. Они знали: раз нельзя, то нельзя. Их суровые лица, огрубелые от невзгод войны, были мрачны.

И человек с мальчиком тоже молчал.

Пилот оглянулся. Эти трое поворачивались, чтобы уйти. Тогда он открыл люк самолета и крикнул:

— Сдать всем оружие и лишние вещи! Быстро!

Обычно, когда самолеты летели из этих далеких партизанских лесов в Москву, все раненые брали с собой оружие, потому что дорога была трудная. Нередко случалось, что самолет в пути сбивали фашисты и раненым приходилось сражаться, чтобы не сдаваться в плен.

Скоро у самолета выросла горка автоматов, запасных обойм, гранат, наганов разных марок — от немецких скорострельных «Вульфов» до итальянских «Юпитеров».

Пилот посмотрел на эту горку оружия, потом перевел взгляд на раненых. Они стояли теперь рядом, и мальчика из-за них совсем не было видно. И крикнул:

— Еще!

Из самолета полетели шинели, вещевые мешки, фляги с водой, чья-то рука выбросила несколько пар сапог. Тогда двое раненых сели на землю и тоже скинули сапоги. Потом бородатый помог присесть третьему, у которого обе руки были перевязаны, и стащил с него сапоги.

— Ну, входите! — сказал пилот.

И трое, ступая босыми ногами по железным ступеням лесенки, скрылись в самолете.

Пилот уже хотел убрать лесенку, но мужчина, спутник мальчика, сказал:

— Товарищ, паренька еще захвати. Необходимо...— Он что-то хотел добавить, но посмотрел на мальчика и не стал.

Пилот нехотя отстегнул кобуру с пистолетом, сбросил кожаное пальто и кивнул мальчику: «Входи!»

Самолет дрогнул, и рев мотора разорвал ночную напряженную тишину. Машина медленно побежала, переваливаясь на кочках, но все же набрала скорость и взлетела.

Была осенняя ночь. Тихая и звездная. В самолете сидели и лежали люди. Прислушивались к шуму мотора. Они летели в темном небе, как слепые, ничего не видя, а где-то далеко-далеко под ними лежала земля. И вдруг они точно прозрели: самолет попал в луч вражеского прожектора. Все ждали, что в следующий момент прожектор погаснет, но он горел неярким светом, точно кто-то повесил в самолете обыкновенную электрическую лампочку.

Пассажиры самолета поняли, что стоят на краю страшной пропасти. Они могли каждую секунду погибнуть, но никто не шелохнулся, потому что если бы у них под ногами была земля, то они бросились бы на врага и дрались. А тут они были в небе. К земле их привязывал только острый луч прожектора, который готовил им гибель.

А мальчик думал об отце и плакал. Отец его погиб несколько дней назад. Мальчик ничего не боялся, он только плакал.

Пилот попытался уйти от прожектора, но тот ухватил его крепко. Пушки не стреляли. Фашисты ждали, снизится самолет или нет. Снизится — значит, свой; нет — значит, советский. А пилот тем временем старался набрать высоту, чтобы уйти. И тут раздался первый залп, потом второй. Самолет сильно тряхнуло. Но он упрямо летел вперед, делая крутые виражи, бросаясь вниз так, что едва выходил на прямую. Люди в самолете падали друг на друга, теряли сознание от жестоких ушибов.

Потом прожектор пропал. Разрывы стали глуше. Пилот ввел самолет в облако и ушел от фашистов.

Прошло еще минут пятнадцать. В четкую работу мотора стали врываться непонятные, хлопающие звуки. Мотор зачихал и умолк.

Может быть, это на время? Может быть, мотор снова заговорит, закрутится винт и сильно потянет машину вперед? Но самолет скользил вниз, точно по хорошо укатанной плоскости. Он скользил легко и плавно, и никакая сила уже не могла удержать его на высоте.

Теперь летел не самолет — навстречу летела земля; теперь она была большая, больше неба.

Самолет норовил клюнуть носом и сорваться в пике, а пилот удерживал его. Он планировал из последних сил и вглядывался в предутреннюю мглу, пытаясь найти в бесконечном лесном пространстве подходящую полянку. Наконец он увидел то, что искал,— круглое отверстие среди леса — и пошел на посадку.

Самолет ударился о землю, подпрыгнул, резко накренился, чиркнул крылом по траве, но пилоту все же удалось выровнять машину. Она пробежала метров триста, подмяла редкий кустарник и у самых деревьев замерла.

Пилот вышел из кабины. Он снял шлем и молча обвел всех взглядом. Перед ним стояли усталые, заросшие люди. Пилот посмотрел на мальчика, подмигнул ему и неожиданно улыбнулся. И все сразу улыбнулись, и мальчик первый раз после гибели отца робко разжал губы.

Пилот напялил шлем на голову, открыл дверь самолета. Прыгнул на землю. На секунду замер: может быть, за каким-нибудь кустом снайпер уже взял его на прицел? Но кругом было тихо-тихо.

Пилот скоро вернулся.

— Пробиты баки. Ни капли бензина.

— А фронт далеко? — спросил бородатый партизан.

— Километров тридцать.

— Надо прорваться. Здесь еще нет твердой линии фронта,— сказал бородатый глуховато.— Пойдем в разведку. Коммунисты, прошу поднять руки!

Подняли руки трое партизан и пилот.

— Пойду я,— сказал бородатый,— товарищ пилот и...— Он обвел глазами раненых.— И...

— Я пойду.

Все оглянулись. Это говорил мальчик.

— Я пойду, я уже не раз ходил в разведку. Меня не тронут.

— Хорошо. Пойдешь ты.— Бородатый встал, поправил руку на перевязи и сказал:— Я, Михаил Скопин, коммунист.

— Я, Андрей Беспалов, коммунист,— сказал пилот.

И тогда все посмотрели на мальчика, и он сказал тихим голосом:

— Я, Коля Федосов, пионер.

Они ушли. К полудню им удалось отыскать дорогу и выйти к деревне. Они залегли в кустах на лесной опушке, чтобы посоветоваться, что делать дальше.

— По-моему, нам надо дождаться ночи,— сказал пилот Беспалов.

— Ночью скорее поймают,— ответил Коля.— Я сейчас пойду.

— Один?

— Да.

Скопин молчал; он был опытный партизан и понимал, что мальчик прав.

— А что ты будешь говорить, если в деревне немцы?— снова спросил Беспалов.

— Не первый раз!— Коля встал, глаза его сузились и стали злыми.— Ну, я пошел.

Он подобрал на ходу прутик и, размахивая им, запылил к деревне. А те двое смотрели ему в спину, в белобрысый затылок и тоненькую шею. Мальчик ни разу не оглянулся.

— Да,— сказал наконец Беспалов.— Это тебе паренек!

А бородатый Скопин ничего не сказал.

Они лежали в кустах и ждали. Было жарко. Сначала хотелось пить, потом захотелось есть.

Беспалов смотрел на пыльную дорогу, которая вела в деревню. Он все ждал, когда же придет мальчик. Иногда он отрывал взгляд от дороги и оглядывался на Скопина. Тот лежал на спине; лицо его стало бледным, на повязке появились свежие пятнышки крови.

— Больно? — спрашивал Беспалов.

— Нет,— отвечал Скопин.

Прошло несколько часов. У Беспалова першило в горле, губы потрескались. А на дороге по-прежнему никого не было.

— Эх, черт, пропал мальчишка! Может, пойти мне, а, Скопин? Ведь стыдно! Я здесь, здоровый, лежу, а он там, маленький?

— Брось ерунду молоть,— отвечал Скопин.— Тебя сразу схватят.

— А почему там такая тишина? Немцы, вероятно, ушли.

— Если бы ушли, он бы уже вернулся.

Наступила тревожная ночь. Скопин задремал, а Беспалов лежал в темноте и ловил каждый шорох. Он решил ждать до утра, а утром идти в деревню. И вдруг он услышал осторожный шепот:

— Товарищи, товарищи...

Беспалов узнал голос мальчика. И он крикнул громко, неожиданно для себя:

— Коля! Коля! Мы здесь!

— Тише! Не знаю, зачем вы так кричите,— сказал Коля. Он стоял рядом с Беспаловым.— А еще военный летчик!

— Прости, Коля! Я знаешь, как рад, что ты вернулся!

— Идемте за мной,— прошептал Коля.

Они все трое прошли шагов тридцать вдоль опушки. Наконец Коля остановился и легонько свистнул, почти пискнул, точно птенчик. И тут перед ними вырос человек с автоматом.

«Военный,— подумал Беспалов.— Значит, Коля переходил линию фронта. За одну ночь туда и обратно».

— Здравствуйте, товарищи,— сказал военный.— Все в порядке?

— Да,— ответил Скопин.

— Вперед! — тихо скомандовал кому-то невидимому военный.— Дистанция — пять метров.

Беспалов увидел, как из темноты появились люди с автоматами. Они стояли настороже, низко пригнувшись к земле...

К утру Беспалов, Скопин и Коля привели разведчиков к самолету.

Разведчики подожгли самолет и стали собираться в обратный путь, устраивали самодельные носилки для тяжелораненых. А Беспалов сидел в сторонке и смотрел, как горит его самолет.

— Жалко?

Беспалов оглянулся. Позади него стоял Коля.

Беспалов посмотрел в усталые, совсем взрослые, понимающие глаза мальчика и сказал:

Я искал среди этих пассажиров папу. А вдруг диспетчер забыл объявить и это прилетел иркутский самолет! Разве чудес не бывает? И мама тоже искала. Только летчик никого не искал. Он раскуривал папиросу, украдкой поглядывая на маму, и продолжал рассказ...

* * *

Тронулись в путь, когда стемнело. Шли трудно, в обход, по лесным тропам. Слышали гул канонады, видели отсветы пожарищ. Беспалов все хотел помочь Коле и взять его на руки, но тот не разрешил.

— Вы лучше Скопину помогите, ему плохо.

И правда, Скопин еле-еле передвигал ноги. Беспалов подошел к нему.

— Давай без долгих разговоров садись, понесу.

— Вам одному не поднять. Он тяжелый,— сказал Коля.— Надо еще кого-нибудь позвать.

— Не поднять? Смехота какая-то получается.— Беспалов присел на корточки, схватился руками за ноги Скопина, поднял его и понес...

Через два дня санитарный поезд, на котором ехали партизаны и Беспалов с Колей, тихо, без гудка остановился на одном из московских вокзалов.

Партизан посадили на санитарную машину и отправили в госпиталь. А Коля остался с Беспаловым.

— Ну, а тебе куда? — спросил его Беспалов.

Коля молчал.

— Ну, чего ты приуныл и не отвечаешь? Куда тебе?

— У меня письмо в главный партизанский штаб. Там меня направят...

— А мама твоя где?

— Мамы нету.

У Беспалова почему-то непривычно защекотало в горле, и он задрал голову кверху, чтобы не видно было его глаз.

— Ты посмотри, Коля, небо-то какое отличное.

— Жалко, Коля. Очень жалко, понимаешь, брат!

* * *

Мы с мамой слушали летчика, не перебивая. Я теперь думал сразу про папу и про Колю. Только каждый раз, когда радио объявляло о прилете нового самолета, летчик замолкал. Мы слушали радио.

Потом зал аэропорта наполнялся оживленными людьми. От них пахло чужими землями, жарким южным солнцем, солеными морями.

— Большое, не то, что в лесу,— ответил Коля.

— Вот что, в главный штаб ты успеешь сходить, а сейчас шагом марш ко мне домой!— Беспалов говорил громким голосом, чтобы увереннее себя чувствовать. Он боялся, что Коля вдруг откажется с ним идти, и уйдет в свой штаб, и пропадет для него навсегда.

Через пять дней Беспалов получил новое боевое задание и улетел. Коля остался ждать его в Москве. Он не спрашивал, сколько ему жить у Беспалова. А Беспалов уже сходил в главный партизанский штаб и договорился, что Коля останется у него.

— Ты мне, браток, пиши,— на прощание сказал Беспалов.— Ладно?

— Ладно.

Пилот не знал, что ему еще сказать, похлопал летным шлемом по руке и решил успокоить Колю:

— Ничего, брат, скоро закончим войну, подрастем и будем вместе бороздить пятый океан.

— А что это за пятый океан?

— Ну как же! На земле есть четыре океана, а пятый океан — это небо. Самый великий океан.— Беспалов поерошил Колины волосы и неловко поцеловал в ухо.

— Подождите! — Коля порылся в кармане и вытащил фигурку ослика.— Это я сам выпилил из дерева еще в партизанском лагере и на костре обжег. Хотел отцу подарить ко дню рождения. Возьмите его в полет.

* * *

В это время снова заговорило радио, и летчик замолчал.

— Самолет Иркутск — Москва прибудет через час.

— Прибудет, прибудет! — закричал я.

— Ну вот, видите, как все хорошо кончилось! — сказал летчик.— Я знал, Коля не подведет.

Но я уже бежал, можно сказать, летел. У дверей диспетчерской я на секунду остановился, потом тихонько нажал на дверь. Воздушная карта по-прежнему горела разноцветными линиями. Я нашел иркутский самолет. Теперь он не стоял, а медленно двигался к Москве.

Я сразу почувствовал себя таким счастливым, что даже не знал, что мне делать от счастья.

Я бросился обратно в зал. Там сидела одна мама.

— Мама, а где же летчик? — спросил я.

— Он ушел.

— Как же ушел? Вот никогда не бывает человеку до конца хорошо. Ведь мы еще не узнали, что случилось с Беспаловым!

Мама увидела, что я очень расстроился, а так как у нее самой было хорошее настроение, то она сказала:

— Вот что, на тебе денег, иди купи себе газированной воды и мороженого.

Я пошел в буфет.

Там за одним столиком сидели два летчика. Один из них был наш знакомый. Я несколько раз прошел мимо, чтобы он меня заметил, и даже один раз задел его стул. Но он меня не замечал. Он внимательно слушал своего товарища. Он сидел, откинувшись на спинку стула, и все время вертел в руке какую-то длинную цепочку. Я присмотрелся и вдруг увидел, что к этой серебряной цепочке был прикован маленький черный ослик.

— Черный ослик!..— прошептал я.— Тот самый, который подарил Коля Беспалову. Так это же сам Беспалов!

Я бросился вниз по лестнице с такой скоростью, что все встречные прижались к стенке. Я забыл про газированную воду и даже про мороженое.

— Мама! — закричал я.— Ты знаешь, кто был этот летчик? Это был...—Я сделал длинную паузу.— Это был Беспалов.

Но тут объявили, что иркутский самолет идет на посадку. И мама сразу забыла про Беспалова и даже, может быть, про меня. Она побежала к выходу, а я следом за ней.

Перед нами лежало зеленое поле аэродрома. А над ним синее-синее небо. Раньше я никогда не обращал внимания на небо. «Так вот какой он, пятый океан!» — подумал я и тут же увидел огромный серебристый «ИЛ».

Это был иркутский самолет.

СТИХИ О РЫБАКАХ

Рисунок А. Михайлова.

Павел ХАЛОВ

* * *

Сколько мы дома не были?
Месяц,
        полгода,
                год?..
Никто не расскажет небылей,
Никто из нас не наврет.
Ступают по сходням медленно
Ржавые сапоги.
И лица у нас,
                как медные,
И тяжелы
                шаги.
Галька хрустит знакомо
Под каблуком у нас...
А сколько мы не были дома?
Вечность,
        неделю,
                час?..
Качались на небе звезды,
На самом краю беды.
Лапы поднявши в воздух,
Вставал океан на дыбы.
Мачты рубили ветер,
Глаза выстилала мгла.
В тугие,
        как струны, сети
Селедка
        устало шла.
В кубрике море хлюпало
И в трюме хрипело зло.
Мы морю оставили шлюпки,
Но унесли улов...
Грузно ступают по сходням
Ржавые сапоги.
Впервые, впервые сегодня
Не видит рыбак ни зги...
Пусть морю достались мачты,
Пусть ветром исхлестан флаг...
Родные!
                Ну что вы плачете?
Мы же вернулись...
                Факт!

* * *

Щеколда есть и есть скоба
В калитках всех дворов.
И держат у крыльца собак
Совсем не от воров.

Из века в век считал народ —
Не нам переиначивать! —
Что дом — не дом, коль без ворот,
Без лая без собачьего.

Привык рыбак, обняв детей,
Ступая на порог,
Чтоб пес метнулся из сеней
Со всех собачьих ног,

Чтоб дымом пахнущую шерсть
Взъерошить пятерней,
Закрыть калитку и присесть:
Пришел рыбак домой!

Как весь класс приехал на фестиваль

Мария Перейро — бразильская учительница. Школьное начальство считает, что у нее масса недостатков: строптива, дерзка, непочтительна. Но главное — чем это она забивает головы ребятишкам? Подумать только, однажды она вывела весь класс на демонстрацию против атомной бомбы и атомных испытаний! Школьное начальство тоже, конечно, против войны. Но ребят-то зачем ввязывать в политику? А Перейро, говорят, даже рассказывает детям о Советском Союзе и читает Макаренко...

Школьное начальство плохого мнения об учительнице Перейро.

А что думают о ней ее ребята, можно и не спрашивать. Это и так ясно: посмотрите только на цветы, всегда стоящие на ее столе, послушайте, как спорят ее ученики, кто пойдет сегодня провожать Марию и понесет тетради.

Для Марии самое главное — ее ребятишки. У нее всегда находятся дела, кроме проверки тетрадей и подготовки к урокам. Надо позаниматься с Люцией: девочка болела и отстала от класса. Надо сходить к родителям Пауло, пусть разрешат ему тренироваться в футбольной команде — мальчик растет увальнем, ребята смеются над ним. Надо незаметно на перемене сунуть бутерброд в парту маленькой, худенькой Лауры. Ее родители опять без работы.

Мария Перейро — любимая учительница. А это значит, что не только она знает своих учеников, но и они знают о ней все: чем интересуется, что любит, о чем мечтает Мария.

Ребята знают, чем огорчена Мария в последние дни. Ей очень хочется поехать на фестиваль, но дорога в Вену и обратно стоит дорого.

— Может быть, занять денег? — спрашивали ребята, хорошо знавшие, что их родители прибегают к этому способу, когда надо что-нибудь приобрести.

— А как потом отдавать?!

Мария получала две тысячи крузейро в месяц. А для поездки на фестиваль надо было девяносто тысяч крузейро.

Ребята ничего не ответили, но вечером все собрались у Режины Каутинью. Возражений ни у кого не было, решили собирать деньги.

После уроков ребята обходили квартиры всех учеников школы, заходили и к тем, кто уже окончил ее. Это был бедный рабочий квартал, где каждый знал цену деньгам. Но не было квартиры, где бы им отказали.

Весь класс несколько месяцев не ходил в кино и не ел мороженого. Эти деньги тоже отдавали в «фестивальный фонд». Ребята устроили лотерею и наконец собрали нужную сумму.

На следующий день ребята попросили Марию остаться после уроков в классе. Люция Ферейро вышла к учительскому столу и протянула конверт:

— Мы знаем, что вы горды и не любите помощи. Но это не помощь. Мы едем вместе с вами на фестиваль. Вот альбом с нашими фотографиями. Под ними каждый написал, что ему хотелось бы увидеть в Вене, на фестивале. Раскрывайте его изредка, вспоминайте нас. А когда вернетесь, мы заставим вас рассказывать целый день.

Говорят, что учителю трудно увидеть плоды своего труда. Это неверно. Мария учила ребят помогать друг другу, быть внимательными к товарищу и всегда держаться вместе: так легче переносить трудности. Они доказали ей, что будут жить именно так.

Мария смахнула слезу и обняла Люцию.

— Спасибо, дети. Река не может отказываться от ручейков, которые ее питают. Она высохнет...

И Мария поехала на фестиваль. Она была самым занятым человеком в бразильской делегации. Она смотрела, разговаривала, запоминала за весь свой класс. Мария выполнила все пожелания своих маленьких друзей. Она достала автограф русского футболиста для Пауло, повесила на шею делегатки Нигерии медальон Розы, зарисовала для модницы Люции, как одеваются венские девочки.

Маленькая Лаура подписала под своей фотографией: «Скажите всем: я хочу, чтобы не было войны и чтобы мой папа всегда имел работу». Когда Мария вышла на манифестацию, посвященную миру и дружбе между народами, она помнила о Лауре.

А в редкие свободные минуты она доставала альбом и показывала его своим товарищам, делегатам из других стран:

— Смотрите, вот Режина Каутинью. И умница и красавица. Ах, если бы она могла учиться дальше! Но родители ее бедны. Педро Мореро... Он даже физику отвечает в стихах. Может быть, он будет большим поэтом Бразилии. Мальчик влюблен в поэзию...

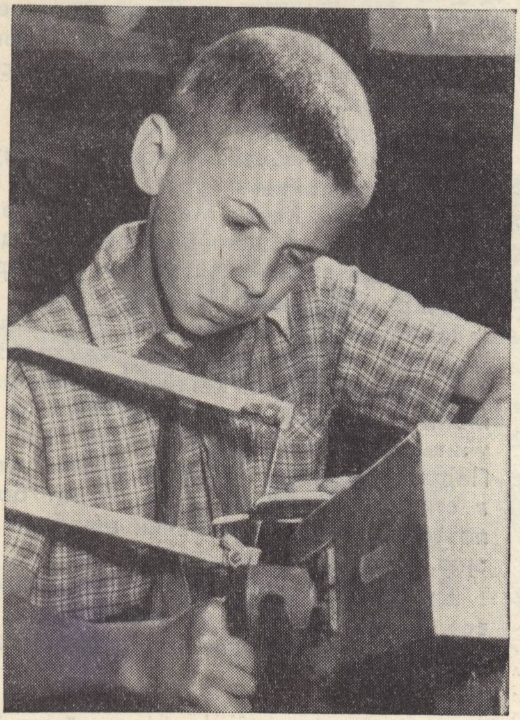
Да, она все знала про ребят, и они знали все, о чем мечтает их учительница...

Этот дружный класс целиком приехал на фестиваль.

Елена Бруськова

Вена, июнь.

Кто получит такой значок?

Саша Терентьев решил: надо получить значок пионера первой ступени. Но это нелегко. Саша учится выпиливать, делать разные нужные вещи для дома, для школы, переправляться через ручей, разжигать костер.

Первая ступенька — значит, ты уже научился делать нужные для школы и дома вещи, занимаешься спортом, знаешь историю пионерской организации, хорошо выполняешь законы юного пионера.

Что же дальше? Понятно, теперь на штурм второй ступеньки. Перед тобой новые требования, посложней. А там и третья ступень, самая трудная.

И если ты будешь подниматься со ступеньки на ступеньку, от значка к значку, то обязательно придет день, когда тебе вручат заветный значок — комсомольский.

Иногда ребята жалуются: «У нас в отряде по ступенькам не работают». А что если не дожидаться, пока отряд раскачается, а самому с товарищами, со звеном начать бороться за значок твоей ступени? Глядишь, и весь отряд увлечется новыми, интересными делами.

В этом номере журнала мы рассказываем о ребятах, которые стараются получить значки пионерских ступеней. Ты прочитал здесь о том, как Саша борется за значок первой ступени. Теперь загляни на страницы 52 и 66.

Нужно уметь и танцевать...
Ну и, конечно, надо самому следить за своим костюмом.
Хочешь получить такой значок, за какой борется Саша Терентьев, ученик четвертого класса 504-й школы! Выполняй требования для пионера первой ступени.

О Т В А Ж Н Ы Е

Александр ВОИНОВ

Рисунки А. Смолина, П. Смолина.

(Окончание)

Тяжелая борьба

Теперь все, что делал Михаил Юренев, все то, что он говорил, советовал и на чем настаивал, представлялось Алексею в подлинном своем значении. Он узнал как будто совсем немного: про кусок мяса, воровато подсунутый ефрейтором под крышку бачка,— и картина оказалась полностью завершенной. Только очень высокое покровительство могло заставить лагерное начальство идти на такие поблажки.

Подавая сегодня в окошко бачок, он заглянул в кухню и заметил в дальнем углу крепко сбитого мальчугана с круглой ершистой головой, который, сидя на чурке, мыл репу. Это, конечно, и есть приятель Коли. С места, на котором он сидит, несомненно, хорошо видны все движения повара, и мальчуган наверняка не ошибся.

Но, может быть, Юреневу бросали лишние куски мяса просто из жалости, решили подкормить человека? Нет, желчный, словно иссушенный злобой ефрейтор, всегда в грязном белом колпаке, с засученными выше локтя рукавами, окидывал каждого подходящего к окошку таким яростным взглядом, точно все эти до последней крайности измученные люди мешали ему. Он словно задался целью портить и без того плохие, лежалые продукты, и его варево всегда скверно пахло. Но и эту бурду повар разливал по бачкам так скупо, что в котле оставалась добрая часть дневной варки, и остатки выплескивались в сточную канаву. Нет, у этого ефрейтора и кости не выпросишь, не то что мяса! Если дает,— значит, имеет чей-то строгий приказ.

Из головы у Алексея не выходила сцена у котлована. А ведь ловко Юренев тогда вышел из положения! Обернул все так, что сам Алексей получился чуть ли не предателем. Хитрец! С таким бороться трудно, но нужно, иначе он всех погубит.

Алексей решил, что наступил момент, когда он уже не имеет права молчать. Он должен поделиться своими подозрениями с товарищами. Но и в этом, конечно, нужно сохранять осторожность и осмотрительность: один неверный поступок — и Юренев поймет, что его игра раскрыта.

Вечером Алексей шепнул Еременко, что им надо поговорить. Улучив минуту, когда все готовились ко сну, они вышли во двор и, покуривая, облокотились о плетень. До отбоя оставалось минут десять, и вдоль деревни уже двигались ночные патрули.

Еременко внимательно слушал быстрый, сбивчивый рассказ Алексея; на его истощенном, поросшем светлой рыжеватой бородкой лице появилось выражение тревоги.

— Так что же ты думаешь делать? — спросил он.

— Я хочу устроить Юреневу последнюю проверку.— И Алексей изложил свой новый план.

— Рискованно,— сказал Еременко.— А вдруг не выйдет! Тогда что?

— Все равно выхода нет. Останемся — погибнем. Послушаем Юренева — тоже в ров ляжем. Уж лучше рискнуть!

— Ну, а еще с кем ты будешь говорить? — спросил Еременко.— На такое дело идти — двух умов мало...

— А как ты думаешь, с кем?

— С Кравцовым...

Лейтенант Юрий Кравцов мучительно переживал неволю. Совсем юный — ему не было и двадцати лет,— чистосердечный и порывистый, он не мог смириться с тем, что не может активно бороться с врагом, что жизнь его должна окончиться за колючей оградой. Временами он падал духом, но внезапно душевные силы в нем опять брали верх, и он становился веселым и жизнерадостным. Юрий верил Алексею и, не задумываясь, пошел бы вместе с ним.

— Да, с Юрой — обязательно,— согласился Алексей.— Но это горячая голова, как бы он не натворил беды.

— Тем более надо его подготовить.

К плетню подошли двое полицаев.

— Эй! — крикнул один из них.— Заходи в дом! До отбоя две минуты...

Еременко отошел от плетня. Алексей остался на месте.

— Дай-ка, Василий Дмитрич, огонька! — сказал он, обращаясь к высокому полицаю, который стоял, циркулем расставив свои длинные ноги.

— Какой я тебе Василий Дмитрич! — заорал полицай.— Ты что, дисциплины не знаешь?.. Пошел! Пошел!

— Может быть, ты, Петя, разживешься огоньком? — спокойно обратился Алексей ко второму полицаю, который удивленно разглядывал пленного, осмелившегося так нагло держаться с ним.

— Иди! Иди! — проговорил Петя.— Разболтался! В кумовья полез...

— А что? Может быть, и в кумовья,— сказал Алексей.— Завтра вы нас конвоировать будете?..

— Ну, мы,— сказал Василий Дмитрич.— А тебе-то что? Не все равно?!

— Значит, не все равно,— многозначительно сказал Алексей.— Птички по полю летают и о людях много знают!.. Завтра разговор к вам будет...— И ушел вслед за Еременко в избу, оставив обоих полицаев крайне озадаченными.

Что за намек сделал этот пленный? Действительно ли он что-то знает? О чем он хочет говорить? Расхаживая в эту ночь по спящей деревне, они долго раздумывали и наконец решили: самим на разговор не навязываться, а если пленный будет набиваться,— выслушать. Если же станет болтать лишнее, тут же пристрелить «при попытке к бегству»...

С утра Алексею не удалось поговорить с Кравцовым: их подняли раньше обычного и вывезли в поле.

Во время работы, при Михаиле, говорить было невозможно, тем более, что рядом все время кружили оба полицая. Вид у них был замкнутый и незаинтересованный, но по тому, как часто они бросали настороженные взгляды в сторону Алексея, он понял, что они от него чего-то ждут. «Помучайтесь, помучайтесь,— думал он,— покладистей будете!»

Глядя со стороны на эту небольшую группу работающих в необъятно широком поле людей, трудно себе было представить, что здесь кипят затаенные страсти. Вот они носят землю, устанавливают стальные каркасы дота, замешивают бетон, и ничто не выдает их внутреннего напряжения, того накала, который вот-вот может привести к взрыву.

Время тянулось томительно долго. Наконец из деревни донеслись долгожданные звуки гонга.

Петька зычно крикнул:

— Кончай работу! Перерыв!— И обвел всех строгими глазами.— А ты, Юренев, давай за обедом! Торопись!..

Юренев привычно схватил лежавший в сторонке бачок и, весело махнув всем рукой, быстро пошел к деревне. Алексей с ненавистью посмотрел ему вслед: «Иди, иди и подавись по дороге мясом!»

Теперь можно и поговорить. Он присел рядом с Кравцовым, который устало прислонился спиной к бетонному основанию дота, широко раскинув свои тонкие, с длинными пальцами руки.

— Юра, мне нужно сообщить тебе очень важную вещь,— сказал он тихо, чтобы полицаи, обедавшие неподалеку на бревнах, не услыхали.— Выяснилось, что Юренев — предатель!..

При этих словах Кравцова словно подбросило, он побледнел и повернулся к Алексею с таким искаженным лицом, что тот испугался.

— Не верю! Не верю! — почти крикнул он.— Клевета! Где доказательства?!

Алексей никак не думал, что его слова вызовут такую бурную реакцию.

— Тише, тише! — Он схватил Кравцова за руку и силой усадил на прежнее место.— Факты проверены!.. Поверь, мне совсем не хочется его губить... Но будь с ним осторожен...

Разговор не получился. Алексей побоялся раскрыть Кравцову все подробности: неизвестно, что может натворить этот честный парень, у которого, однако, совсем нет выдержки...

— Смотри,— строго сказал Алексей,— ничем не выдай Михаилу нашего разговора... Ты можешь погубить всех: и себя и нас.

— Хорошо,— прошептал Кравцов,— но я это проверю. Я должен это проверить... Я не могу жить, если человек, которому я так доверял,— предатель...

Алексей поднялся и подошел к бревнам, на которых сидели полицаи.

— Приятного аппетита, господа полицаи! — сказал он чуть насмешливо.

— А тебе что? — сердито покосился на него Василий Дмитрич.— Опять болтать пришел?!

— Нет, зачем? С серьезным разговором.

— Какие у нас с тобой могут быть разговоры? — усмехнулся Петька.— Ты копай, а мы гляди...

— Не хотите разговаривать, как хотите,— пожал плечами Алексей.— Придет время, пожалеете.

— А когда же такое время придет? — прищурился Василий Дмитрич.

— Когда мы все доты построим, тогда и придет!..

Полицаи переглянулись и с каким-то новым интересом взглянули на Алексея.

— Ну, ну, крути языком дальше,— проговорил Василий Дмитрич.— Чем ты нас стращать хочешь?..

Алексей понял, что в глубине души у них страх. Они грубят, чванятся, а на самом деле трусят, ждут расплаты. Да, Коля дал ему верный ключ к этим людям.

— После работы,— сказал он,— задержите меня, поговорим без свидетелей.

Василий Дмитрич покачал головой.

— Никак нельзя!.. Подозрение будет... Говори сейчас, никто не услышит...

— Нет,— упрямо возразил Алексей,— сейчас не время: работать надо!..

И отошел от полицаев, оставив их в еще большем смущении.

Юренев уже вернулся с бачком. Он заметил, что Алексей беседовал с полицаями.

На этот раз супа было особенно мало, кое-где плавали блестки жира и крупицы пшена. Все ели, сев в кружок и по очереди зачерпывая ложками.

Кравцов, который обычно садился рядом с Юреневым, переменил место и, поднося ложку к бачку, время от времени враждебно поглядывал на своего недавнего друга. «Как бы он чего-нибудь не натворил,— с тревогой подумал Алексей.— Зря я с ним откровенничал!..»

Покончив с супом, Юренев засунул ложку за голенище и как бы невзначай спросил Алексея:

— Закурить есть?

— Есть!..

— Давай, что ль, покурим!..

Они отошли в сторону. И Михаил сразу же начал допрос.

— О чем ты с ними разговаривал? — кивнул он в сторону полицаев.

— О погоде! — усмехнулся Алексей.

— Я не шучу.— В голосе Михаила прозвучала угроза.

— А почему, собственно, ты меня допрашиваешь? На каком основании?

— Скажу прямо!.. После того, что ты мне говорил, я уже не могу относиться к тебе с полным доверием. Твой контакт с полицаями меня еще больше настораживает...

— Неужели же ты думаешь, что, решив предать, я делал бы это на глазах у всех?

— Я требую, чтобы ты сказал, о чем вы говорили! — резко повторил Юренев.— Или я оставлю за собой свободу действий.

— Что это значит?

— Я не обязан говорить об этом... своему врагу!..

— Так вот каким ты заговорил языком? — Алексей глубоко затянулся саднящим дымом.— Ну ладно, делай что хочешь!..

И, резко повернувшись, он отошел в сторону, взял лопату и спустился на дно котлована...

Почти всю вторую половину дня они работали рядом, устанавливая бетонный колпак. Иногда их руки соприкасались и тут же отдергивались. Обоюдная неприязнь, до сих пор таившаяся где-то в глубине и долго не находившая выхода, вдруг вспыхнула и почти мгновенно достигла крайнего напряжения.

«А что, если он знает, где я храню свои записи? Что, если он видел Колю?» — думал Алексей.

От долгой работы заныла спина. Алексей выпрямился и даже скрипнул от боли зубами. Как хорошо хоть несколько мгновений постоять, развернув плечи, и глубоко, полной грудью вдыхать чистый, пахнущий первым снегом воздух!

Вдруг его взгляд задержался на темной впадине соседнего недостроенного дота. Где-то в пути застряла арматура, и Вернер приказал на время прекратить работы.

Алексей представил себе узкую, короткую траншею, крутой поворот, немного погодя еще один поворот, а затем глубокий котлован с отвесными стенами. Совсем недавно в этом котловане его группа пережила несколько неприятных минут.

Воспользовавшись тем, что полицаи ненадолго отлучились по своим делам,— а они изредка уходили, считая, что все равно никто не убежит: ровное поле простирается почти до горизонта, укрыться негде,— Алексей устроил в котловане короткое совещание. Сидя спиной к траншее, на краю котлована, он глядел в ту сторону, куда ушли полицаи, и не заметил, как, впрочем, и другие, что Кравцов тайком вылез из котлована с другой стороны, подслушал за поворотом траншеи все до последнего слова, а затем вдруг внезапно выскочил и всех перепугал. Вот уж никто не думал, что эта траншея нечто вроде длинной слуховой трубки! Юренев даже не поверил, специально ходил за поворот и слушал...

Алексей хмуро усмехнулся. Не повторить ли это, но теперь уже не в шутку, а всерьез? «Клюнет он или нет? — И Алексей скосил глаза на Юренева, который укладывал бетонные плиты.— Что ж, попробовать можно. Выйдет так выйдет!.. А если не выйдет?..— Алексей задумался.— Да, ставка слишком высока!.. Собственная жизнь!..»

И вдруг им овладел какой-то злой, острый азарт. Все равно гибель!.. Недавний выпад Юренева — это последнее предупреждение. Сейчас Юренев сделает все, чтобы смять Алексея, тем более, что у него в руках сильные козыри: отказ Алексея от побега, непонятное общение с полицаями. Нет, если действовать, то сейчас, не откладывая: ведь за вечер и ночь многое может измениться. Юренев подговорит кого-нибудь убить Алексея как предателя или предаст всех сам — это тоже весьма вероятно: ведь он чувствует, что висит на волоске. Может получиться и так, что обоих полицаев завтра пошлют в другой наряд и тогда Алексей уже не сможет осуществить своего плана. И если даже останется жив, то в глазах окружающих цена ему будет ломаный грош, все будут его сторониться, как прокаженного. Доказывай потом, чем ты руководствовался, какие у тебя были благие тайные замыслы! Стоя на краю могилы, под прицелом автоматов, товарищи будут проклинать тебя. Нет, этого он не допустит!..

Выбрав момент, когда полицаи, утомившись бродить между работающими, опять присели на бревна покурить, Алексей отставил лопату в сторону и подошел к ним снова.

— Вот что, Василий Дмитрич,— сказал он,— ты прав, неудобно меня оставлять после работы.

— Я же тебе говорил... Ну, что ты хочешь? — сплюнул на землю полицай.

— А вы поведите меня вон к тому доту! Материал у нас там оставлен — ведра, кирки... Там вот и поговорим.

Полицаи переглянулись.

— Ну что ж,— лениво сказал Петька,— это можно! Когда вести-то?

— А вот я еще немного поработаю, ты подойди и окликни...

— Ладно, ступай,— покровительственно сказал Василий Дмитрич.— Вижу, язык у тебя так и чешется... Что ж, поболтаем, если такая охота... Только, смотри, болтай дело, а то...— И он многозначительно положил руку на лежавший рядом автомат.

Алексей повернулся и словно после ничего не значащего для него разговора пошел назад... Если бы кто-нибудь знал, как неимоверно трудно вести ему эту жестокую игру, в которой надо переиграть профессионального актера и не менее профессионального предателя!..

Из толпы работающих на него пронзительно уставились потемневшие глаза Юренева, но Алексей смотрел мимо, словно и не видел их. Два тайных разговора с полицаями в один день на глазах у всех! Очевидно, Юренев уже в полной мере воспользовался этим, чтобы возбудить к нему недоверие, и когда Алексей подошел, многие примолкли, делая вид, что усиленно работают. По смятенному, полному отчаяния взгляду Кравцова Алексей понял, что тот окончательно сбит с толку.

Минут через пять полицаи встали с бревен, накинули на плечи ремни автоматов и подошли поближе.

— Эй, Охотников! — крикнул Петька.— Подь сюда!

— Опять! — услышал Алексей за спиной приглушенный возглас Юренева.

Алексей сделал еще несколько взмахов лопатой. Однако Василий Дмитрич хорошо вошел в свою роль.

— Тебе повторять, что ль? — рявкнул он сердито.

Алексей воткнул лопату в землю и стал спускаться с бугорка, на котором все работали.

Еще не поздно было отказаться от своего замысла: упасть, подвернуть ногу, придумать еще что-нибудь. Но нет, возврата не может быть: если теперь он не пойдет до конца, то до конца пойдет Юренев. Такова логика борьбы!

Полицаи забыли сказать, зачем они уводят Алексея, и это еще больше окружило таинственностью неожиданный его вызов. Что им нужно в недостроенном доте? Почему они повели его туда?

Короткими, язвительными репликами Юренев стремился заронить недоверие к Охотникову. Еременко попробовал вступиться, но тут же получил сильный тумак в спину.

— Молчи! Дружка защищаешь! — крикнул Юренев.

Когда полицаи и Алексей скрылись в котловане, пленные некоторое время подавленно молчали.

Юренев посмотрел на котлован и вдруг обернулся к Кравцову.

— Юра! Поди-ка послушай...— насмешливо сказал он,— у тебя уже есть опыт!..

Кравцов сделал шаг вперед и нерешительно остановился.

— Ну и трус ты, братец! — презрительно поморщился Юренев.— Как до дела дошло, так в кусты...

А в это время Алексей и полицаи сидели на дне котлована, пристроившись на груде щебня. Полицаи стремились вновь обрести независимый вид, но это им не удавалось, и они злились. Какой-то пленный затащил их в эту чертову яму, и сиди здесь, жди, когда он раскроет, зачем ему все это понадобилось.

А Алексей все тянул, говорил о пустяках и главного разговора не начинал. Иногда он умолкал, поглядывал в сторону траншеи, словно к чему-то прислушиваясь, и это еще больше раздражало полицаев.

— Да не тяни ты кота за хвост! — наконец взорвался Василий Дмитрич.— Ей-богу, сейчас прикладом огрею! Зачем привел? Чего тебе от нас надо? Ну?..

— Хорошо! — неторопливо проговорил Алексей, хотя его нервы были напряжены до отказа. Неужели, неужели он просчитался? Если это так, то он не уйдет отсюда — нападет на полицаев. Пусть они его убьют, другого выхода нет. Приняв это решение, он вдруг приобрел спокойствие.— Хорошо,— повторил он медленно.— Начнем? — И опять прислушался: ему почудилось, что где-то в глубине траншеи хрустнул камень.

— Так вот, господа полицаи,— громко сказал Алексей,— вы помните дот под копной?..— По тому, как побледнел Василий Дмитрич и растерянно откинулся назад Петька, он понял, что попал в точку, и еще раз мысленно поблагодарил Колю.— Помните или нет? — повторил он.

— Ну, знаем такой дот,— осторожно ответил Василий Дмитрич,— а дальше что?

Алексей нагнулся вперед, упершись локтями о колени.

— А дальше вот что. Несколько дней назад вы оба, находясь в этом доте, договаривались о побеге!..

Василий Дмитрич вскочил и взмахнул автоматом.

— Врешь, сволочь! Не было этого! Убью!..

Алексей остался невозмутимым.

— Ну, убей,— медленно сказал он.— Убей!.. Но об этом сегодня же узнает начальник лагеря. Неужели ты думаешь, что я глупее тебя? В верном месте я оставил письмо. После моей смерти его тут же найдут... Понятно? Ну, может быть, ты теперь опустишь свою игрушку? Петя, скажи ему об этом. Ты, я вижу, более разумный человек. Давайте лучше поговорим спокойно!..

Петька встал и потянул Василия за рукав.

— Ладно! — сказал он примирительно.— Давай послушаем! Пристрелить никогда не поздно...

Василий свирепо сверкнул глазами и вновь опустился на место.

— А какое тебе-то до нас дело? — глухо сказал он.— Ты, я вижу, жизнью не дорожишь...

— Нет, наоборот,— улыбнулся Алексей.— Я хочу жить, так же как и вы!.. Поэтому у нас интересы общие...

— Чего же тебе от нас надо? — спросил Петька.

Алексей снова взглянул в сторону траншеи: он теперь был уверен, что за ближайшим поворотом кто-то стоит.

— Хочу помочь вам,— сказал он.

— Помочь! — воскликнул Василий.— Ах, чертов сын!..

Но притворяться ему уже было невозможно. Петька подвинулся ближе к Алексею и по-деловому спросил:

— А ты что, знаешь, куда идти?

Алексей пожал плечами.

— Если пойдем вместе, то дорогу найду!..

— А сколько нас? Ты да мы,— поднял три пальца Петька.

— Нет, зачем? Еще люди найдутся...

— Слышал? — обратился Петька к Василию.

Тот молча кивнул головой, и на его лице впервые промелькнуло нечто человеческое.

— Я предлагаю вам, ребята, бежать вместе с нами,— сказал Алексей.— Вот зачем я вас сюда позвал... Вы же сами понимаете: если останемся, и у вас и у нас конец один. А если пойдете с нами, то там мы скажем, что вы нас выручили, и вас простят.

— Где это «там»? — спросил Василий.

— Ну, это ты слишком много хочешь знать,— повел бровью Алексей.— Когда придешь, увидишь...

— На опасное дело ты нас тянешь, Охотников,— вздохнул Петька.— Ох, на опасное!..

Алексей развел руками.

— Смотрите, думайте! Ваша воля, вы себе хозяева!..

Василий встал.

— Ну ладно! Засиделись!.. Идти надо!..— Он вскинул автомат на плечо.— Мы подумаем! Это еще обмозговать следует.

— А когда дадите ответ? — спросил Алексей.

— Завтра утром, как на работу поведем, так и дадим,— ответил Петька.

Алексей поднял руку.

— Только давайте договоримся: если откажетесь, этого разговора не было! А то сами понимаете...— Он выразительно замолчал.

Петька мрачно усмехнулся.

— Понимаем! Ты нас не стращай... Держи сам язык за зубами, а мы уж научены...— Он подошел к Алексею поближе и тихо спросил: — А все-таки как ты про тот разговор пронюхал? Ведь мы в доте только вдвоем и были...

Алексей прищурился.

— А как ты думаешь, сколько нас здесь?

— Когда?

— Сейчас!

— Трое...

— Эх ты!.. Считать не умеешь... Взгляни, кто за поворотом стоит. Да побыстрей, пока не убежал!..

Петька сделал страшное лицо; глаза у него округлились, и вся его сутулая фигура затряслась. Прижав к груди автомат, он метнулся в траншею, толкнув Алексея. В то же мгновение от ближайшего поворота застучали чьи-то тяжелые шаги. Человек, видимо, бежал к выходу изо всех сил.

— Сто-ой!.. Стрелять буду!..

Петька исчез в глубине траншеи. Василий не выдержал и бросился вслед за ним. Алексей слышал в глубине возбужденные голоса нескольких человек, но не мог разобрать ни одного слова. И вдруг, когда они стали приближаться, Алексей отчетливо услышал голос человека, из-за которого он пошел на риск,— голос Юренева.

Через минуту Петька вытолкнул Юренева из траншеи и остановился позади, не опуская автомата. Юренев держался спокойно, даже вызывающе спокойно, словно он здесь был старшим.

— Ты все слышал? — спокойно спросил его Алексей.

— Да, все! — подчеркнуто громко ответил Юренев.

— Будешь и теперь утверждать, что я предатель?

— Буду! — насмешливо смотря ему в глаза, сказал Юренев.

— Почему?

— Потому что мне это надо!

Василий подошел к Алексею и сердито тряхнул его за плечо.

— Слушай-ка, ты, Охотников! Он говорит, что ты все врешь. Опутать нас хочешь...

Алексей с силой сбросил руку Василия с плеча.

— Кого ты слушаешь? Ведь это провокатор! Он в гестапо служит!..

Петька вздрогнул и опустил автомат. Ну и в историю они попали!

Юренев присел на груду щебня и уверенно развернул плечи.

— Ну, Охотников! Давай играть в открытую,— сказал он, наслаждаясь ощущением своей силы.— Да, ты раскусил меня. Я работаю в гестапо! Я гнию рядом с тобой, чтобы предать тебя!.. Да, я предатель! Но ты умрешь, а я буду жить... А вот они,— указал он на полицаев, которые в смятении жались к стене,— сейчас застрелят тебя по моему приказу. Застрелят, потому что они хотят жить, а только я один могу им дать прощение.

— Но они могут убить и тебя! — крикнул Алексей.

— Не могут! — спокойно покачал головой Юренев.— Если они убьют меня, их тут же расстреляют. Никто им не поверит, что меня нужно было убить при попытке к бегству или при неподчинении приказу... Не могут! Ты умрешь, как подлый предатель, и могила твоя зарастет чертополохом.— Он поднял руку, привлекая внимание полицаев.— А ну, дайте по нему очередь! — И вдруг, обернувшись, дико заорал: — Стреляйте, приказываю!.. Или самих расстреляю!

Полицаи вскинули автоматы. Еще мгновение — и Алексей упал бы мертвым. Но в этот момент на краю котлована появился человек.

— Стойте! — закричал он.

Все невольно подняли головы. Занеся высоко над головой обрезок железной балки, стоял Кравцов.

— Я все слышал! — проговорил он.— Я тоже был здесь! Ты, собака,— нагнулся он к Юреневу,— не можешь умереть от пули, но вполне можешь от несчастного случая!..

Юренев в страхе прижался к стенке котлована.

Брошенный с силой кусок железа размозжил ему голову. И тело Юренева рухнуло на камни.

Кравцов спрыгнул и подбежал к Алексею.

— Я всем скажу правду! — горячо сказал он.

— Стойте! — закричал Кравцов.

Полицаи, опустив автоматы, постояли над телом Юренева. Потом Петька сказал:

— Какой неосторожный! Я же ему говорил: «Осторожнее сталкивай балку. Может упасть на голову...»

Василий глубоко вздохнул:

— Вот как бывает. Лезет человек куда не надо!.. А потом его хорони...

Курт Мейер, который в этот вечер собирался встретиться с Юреневым, узнав о его внезапной гибели, был взбешен. Но самое тщательное расследование подтвердило: Юренев пал жертвой собственной неосмотрительности.

Однако Курт Мейер был не из тех, кого легко убедить в том, чему он не хочет верить. И он принял свои меры...

Теперь — действовать!

Коля с волнением ждал следующего утра.

Они с Витей договорились уходить.

Как выбраться из лагеря, ребята уже продумали. Они заберутся в машину, которая каждый день отправляется в соседнее село в пекарню за хлебом. Витя уже несколько раз ездил туда, и повар охотно его отпускал. Сам он не любил трястись по осенним, размытым дорогам. А особенно сейчас, когда снег то выпадает, то тает, удаляться от деревни крайне опасно: того и гляди, засядешь где-нибудь в грязи.

Обычно, кроме шофера, в машине ехали два солдата или полицаи, которые получали в пекарне хлеб, укладывали его в кузов, а затем залезали на него сами. Теплый хлеб грел их, а то, что буханки расплющивались и ломались, не имело значения: заключенные все сожрут.

Несколько дней назад случилось так, что ефрейтор долго не мог разыскать второго дежурного полицая и, так как шофер уже скандалил, приказал отправляться за хлебом Вите. Тот успешно справился с этим делом. С тех пор поездка за хлебом стала Витиной обязанностью. И ребята решили: если на машине ездит Витя, то почему на ней не поехать и Коле? Они отправятся в село вместе, получат хлеб, а на обратном пути выпрыгнут на дорогу. Пока машина доедет до лагеря, пока их хватятся, пока будут решать, посылать за ними погоню или нет, они будут уже далеко. Конечно, им придется сделать немалый крюк, потому что село находится в стороне от пути, которым они должны идти, но это даже лучше: надо обходить меньше застав.

Ночь прошла в тревожном ожидании утра, а утро — в еще более тревожном ожидании часа встречи с отцом. «Придет ли он? — с тоской думал Коля.— А вдруг что-нибудь да случится, вдруг его арестуют!»

Вернер куда-то уехал до рассвета, и поэтому Рихард всласть выспался, а когда проснулся, заставил Колю чистить зубным порошком ложки, вилки и ножи. Вернер любил, чтобы у него на столе все блестело.

Справиться с двумя приборами не так-то трудно, но у Рихарда тут же нашлась еще работа: ему взбрело на ум чинить испортившийся радиоприемник, и хотя Коля в этом ничего не понимал, все же Рихард заставил его сидеть тут же, за столом, и смотреть, как он орудует отверткой. Больше всего Рихард не любил одиночества, а кроме того, он даже привязался к мальчику, присутствие которого напоминало ему о далеком доме.

А время шло. Часы на стене показывали без четверти двенадцать. Скоро прозвучит обеденный гонг. Что делать? Как избавиться от этой глупой тягучей затеи, которую придумал Рихард? Хоть бы дело какое-нибудь, а то сиди и смотри, как он окончательно запутывается в каких-то деталях и проволочках.

Рядом, на подоконнике, лежала губная гармонь, на которой изредка любил играть Вернер. Коля встал, взял блестевшую никелем, украшенную замысловатыми вензелями узкую плитку и поднес к губам. Гармонь издала тонкий, сильный звук. Он быстро провел ею по губам, и из нее вырвалась такая какофония звуков, что Рихард схватился за голову.

— Стоп! — сказал он.

Но Коля яростно и с отчаянием дул и дул в гармошку — будь что будет! Любой человек на месте Рихарда от такого концерта пришел бы в ярость. Но Рихард был терпелив, и только шея его все больше и больше наливалась краской. Наконец, когда визг гармошки стал уже совсем невыносимым, он вскочил, выхватил у Коли гармошку, подбежал к двери и пинком распахнул ее.

— Шнель! — крикнул он.

Этого как раз Коле и нужно было. Он стремглав выбежал из дома. И как раз вовремя: гонг уже прозвенел, и ворота в поле были широко раскрыты. Забежав за сарай, Коля привстал на большой камень и стал смотреть на дорогу через плетни.

Снег, выпавший прошлой ночью, не растаял. Он укутал поля до самого горизонта, и только черной рекой вилась между отлогими холмами разъезженная машинами дорога. Сейчас по ней пробирались люди. Они брели, как всегда, таща в руках поблескивающие металлом бачки. Какой изощренный в пытках ум придумал это тяжкое и унизительное паломничество! Казалось бы, совсем просто — возить обед в поле на машинах. Нет, нужно, чтобы люди не имели ни минуты покоя, чтобы их изнуряла не только работа, но и голодное ожидание.

Отец!.. Вот он подходит к воротам. Бачок у него в левой руке, правой он быстро размахивает. Торопится! Как жаль, что нельзя подбежать к нему, обхватить обеими руками за шею, поцеловать в колючую щеку!

На этот раз Коля шел по другой стороне улицы. Когда они поравнялись, отец улыбнулся и подмигнул. Пройдя в том же направлении еще десятка два шагов, Коля круто повернул.

Как громко стучит сердце! Сейчас должно решиться самое главное: сумеет ли он быстро и незаметно нагнать отца. Но почему отец идет так стремительно? Ведь до кухни остались считанные шаги...

Вдруг отец приостановился, осторожно поставил бачок в грязь и, отойдя немного в сторонку, где было посуше, стал неторопливо завязывать на ботинках шнурки.

Коля был уже шагах в пятнадцати, когда отец наконец справился со шнурками, поднял бачок и, не оглядываясь, пошел своим путем.

Осталось ли что-нибудь на земле?.. Да! Комком грязи придавлена какая-то бумажка. Но как же ее поднять? Кто может поручиться, что за Колей не наблюдают из окна ближайшей хаты?.. Вдруг под ногой хрустнул кусок бутылочного стекла. Коля, как бы играючи, поднял его, взглянул сквозь мутный осколок на небо и отбросил в сторону. Потом поднял еще какой-то камешек, поиграл с ним и тоже отбросил. И вот, наконец, еще шаг, последний шаг — и бумажка рядом!..

Как трудно сделать простое движение: нагнуться и поднять ее так же легко и просто, как стеклышко или камешек! Коле казалось, что кто-то только и ждет того момента, когда он коснется этой измазанной грязью бумажки.

Коля постоял, перевел дух, а затем каким-то отчаянным движением нагнулся, схватил бумажку и зажал ее в кулаке.

Много и других тяжелых испытаний было потом на Колином пути. Но ему всегда казалось, что самое трудное он пережил вот в этот момент.

Коля остановился только тогда, когда оказался возле дома Вернера. Зачем он пришел сюда? Вот сейчас Рихард выйдет на крыльцо и заставит что-нибудь делать... Да, так и есть! Рихард, коловший у плетня дрова, сразу заметил мальчика и поманил его рукой.

Через несколько минут Коля растапливал печку. Он не успел даже засунуть бумажку в щель, заранее высмотренную в хлеве.

Выбрав момент, когда Рихард наконец вышел в соседнюю комнату, Коля опрометью кинулся в свою каморку и, быстро оглядевшись, засунул донесение под стоявшую на полочке плоскодонную керосиновую лампу.

Но это чуть не погубило его. Едва он вернулся в комнату, как Рихард прошел на кухню, держа в руках бидон с керосином. Это значило, что сейчас он притащит туда все лампы, открутит горелки и начнет по очереди заливать в них керосин.

Коля метнулся назад, но все же Рихард оказался в каморке раньше него, снял с полки лампу, потом протянул руку и взял донесение.

Коля замер на пороге. Все кончено! Отец погиб!.. И он сам тоже погиб!..

Но Рихард внимательно оглядел бумагу, потом, скомкав ее, обтер ею копоть с горелки и бросил в угол. Когда он проходил мимо, вынося лампу, Коля почувствовал, как дрожат и слабеют его ноги. Едва за Рихардом захлопнулась дверь, он упал на солому, как путник, который падает в дорожную пыль, чувствуя, что не может сделать ни шагу дальше...

Только тогда, когда он услышал, как громыхает за стенкой Рихард, Коля понял, что опасность миновала. Он поднял донесение и развернул его. К счастью, испачканной оказалась лишь оборотная сторона. Схема, начерченная чуть растекшимся чернильным карандашом, сохранилась. Коля ничего не понял во всех этих значках, но его обрадовало, что они ясно различимы и вода их не смыла.

Когда Коле наконец удалось выбраться из дома, он забежал в хлев и спрятал донесение поглубже в щель и только после этого немного успокоился...

Вернер вернулся поздно вечером. Он был не в духе и долго распекал Рихарда. Коля и Витя лежали в своей каморке, прислушиваясь к глухо доносившимся из комнаты Вернера голосам, и тихо обсуждали, как им быть дальше.

Сегодня Витя, так и не дождавшись Колю, поехал за хлебом один. А как все отлично устраивалось! К утру они наверняка уже добрались бы до лагеря. Теперь же опять надо ждать, волноваться, терпеть...

Терпеть!.. Ждать!.. Это не так-то легко. Особенно когда знаешь, что от тебя многое зависит: донесение, которое надо вовремя доставить, жизнь отца, жизнь многих других людей.

Отец не сказал, на какой же день назначен побег. Наверное, и сам пока не знает! Коля и Витя решили, что они будут дежурить на опушке и ждать три, пять, десять дней — столько, сколько нужно, пока придет отец и приведет своих товарищей.

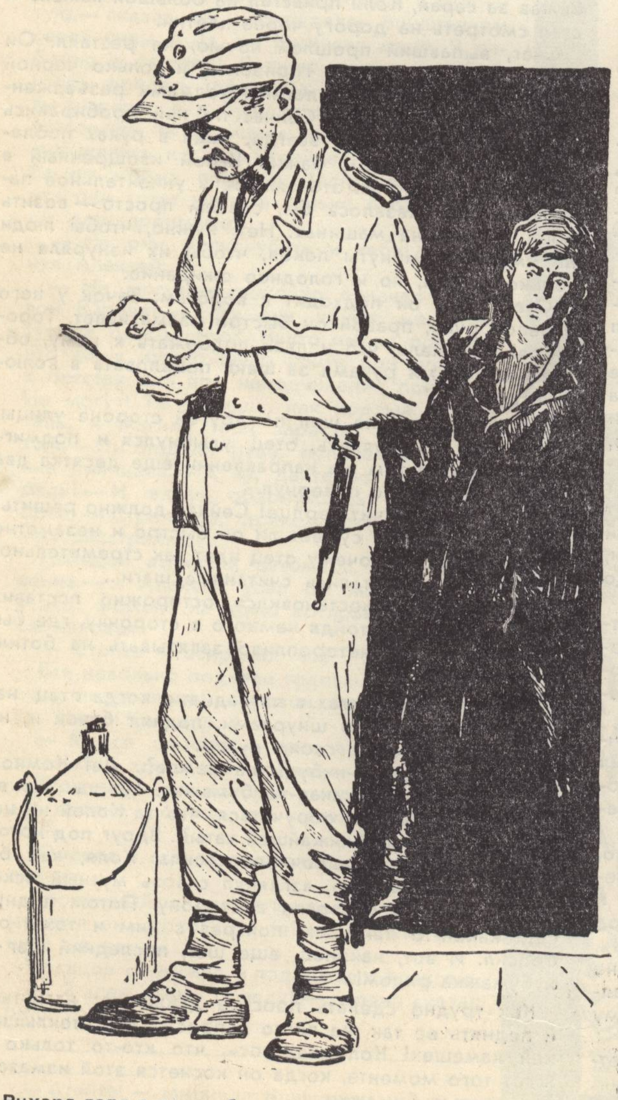
Ребята заснули далеко за полночь, и Витя чуть не проспал часа, когда должен был явиться на кухню. Ефрейтор не давал ему никаких поблажек. А сегодня нужно было быть особенно старательным, и не из боязни получить оплеуху, а потому, что ничто не должно помешать им наконец выбраться из этого проклятого места.

Ровно в два часа дня машина отправится в обычный рейс. Она должна увезти их обоих.

Ребята договорились, что Коля заберется в кузов в последний момент. Все часовые уже привыкли к тому, что эта машина каждый день в определенный час проезжала в ворота, и пропускали ее без тщательного осмотра: они знали, что находящиеся в ней имеют право на выезд из лагеря.

Когда наконец наступили долгожданные два часа, Коля оказался невдалеке от машины, стоявшей позади кухни около амбара с широко распахнутыми дверями. Шофер и дежурный полицай таскали в кузов пустые мешки и ящики, а Витя все еще почему-то не появлялся.

Донесение, тщательно завернутое в тряпочку, лежало вместо стельки в левом ботинке, и от этого ботинок сразу стал жать ногу. Коля ни на секунду не забывал, что при нем главная улика и ему нужно как

Рихард взял с полки бумагу и внимательно оглядел ее.

можно скорее выбираться из лагеря. Кроме того, не может же он долго болтаться вокруг амбара. В конце концов на это обратят внимание, и ему достанется.

Наконец шофер и полицай уложили все, что им было нужно. Шофер, молодой поджарый парень, взял ведро и пошел за водой, а полицай залез в кабину и, вытащив из кармана кисет, стал скручивать папироску. На минуту кузов остался без всякого наблюдения.

«Будь что будет,— подумал Коля,— махну-ка я сейчас!» Он подбежал к машине, схватился руками за борт, оперся ногой о колесо и через секунду, больно ударившись головой об угол ящика, уже лежал на пыльных мешках.

Коля огляделся. С земли его теперь увидеть нельзя, но в узком заднем окошечке кабины маячит голова полицая. Стоит ему обернуться — и посторонний сразу же будет замечен. Коля ползком пролез в переднюю часть кузова и лег под самым окошком. Теперь он находился в «мертвой зоне», которая из кабины не проглядывалась.

Однако возникло новое затруднение: как же подать Вите сигнал, что он уже в машине? Ведь, не найдя его поблизости, Витя может остаться в лагере. И тогда получится, что он, Коля, сбежал и бросил друга на произвол судьбы. Обнаружив побег, Вернер возьмется за Витю, и что с ним станется, предугадать нетрудно.

Может быть, вылезть обратно? Поздно! Шофер уже вернулся и возится у мотора. Сейчас, увидев, как мальчик вылезает из кузова, он, может быть, только его прогонит, но завтра уже и близко не подпустит к машине.

Да, нечего сказать, в хорошенькую историю он влип! Вот что значит поторопиться!

Хлопнула дверца — это вылез полицай; он вполголоса поговорил с шофером и ушел.

Наступила короткая пауза. Шофер, постукивая, что-то исправлял в моторе. Потом ему понадобилась мешковина. Он встал на подножку и протянул руку через борт. Нагнись шофер еще посильнее вперед — он наверняка заметил бы Колю. Но, к счастью, шофер хорошо знал, куда бросил мешки, и ощупью вытянул один из них...

Шофер спрыгнул с подножки и занялся своим делом, а Коля лежал с закрытыми глазами, не веря, что остался незамеченным, и тревожно ждал: вот-вот сейчас появится полицай и схватит его... Быстрые шаги несколько раз простучали мимо машины. Коля прислушался. Наверное, рядом ходит Витя, ищет его и волнуется.

Но вот где-то поблизости скрипнула дверь, и чей-то хриплый голос сказал:

— Ты чего, парень, крутишься?.. Ехать пора!

Растерянный голос Вити ответил из глубины двора:

— Да я вот не знаю...

— Чего не знаешь? Залезай в кузов!

— У меня нога болит!..

— Ничего твоей ноге не сделается! Залезай, тебе говорят!..

Слышно было, как, тяжело вздыхая и постанывая, Виктор пошел к машине.

— Не могу я!.. Нога болит!..

Теперь он стоит совсем рядом. Только тонкая доска отделяет их друг от друга... Тихонько шепнуть — и он услышит. Витя потоптался и снова отошел. А шофер уже залез в кабину, рядом с ним сел и полицай...

Выпрыгнуть!.. Сейчас!.. Пока не поздно!..

Коля рванулся. Но как только он показался над бортом, Витя увидел его. Глаза его расширились, он испуганно взмахнул руками и бросился к машине.

Одним махом Витя оказался в кузове. Машина тут же тронулась по направлению к воротам. Сидя на ящике рядом с Колей, Витя хмуро смотрел на дорогу. Сейчас машина минует часовых!..

У ворот шофер притормозил, перебросился шуткой с солдатом, тот махнул рукой: «Проезжай!» И вот уже вольный ветер хлестнул Вите в лицо.

Тут он нагнулся к Коле.

— Ну и дурак! — сказал он со злостью.— Зачем спрятался? Так бы мы ехали открыто! А что теперь делать?!

Коля сказал:

— Я сейчас спрыгну и буду ждать тебя!..

— А я?..

— А ты на обратном пути!..

Витя подумал.

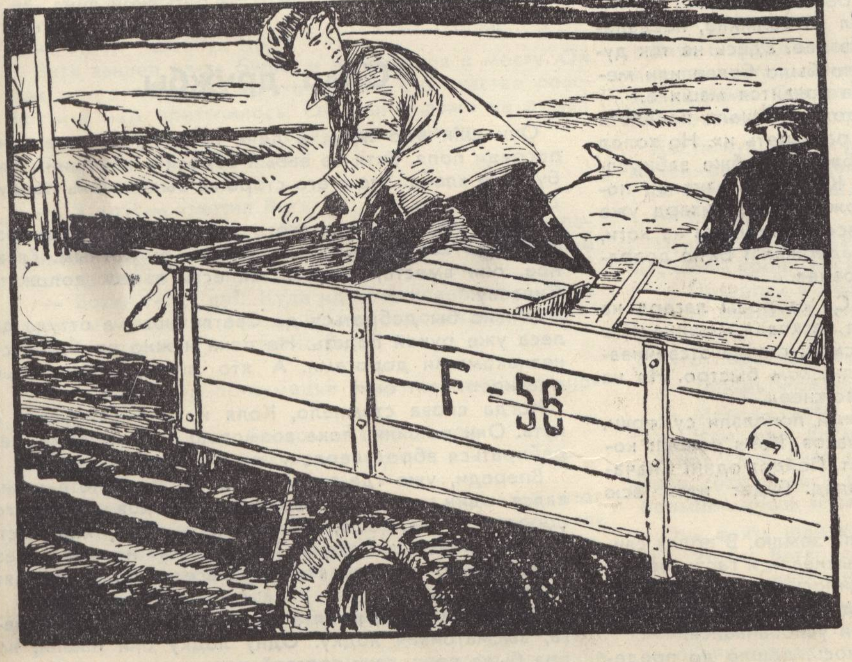
— Хорошо! Только вот как? Ведь разбиться можно...

И действительно, опаздывая, шофер гнал машину со скоростью не меньше шестидесяти километров в час.

Пока ребята решали, как им быть, дорога пошла под уклон, и вдали замелькали домики села. Еще несколько минут, и будет поздно.

Вдруг Витя быстро сказал:

— Придумал! Сейчас я выкину мешок и остановлю машину! Скажу, сдуло ветром!..

Коля быстро прошел к заднему борту.

— Кто же тебе поверит?..

— Да ты смотри, как я сделаю! — Витя нагнулся, выбрал мешок побольше и накинул его себе на плечи, точно спасаясь от холода; ветер тотчас же надул мешок пузырем.— Видишь? Давай я встану у окошка и прикрою его, а ты, как только машина начнет тормозить, сразу выпрыгивай!.. Ну, иди быстрее к заднему борту!

Коля выполнил распоряжение Вити. Тот прижался к окошку кабины и тут же сбросил с себя мешок, который черной птицей взметнулся вверх, а потом тяжело рухнул на обочину дороги. Витя застучал кулаками по крыше кабины. Машина сразу же стала тормозить.

Коля выпрыгнул на дорогу, больно ударился коленом о валявшийся у обочины старый телеграфный столб, но тут же вскочил и кинулся в глубокий кювет.

— Что случилось? — услышал он недовольный голос полицая.

— Мешок! Мешок улетел! — закричал Витя.

Хлопнула дверца кабины. Полицай ответил:

— Давай быстрей! Неси!

По дороге простучали торопливые шаги Вити — сначала туда, потом назад; мотор заревел сильнее, скрипнули тормоза, и машина двинулась дальше.

Когда шум ее затих вдали, Коля вылез из кювета и огляделся. Кругом расстилались покрытые снегом поля, но снег лежал только в низинах, вершины холмов казались угольно-черными. По небу быстро неслись низкие, лохматые тучи, предвещая непогоду.

Колено болело, но еще сильнее донимал голод. Для того, чтобы не навлечь подозрений Рихарда, он не взял с собой даже куска хлеба, а утром из-за волнения не мог заставить себя есть.

Машина должна возвратиться примерно через час. Нужно сидеть и ждать! Но как же теперь выйдет из положения Виктор? Не может же он дважды выкидывать мешок, и притом в одном и том же месте?

Все крайне запуталось. Если Виктору не удастся спрыгнуть и машина на большой скорости пройдет мимо, их положение станет безнадежным.

Но надо ждать! Коля нашел на холмике, невдалеке от дороги, яму и забился в нее. Здесь не так дуло, и по крайней мере можно было более или менее спокойно переждать, пока появится машина.

Коля сидел долго, очень долго. Начали коченеть ноги. Он стал прыгать, чтобы разогреть их. Но холод постепенно и упорно все глубже и глубже забирался под его куцее пальтишко. Когда же наконец появится машина? Где Витя? Может быть, Рихард уже начал искать Колю, в лагере все поставлены на ноги, позвонили в село, и машина задержана? Витю допрашивают, ждут приезда гестаповцев...

Коля выглянул на дорогу. Со стороны лагеря на большой скорости шла крытая легковая машина. Кто в ней ехал, он разглядеть не смог: стекла отсвечивали, да и промелькнула она слишком быстро. Но на сердце у него стало еще тревожнее...

А время тянулось; над полями поползли сумерки. Прошло не меньше четырех часов. Коля решил: когда совсем стемнеет, он пойдет. Пойдет один! Сначала — на юг, а потом — на запад. Будет идти всю ночь, сколько сможет...

А тьма уже быстро окутывала землю. В полях свистел ветер. Где-то вдалеке вспыхивали и гасли огоньки. Временами Коле мерещилось, что вблизи, по обочине дороги, движутся люди, но, приглядевшись, он убеждался, что это кусты, и успокаивался.

Когда его нетерпение, казалось, дошло до предела, вдалеке, со стороны села, показались два подслеповатых синих огонька. Подрагивая, они приближались. Несомненно, это шла машина. Может быть, возвращается легковая, а возможно, и та, с хлебом, и на ней Витя.

Как помочь ему спрыгнуть? Ведь он разобьется! И вдруг Коля вспомнил про столб... Про тот старый телеграфный столб, о который он ушиб ногу. Еще есть время!.. Коля опрометью, спотыкаясь, бросился к дороге. Он разыскал столб и, схватив за разбитый изолятор, волоком протащил его несколько шагов и положил на пути машины, поперек дороги...

Едва он успел вернуться в свое укрытие, как машина затормозила. Сначала на дороге было тихо, только слабо постукивал двигатель. Потом одна за другой простучали автоматные очереди. Пули пронеслись близко, и Коля слышал их посвист.

Нет, его не могли заметить. Просто полицай и шофер стреляют наугад, чтобы припугнуть тех, кто притаился поблизости. Они боятся, что на них нападут.

Синие подфарники погасли, мотор заглох, и машина замерла. Да, судя по силуэту, это была машина, которую он ждал. Но вот с дороги донеслись голоса, ругань, кто-то с кем-то спорил, и Коле почудилось, что он слышит Витин голос. Потом он услышал, как стукнуло что-то твердое, очевидно, столб сбросили в кювет; затем снова вспыхнули синие огоньки, и, стремительно рванувшись с места, машина, шелестя колесами, стала удаляться на бешеной скорости...

И опять наступила тишина. Коля прислушался. Никого... Ему оставалось одно: идти... Идти одному...

— Коля! — Кто-то окликнул его с дороги.— Коля! Где ты?

— Я здесь! — ответил Коля и бросился навстречу Виктору.

Не будем рассказывать, как встретились друзья на этой черной, пустынной дороге. Скажем одно: это была одна из самых счастливых, самых радостных встреч, какие только бывают в жизни.

Самое, казалось бы, сложное на поверку часто оказывается очень простым. Шофер встретил в селе приятеля и засиделся с ним за бутылкой вина...

Сила дружбы

Они шли всю ночь, а день провели в стоге сена посреди поля. Витя не забыл сбросить с машины две буханки хлеба. Это с его стороны было очень предусмотрительно.

После всего пережитого даже холодный, промерзший стог казался ребятам теплым и уютным. Главное, они вместе, живы и им есть о чем доложить Силаеву.

Только бы добраться до Светличного, а оттуда до леса уже рукой подать. Но пока нужно пробираться незнакомыми дорогами. А кто знает, какие новые опасности таят они!

Когда снова стемнело, Коля и Витя двинулись в путь. Они решили, пока возможно, идти полями, перебираться вброд через узкие речки.

Впереди, уже где-то неподалеку, в темноте извивался один из глубоководных притоков Дона. Его вброд не перейдешь, нужно искать лодку или мост. Лучше, конечно, лодка. Переходить ночью через мост — дело опасное. Почти на всех мостах дежурят часовые.

Достигнув реки, ребята долго шли вдоль ее берега, высматривая лодку. Одну лодку они нашли, но она была прикована толстой цепью к железной скобе, а скоба заперта на огромный замок.

На берегу раскинулся небольшой поселок. Они стали красться у самой кромки воды и наконец увидели, что невдалеке, у изгиба реки, темнеет силуэт деревянного моста.

— Подберемся поближе,— шепнул Коля.

Через несколько минут они уже разглядели высокие толстые перила. Казалось, на мосту никого не было. Но вдруг в темноте вспыхнула спичка, на мгновение озарив выбритое лицо, а затем по воздуху поплыла красная точка зажженной папиросы.

Часовой постоял посреди моста, а затем неторопливо пошел к другому его концу. Да, мимо солдата никак не проскочишь!

Ребята отошли подальше, присели за какой-то будкой и стали совещаться.

Может быть, лучше всего идти смело через мост, прямо на часового? Но ведь он наверняка здесь не первый день и хорошо знает всех мальчишек в окрестности, а им даже неизвестно, как этот поселок называется и в какую ближайшую деревню ведет дорога.

— Знаешь что? — вдруг сказал Витя.— Давай сделаем так. Когда солдат подойдет поближе, я с ним заговорю. А ты его сзади камнем!..

План рискованный, но, пожалуй, единственный, который можно было осуществить.

— Давай,— согласился Коля и, нагнувшись, ощупью нашел увесистый камень.— Ты только постарайся отвлечь его, а я уж не промахнусь!..

Огненная точка сигареты медленно поплыла с противоположного конца моста к ним навстречу и наконец остановилась там, где мост обрывался и начиналась дорога.

— Иди! — шепнул Коля.

Витя вышел из-за будки и направился к мосту. Он так много пережил за это время, что чувство опасности в нем притупилось. Он шел и даже не думал о том, что случится в следующую минуту...

Раздался резкий окрик:

— Стоять!

— Я иду! — ответил Витя.

Услышав детский голос, солдат несколько успокоился. В руке его вспыхнул фонарь, и тонкий яркий свет заплясал на лице мальчика.

— Вохин гейст ду?.. Куда идти? — коверкая русские слова и мешая их с немецкими, спросил часовой.

— Из деревни,— ответил Витя.

— Варум?

Витя знал, что по-немецки «варум» означает «почему».

— Ходил за дер бротом,— ответил он.

Солдат поправил на груди автомат.

— Дер брод? Варум?

Неизвестно, сколько бы еще продолжался этот разговор, но в это мгновение солдат вдруг схватился за голову, взвыл и, пробежав несколько шагов, тяжело привалился к перилам.

Витя тут же кинулся на мост. Впереди уже бежал Коля. Быстрей!.. Только бы достигнуть другого берега!..

Однако крик солдата, очевидно, привлек внимание патруля. Кто-то уже бежал вслед за ребятами, громыхая по доскам настила тяжелыми сапогами. Ударила автоматная очередь.

Раздался резкий окрик: «Стоять!»

Совсем близко чернели кусты. Коля бросился в них и вдруг услышал позади себя Витин стон. Он сразу же вернулся. Витя лежал на дорожке и плакал.

— Что с тобой?..

— Меня ранили...

— Куда?

— В руку...

Коля схватил Витю за плечи.

— Ну, Витенька, встань!.. Отбежим подальше!.. Я тебя перевяжу!

Витя с трудом поднялся, и Коля повел его напрямик по кустам, которые больно хлестали оголенными ветвями. Солдаты стреляли наугад, но не решились отойти от дороги. Наконец погоня отстала.

Достигнув темного поля, ребята остановились, измученные до предела. Витя без сил упал на землю.

— Где, где рана?..— спросил Коля.

— Вот здесь!..

Пуля пробила левую руку Вите выше локтя, рукав насквозь пропитался кровью.

— Потерпи, я перевяжу!

Коля разделся, сняв с себя рубашку, разорвал ее на полосы, а потом засучил рукав на Витиной руке и туго перевязал ее.

— Теперь можешь идти?

— Могу,— слабо отозвался Витя.

— Иди, иди, Витенька. Я очень тебя прошу!..

Свой хлеб Витя где-то обронил, но, к счастью, у Коли сохранилось полбуханки, он отломил от нее большой кусок и заставил Витю есть.

Они опять шли всю ночь, временами останавливаясь, чтобы Витя собрался с силами. Рассвет застал их вблизи Светличного.

Ребята сразу узнали деревню по высокой силосной башне. День они провели в старой каменоломне. Витя очень страдал от раны, и Коля боялся, как бы у него не началось заражение крови. Когда же вече-

Коля нес Витю на плечах.

ром они наконец достигли леса, силы совсем оставили Витю. Он прислонился к дереву и долго стоял, глубоко и тяжко дыша.

Теперь Коля нес его на своих плечах. Пронесет немного, остановится, посидит рядом, потом опять подставляет спину. Витя здоровой рукой обнимает его за шею, а Коля подхватывает его за ноги. И тащит, тащит!..

До лагеря они добрались к середине следующего дня.

Увидевшие их издали дозорные сначала не поняли, что за странное существо о двух головах, покачиваясь, медленно двигается по тропинке. А когда разглядели, ахнули и побежали навстречу.

Витю сразу же отнесли в лазарет, и им занялся доктор, которому деятельно помогала Мая.

А Коля, превозмогая усталость, направился к Силаеву. Он вошел в землянку в тот момент, когда Колесник что-то горячо доказывал Силаеву, водя карандашом по карте. Увидев Колю, они оба умолкли. Привычные ко всему — и к страданию и к горю,— знающие цену подлинному мужеству, они по тому, как он вошел, сутулясь и волоча ноги, по безразличному, усталому движению, которым он бросил на табуретку бесформенный обломок черствого хлеба, по измученному, уже не детскому лицу поняли все.

Присев в углу, Коля долго расшнуровывал ботинок негнущимися пальцами, а Силаев, переглянувшись с Колесником, молчаливо следил за его усталыми движениями.

Наконец Коля стянул ботинок и вытряхнул стельку. Вместе с ней выпала бумажка, которую он тут же поднял и бережно ее расправил.

— Вот, отец прислал,— сказал он.

Несколько дней спустя Колесник выстроил на полянке партизан и при всех вручил Коле и Вите ордена Красного Знамени.

В этот замечательный для обоих мальчиков час не было с ними ни Геннадия Андреевича, ни Феди Куликова — самых близких им людей. Неделю назад они с отрядом отправились в дальний рейд.

Ждать и верить!

Коля и Витя лежат рядом в небольшом окопе, надежно прикрытом сверху ветвями. Витина рана совсем зажила, и он может делить с другом долгие часы ожидания. Тепло. Пряно пахнет сеном. Под головой у Коли вещевой мешок. В правый бок уткнулся немецкий автомат. Хоть и не очень удобно, но ощущение того, что оружие при тебе, придает уверенность.

Вот уже десять дней дежурят мальчишки на этой лесной опушке. А отца все нет... Каждая ложбинка здесь ими изучена. Каждый кустик знаком. Уже и рассказывать друг другу больше нечего. Обо всем переговорено в эти томительные дни. И, кажется, уже терпения нет больше ждать. А ждать надо.

Если бы Коля был один, он бы, наверно, совсем пал духом. Но рядом Виктор, преданный, испытанный товарищ. С той ночи, когда Коля вынес его на своих плечах, Витя очень изменился.

Прежде Коля относился к нему, как к младшему и более слабому. Он старался опекать его. Испытания, через которые они вместе прошли, не только сблизили мальчиков, но как-то изменили и их отношения. Незаметно для себя Виктор возмужал, душевно окреп. И сейчас, когда Колю охватывали сомнения, Витя так спокойно и твердо произносил одно короткое слово «ждать», что снова возвращал Коле уверенность.

...Который теперь час, ребята не знают. Ночь наступила уже давно и тянется, тянется, кажется бесконечной. Где-то в глубине леса кричит сова. Изредка порывы ветра врываются в чащу, шумят, раскачивая верхушки деревьев, и уносятся вдаль. И снова тишина.

Коля вздыхает, вертится на своем неудобном ложе. Сейчас его очередь спать, но в голову лезут разные думы... Ведь здесь, в этом лесу, он когда-то гулял с отцом и очень боялся отстать от него и заблудиться. Смешно!.. Кажется, именно на этой полянке он нашел целое семейство подосиновиков с огненно-красными шляпками. Они были такие красивые, что даже рвать их было жалко! Когда они принесли домой полную корзину, мама залюбовалась ими. Она любила все красивое...

— Чего ты не спишь? — спросил из темноты Витя.

Коля поднялся и нащупал флягу с водой.

— Пить хочешь? — спросил он.

Витя не ответил. Коля отпил глоток и снова лег.

...Наверно, скоро придет дозор. Он навещает мальчиков дважды в ночь. Только после долгих просьб Колесник разрешил ребятам дежурить на опушке. Он понимал, как это важно для Коли. Но он приказал, чтобы дозорные наблюдали за ними...

Вдалеке снова закричала сова.

— А ты сов не боишься? — спросил Коля.

— Раньше боялся,— поспешно отозвался Витя. Он словно устал от долгого молчания и заговорил скороговоркой: — Меня бабка всегда пугала: «Как не будешь долго спать, так сова тебя в лес утащит!» Я дурачок был, верил...

— А меня бабка трубочистом пугала: «Схватит тебя трубочист и посадит в черную трубу...».— Коля засмеялся.

Они говорили, а сами прислушивались. Таинственные шумы темного леса бередили их воображение.

Вот треснула ветка. Как будто кто-то кашлянул... Ребята невольно сжали свои автоматы. Хотя они и ожидали дозора, но кто его знает, что там.

Невдалеке три раза громко свистнули. После небольшой паузы свистнули еще четыре раза.

— Пошли! — шепнул Коля.— Это наши!

— Ребята, где же вы? — нетерпеливо окликнул их знакомый голос.

Федор!.. Наконец-то он вернулся из рейда! Ребята выскочили из окопа и устремились вперед, на голос, с такой быстротой, что Федор невольно отскочил в сторону.

— Вот, дьяволы, как напугали! — воскликнул Федор.— А я подумал, что на засаду нарвался.

— Они тут обжились,— сказал пришедший вместе с Федором партизан Яков. Он закуривал самокрутку, привычно укрывая огонек согнутой ладонью.— У них теперь свой партизанский лагерь.

— Ну как, ребята, все ждете? — спросил Федор.

— Ждем,— ответил Виктор.

— И долго еще будете?

— Пока не дождемся.

Федор помолчал.

— А может, это дело безнадежное? Уже почти две недели прошло.

— Отец сказал, что придет,— твердо произнес Коля.

— Ну ладно,— проговорил Федя.— Мы еще к вам под утро зайдем. Сейчас некогда.

— А где Геннадий Андреевич? — спросил Коля.

Федор ответил не сразу:

— Уехал.

— Куда?

Федор снова помедлил.

— В дальнюю командировку...— совсем тихо ответил он и вдруг заторопился: — Ну, мы пойдем, ребята...

В том, как Федор оборвал разговор, Коля почувствовал какую-то неправду.

— Когда же вернется? — настойчиво спросил он, стараясь в темноте заглянуть Федору в глаза.

— Когда вернется? — переспросил Федор. Голос его вдруг охрип.— Пожалел вас, хотел соврать... Не вернется, ребята, Геннадий Андреевич... совсем не вернется. Перед смертью вас вспоминал. Горевал, что свидеться не удалось...

Коля хотел спросить, как погиб Геннадий Андреевич, но не смог: перехватило горло. Он услышал рядом всхлипывания и понял: это плачет Витя.

Большая рука Федора опустилась на Колино плечо.

— Держись, друг!..— только и нашел он что сказать мальчику, сердцем понимая, какую тяжелую рану он ему сейчас нанес.

...Мальчишки не спали всю ночь. В сумерках все отчетливей проступали очертания дальних кустов: занимался рассвет. И хотя небо было закрыто тучами и солнце не могло позолотить своими лучами верхушки деревьев, день побеждал медленно и настойчиво.

Внезапный выстрел, прорезавший лесную тишину, заставил Колю и Витю вскочить на ноги. Автоматная очередь!.. Еще одна!..

— Оставайся здесь, а я побегу за Федором к ключу! — крикнул Коля, рванувшись из окопа.

Но бежать уже нет необходимости. Голоса Федора и Якова звучат где-то близко.

— Кто стреляет? — Взволнованный Федор подбежал к ребятам. По его правой щеке сочилась кровь: впопыхах наткнулся на острый сучок.

— Опять! И ближе!.. — прислушался Яков.— Надо укрыться!..

Они притаились за деревьями, тревожно вглядываясь через поле в дальние кусты. За кустами была дорога, и стрельба доносилась оттуда.

— Там! Там! — вдруг вскрикнул Витя.

Из глубины кустов выскочили люди. Их было человек десять. Они бежали через поле к лесу. При первом же взгляде можно было определить: это не солдаты. Только последний из них был в немецком мундире. Прихрамывая, он бежал, пригнувшись, и часто останавливался.

Коля искал глазами отца, но никто из бежавших на него не походил. Виктор пристально глядел на человека в немецком мундире; что-то знакомое показалось ему в этом человеке: маленькая голова, нескладная фигура, длинные руки...

— Это же Петька! Полицай! — внезапно понял он.

В этот момент и Коля узнал полицая. Он бросился к Федору, который лежал за другим деревом.

— Они из концлагеря!.. Наверно, из концлагеря!— задыхаясь от волнения, зашептал он.— Их послал отец!.. Можно, я крикну, чтоб бежали к нам?..

— Не смей! — оборвал его Федор.— Надо лучше распознать их...

Но у Коли уже не было никаких сомнений. Это наши! Товарищи отца из концлагеря! У них нет оружия. На них рваная одежда. Вот уже видны их измученные, бледные лица.

Ну зачем же медлить, Федор?.. Надо скорей встретить их, спросить об отце...

Коля снова рванулся вперед, но Федор удержал его:

— Без приказа ни с места!

Наконец бежавшие достигли леса и скрылись за деревьями. Коля теперь уже был уверен: отца среди них нет.

— Федя, я к ним, можно? — Колю бил озноб нетерпения.— Они ведь ищут нас... Они знают, где отец!..

Но Федор не отвечал. Вдруг он весь подался вперед. В лице его появилось что-то жесткое, упрямое... Коля взглянул из-за дерева и вдали увидел двух людей. Они отстреливались, перебегая от одного куста к другому. Стреляли они по направлению дороги. В ответ на их выстрелы со стороны дороги неслись автоматные очереди.

Один из этих людей был невысокого роста, коренастый, в расстегнутой гимнастерке, другой... Коля невольно до боли стиснул зубы; невозможно, чтобы у другого были такие знакомые движения, словно наперед знаешь, как он сейчас поднимет худощавую, с острым локтем руку, как побежит, сутулясь из-за своего высокого роста... Он узнал бы его среди тысяч людей!

— Папочка!.. Папа!..— крикнул Коля и, сложив руки рупором, поднес их ко рту, чтобы усилить звук голоса. Но сильный удар заставил его тут же опустить руки.

— Дуралей!.. Сопляк!..— услышал Коля над самым ухом.— Хочешь погубить отца!..

Федор хотел еще что-то добавить, но вдруг вскинул автомат и прижался к дереву.

Коля увидел, что из придорожных кустов за спиной отца поднялись четверо гитлеровцев. Один из них, тот, что был впереди, держал в руке какой-то предмет. Он поднял руку, сейчас замахнется...

Это было так страшно, что Коля невольно зажмурил глаза. По щекам его медленно текли слезы.

«Папочка, дорогой, обернись!.. Ну, обернись, пожалуйста!..» — как заклинание, шептал он про себя.

Навряд ли Коля понимал сейчас истинный смысл всего происходящего. Два смелых, но уже теряющих силы человека, одним из которых был его отец, обрекли себя на гибель. Они стали мишенью для гитлеровцев, чтобы отвлечь их внимание от бежавших из лагеря товарищей.

Рядом с Колей застрочили автоматы. Это Федор и Яков хотели спасти отца и его товарища.

Первым упал гитлеровец, который держал гранату. Вслед за ним, странно взмахнув в воздухе руками, рухнул навзничь другой. Остальные двое прижались к земле и, видимо, не понимая, откуда в них стреляют, посыпали свои пули веером. Их автоматы словно захлебнулись в ярости, очереди, казалось, не будет конца. Несколько пуль пролетели над головой Федора, срезали толстый сук. Прошелестев зеленой листвой, сук свалился на землю.

Теперь Коля не видел ничего, кроме узкой спины Федора в побуревшей от пота гимнастерке, кроме его вздрагивающих от напряжения плеч. В нем, в Федоре, было сейчас сосредоточено все самое для

Колесник выстроил на полянке партизан и при всех вручил Коле и Вите ордена.

Коли дорогое: его надежда на спасение отца, его вера в жизнь вместе с отцом...

Еще несколько выстрелов, и автоматы гитлеровцев смолкли.

Федор откинулся на траву, и Коля заметил, что руки его дрожат мелкой дрожью...

Теперь Коля снова увидел отца. Отец шел через поле и волочил за собой автомат. Он шел удивительно медленно. Правой рукой он придерживал ремень автомата. Левая рука лежала на груди.

Кругом была необыкновенная тишина, такая тишина всегда наступает сразу после стрельбы.

Отец шел, качаясь из стороны в сторону, как будто в поле был сильный ветер. Он шел так медленно, что расстояние между ним и Колей почти не уменьшалось...

Коля не мог больше ждать. У него не было сил ждать... И Федор вдруг увидел, как впереди мелькает фигура продирающегося сквозь кусты мальчика.

— Стой! — крикнул Федор.

Но Коля уже ничего не слышал. Он бежал по полю. Бежал навстречу отцу.

Федор видел, как высокий человек вдруг остановился и стал медленно опускаться вниз, как будто земля тянула его к себе. Мальчик бросился к нему и обхватил его руками, стараясь удержать на ногах.

Федор вдруг резко повернулся к Якову.

— Если что случится, прикрывай огнем! — крикнул он и устремился вперед, к Коле и его отцу...

Час спустя весь партизанский лагерь уже знал, что группа пленных во главе с Алексеем Охотниковым вырвалась из фашистского концлагеря, что десять человек добрались благополучно, но Алексей Охотников тяжело ранен, что вместе с пленными бежали два полицая: один погиб на дороге, а другой, решив покончить с прошлым, явился к партизанам.

Прошло много тревожных дней, пока Алексей Охотников наконец стал поправляться. Тяжелое ранение в грудь особенно опасно для человека, измученного непосильным трудом и долгой голодовкой.

Каждый раз, когда сознание возвращалось к раненому и он вырывался из тяжелого забытья, Алексей Охотников видел возле себя девочку с косичками. Это была Мая, друг его сына. Много бессонных ночей провела Мая около койки больного и, верная приказу врача, не допускала к нему Колю: волнение могло повредить больному.

Однажды утром, осмотрев Алексея Охотникова, врач наконец облегченно вздохнул: кризис миновал, жизнь раненого вне опасности.

В тот же день Охотников попросил, чтобы к нему пришел командир партизан. Колесник пробыл у Охотникова недолго, столько, сколько разрешил врач, но они успели поговорить об очень важных вещах. Неверной рукой Охотников начертил на карте план укрепрайона, рассказал о расположении дотов, о том, как будут установлены минные поля. Не все ему было известно, но то, что он знал и что дополнили бежавшие вместе с ним, имело значение не только для партизан, но и для армии.

Карту с пометками Алексея Охотникова Колесник теперь мог переправить через линию фронта. Он радировал, чтобы с Большой земли прислали самолет.

...С волнением в сердце впервые переступил Коля порог землянки, в которой лежал его отец. У него стало тяжело на сердце, когда он увидел заострившиеся черты его лица, затаенную боль в глазах, почти совсем седые, поредевшие волосы.

Коля много раз представлял себе это свидание с отцом. Он думал, что сразу бросится к нему на шею, обнимет его, прижмется к его груди. Теперь же робость охватила его. Коля медленно подошел к койке и сел рядом на скамейку.

Отец взял его руку в свою.

— Чего же ты приуныл, сынок? Гляди веселей!..

Он улыбнулся, и Коля улыбнулся в ответ.

— Ну вот, а теперь садись поближе, дай мне на тебя поглядеть получше... Вон как вырос!..

Отец приподнялся на локте, притянул к себе Колю и крепко поцеловал его. И тут Коля наконец прижался к нему, самому родному человеку, и затих. Исполнилось то, о чем он так долго мечтал...

Отец гладил сына по волосам и молчал. Только сейчас он понял, что возвращается к жизни. А потом он рассказал Коле то, о чем тот уже кое-что слышал от товарищей отца.

Через несколько дней после того, как был убит Юренев, стало ясно, что Мейер не верит в несчастный случай. Он установил слежку и несколько раз строго допрашивал полицаев. Петька и Василий Дмитрич сообщили Охотникову, что со дня на день нужно ждать расправы.

Оставалось одно: пытаться бежать, хоть момент для этого был не очень благоприятный. Самое тяжелое — оторваться от лагеря...

Однажды темным, осенним вечером группа заключенных возвращалась с работы. Нарочно задержались, чтобы стемнело. Все знали, что в лагерь уже не вернутся. Не смог с ними пойти лишь Еременко.

Он понимал, что у него не хватит сил, и с утра не вышел на работу.

В запасе у узников концлагеря было часа три. За это время их, может быть, не хватятся. Решили, пока есть силы, держаться вместе. Всего бежало двадцать семь человек. На всех — два автомата, принадлежавших полицаям. Несколько с трудом сэкономленных буханок хлеба лежали в вещевом мешке за спиной Кравцова.

Трудно пришлось, что и говорить! Из двадцати семи дошли лишь одиннадцать. Остальные погибли или были схвачены во время организованной Мейером погони. По всем дорогам на мотоциклах разъезжали патрули. В деревнях полицаи придирались к каждому новому человеку, а ведь бежавшим нужно было добывать продовольствие.

В глубине души Охотников боялся, что Петька и Василий Дмитрич дрогнут, струсят, предадут. Но Василий Дмитрич был на другой же день убит во время перестрелки, когда их невдалеке от шоссейной дороги обнаружил патруль. Петька же после этого сильно переменился. Теперь он изо всех сил стремился загладить свою вину. Несколько раз беглецов выручала его немецкая форма. Как-то он остановил на дороге машину с продовольствием и выпросил у шофера несколько банок консервов. Нападать на машину было опасно: в кузове сидели пять вооруженных солдат.

Несколько раз группу обстреливали из засад. Падали убитые. Те, кто остался в живых, шли по ночам, избегая дорог, неся на себе раненых.

В последний раз эсэсовцы нагнали их, когда они уже приближались к тому лесу, где ждали их партизаны. Тогда Алексей Охотников с товарищем решили прикрыть собой отход группы.

— Я уже думал, что смерти мне не миновать,— сказал отец и вздохнул.

Отец и сын долго разговаривали в маленькой землянке в глубине леса. Но о том, что пришлось пережить ему самому, Коля рассказал отцу лишь тогда, когда тот совсем выздоровел и стал одним из помощников Колесника...

* * *

Много лет прошло с тех пор. Коля, Витя и Мая выросли. Но они навсегда сохранили в памяти те дни, когда в трудных испытаниях возникла их дружба.

Их девизом стало верить товарищу, не покидать его в беде, бороться за него.

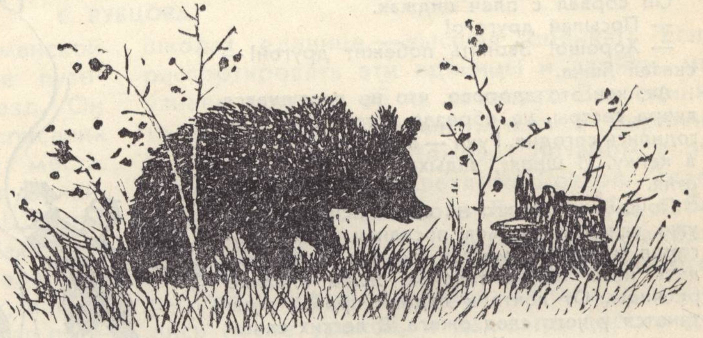
Верить!.. Бороться!.. Побеждать!..

МЕДВЕЖОНОК

Г. СНЕГИРЕВ

Рисунок О. Зотова.

В июне набрел я на поляну в тайге. От лесного пожара она выгорела, но на черной земле уже росли блестящие листики брусники и кивал головками иван-чай. А на краю были заросли малины. Я собирал малину, а впереди какой-то зверь шел, шуршал в листьях. Я решил узнать: что это за зверь?

Сел на пенек и стал тихонько посвистывать.

Зверь сначала остановился и замер, а потом стал ко мне подкрадываться. Он думал, что я его не вижу, а верхушки малиновых кустов тихонько шевелятся и его выдают.

Потом из куста высунулся черный нос и два глаза. Ну, тут я его сразу узнал — это медвежонок.

Тогда я щепкой стал поскрипывать о пенек, и нос у медвежонка все вытягивался, вытягивался, как будто его тянули из куста. Какой он любопытный...

Наконец весь вылез и стал меня обнюхивать. Обнюхал, облизал сапог, нашел пуговицу и стал ее сосать.

И тут я услышал, что в малиннике сучья трещат. Это медведица медвежонка ищет.

Хотел встать, а медвежонок в пуговицу зубами вцепился, рычит и не пускает.

Вдруг медведица услышит, как он рычит, подумает что его обижают, и прибежит. А у меня даже ружья нет!..

Я скорее пуговицу оторвал и отдал медвежонку, а сам бегом,— медведице разве объяснишь. что я только поиграть с ним захотел?..

ОТВАГА
НАХОДЧИВОСТЬ
ЧЕСТЬ

Одного звали Яшкой

Лесники, сообщившие мне эту историю, знали по имени только одного из пятерых.

Была середина июля. За целый месяц не выпало ни одного дождя. Сосны, накаленные солнцем, жарко пахли смолой. Пожар вымахнул из-за ствола ели. Его красная лапа потянулась к можжевельнику. Куст вспыхнул, распуская по ветру хвост синего удушливого дыма.

Мальчишка в белых тапочках, шедший впереди, закрыл лицо локтем.

— Пожа-ар! — крикнул он.

Ребята попятились, побежали. На поляне Яшка, белобрысый и босоногий, остановился.

— Погодите, хлопцы! Ветер-то, смотрите, какой! Тушить надо!

У мальчишки в белых тапочках по лицу прошла судорога.

— Чем? Чем тушить? Сгореть можем!

— Замолчи!—отрезал Яшка.—Не сгорим. Пожар низом идет. Песок под ногами. А ты,— он кивнул паникеру,— ты беги к железнодорожному мосту. Там телефон есть. Звони в лесничество.

— Я не трус! — выкрикнул мальчишка в тапочках.— Я тоже пойду тушить.

Он сорвал с плеч пиджак.

— Посылай другого!

— Хорошо! Звонить побежит другой! — сказал Яшка.

Ах, как это здорово, что не послушался вчера сестры, не обрезал ногти! Они пригодились сегодня. Руки — в землю, земля — в кепку. И шипят, задыхаясь, ярые языки огня.

Почему так долго не едут лесники? Ведь уже успел вернуться посланец. Уже прогорел в десяти местах пиджак и обуглились носы белых тапочек. Яшке опалило ресницы. От локтя к ладони правой руки тянется у него след ожога. В легких слишком много дыма. Кажется, стоит хорошенько откашляться, и дым повалит изо рта клубами.

Пожар ослабел. Мальчишки взяли его в тиски, с двух сторон. Все суживается и суживается огненный коридор.

Когда приехали лесники, огонь сдался. Пламя еще кое-где облизывало кусты и землю, устланную хвоей. Но это уже был не фронт, а бандитские вылазки.

Чумазые, обожженные и ободранные, ушли мальчишки в сторону реки.

Изумленный лесничий не успел их даже поблагодарить.

Мальчишка в тапочках плакал. Он боялся, что мать отругает его за сожженный пиджак, за испорченные новые тапочки.

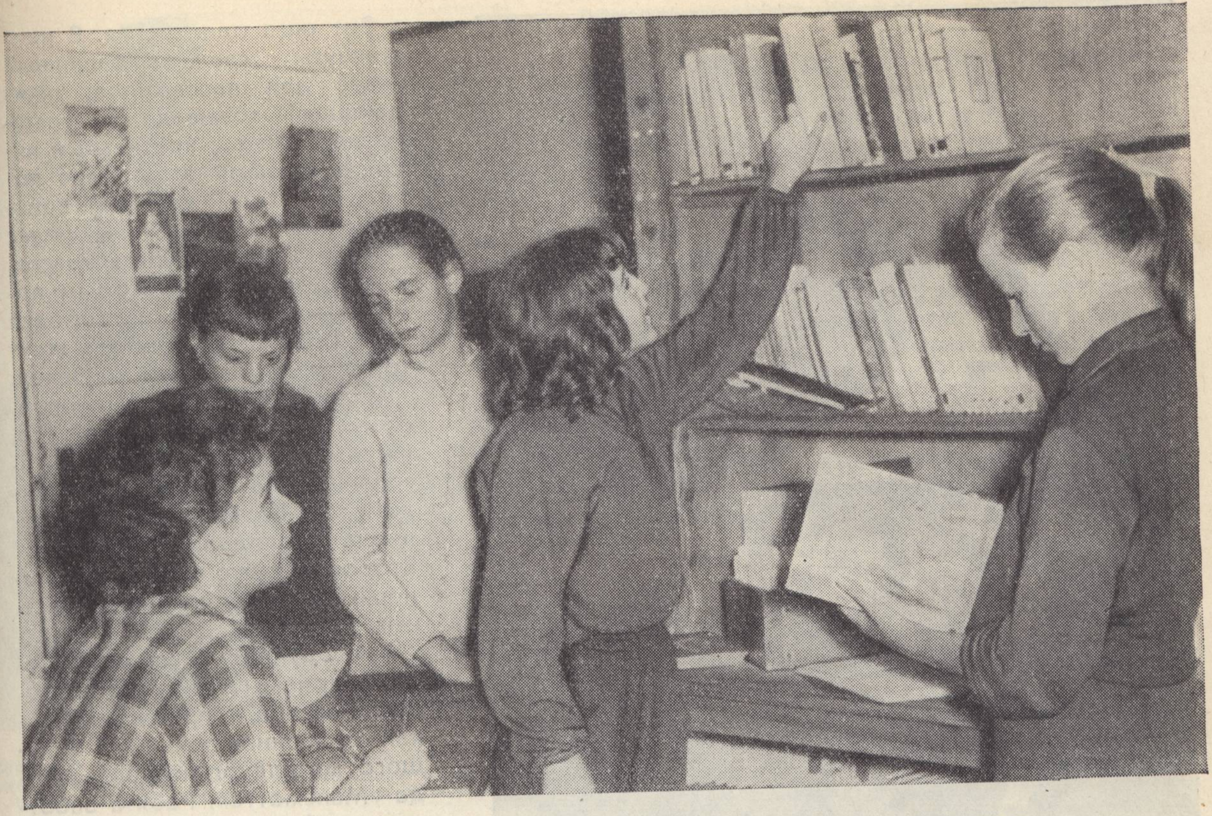
— Хлопцы! — крикнул ребятам лесничий.— Зовут-то вас как? Откуда вы?

Толстый паренек, перепачканный сажей от уха до подбородка, блеснул зубами.

— Мы мамкины! А командиром у нас Яшка!

В. Орехов

Деревня Войнова Гора.

Немецкие ребята любят читать, и летом в лагере они организовали библиотеку.

Immer bereit!

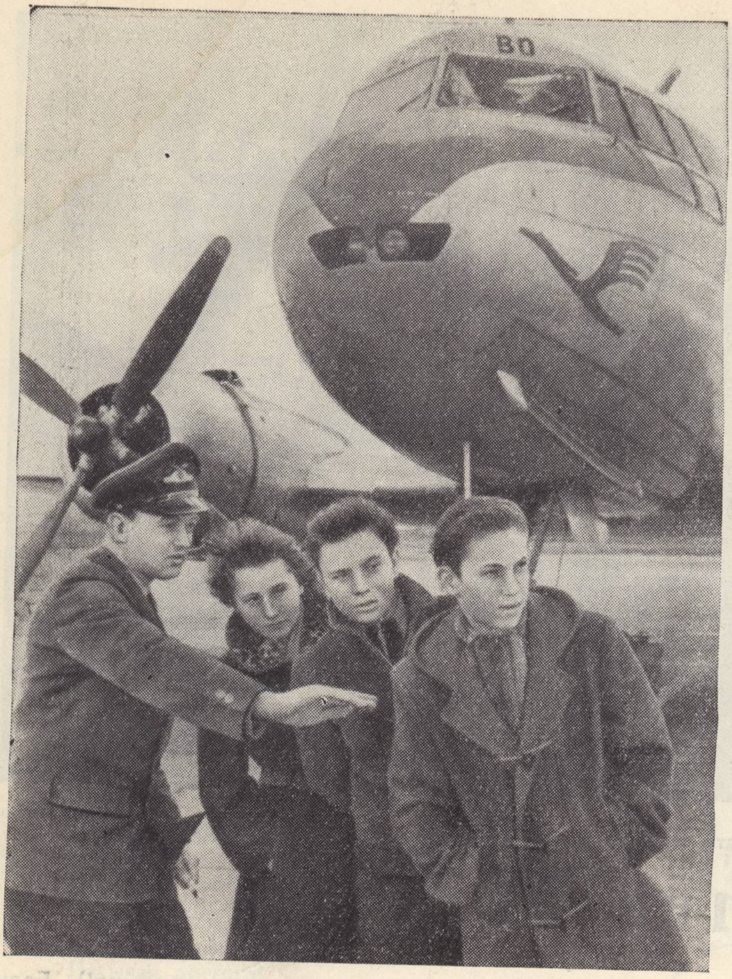
Е. РУБЦОВА

Много месяцев подряд по Германской Демократической Республике путешествовал удивительный поезд. Он мчался без рельсов и без расписания и поспевал в самые различные места. Он появлялся то в сердце республики, Берлине, то на севере, на берегу Штральзунда, то в шахтерских поселках Саксонии, то в лесах Тюрингии. Он бывал везде, где его ждали ребята в синих галстуках, пионеры ГДР. И каждый раз, когда он делал остановку «по требованию» в какой-нибудь местности, тамошние пионеры укладывали в его вагоны все новые грузы. Это были драгоценные грузы — сверкающие грузы хороших и полезных, смелых и веселых пионерских дел, задуманных и выполненных немецкими ребятами в подарок своей родине — Германской Демократической Республике — ко дню ее десятилетия.

Вот первый от паровоза вагон. Это «вагон особого назначения», или «спутник Солнца». Он битком набит единицами и двойками. (Не забывайте, что в немецких школах единица — высшая оценка!) Если рассортировать эти единицы и двойки, мы узнаем кое-что об их хозяевах. Вот единицы мальчика, который живет в Берлине. В классе его зовут Темным Лотаром в отличие от второго, Светлого Лотара. Здесь есть и двойки Светлого Лотара. Он избавился от пятерок и стал двоечником благодаря тому, что Темный Лотар помогал ему по арифметике. Оба Лотара занимались после уроков, и даже по дороге домой Темный Лотар не терял времени: он тренировал Светлого Лотара по устному счету.

Здесь есть еще двойки и тройки Дитера Ауга из Зондерхаузена. Они тяжело достались не только ему, но и его другу Губерту Аппенродту. Дитер очень упрям. Иногда из упрямства он нарочно читал плохо да еще и грубил Губерту: «Ты не заслуживаешь, чтобы тебе читали лучше». Но Губерт терпеливо продолжал занятия.

Вот другой вагон. В нем розы. Целые заросли роз. Тысяча семьсот розовых кустов!

Пионеры пришли на аэродром. Летчики рассказывают им об авиации. С людьми разных профессий дружат пионеры.

Вот еще один вагон. В него втиснуты свежевыкрашенный навес для пассажиров, ожидающих трамвая на остановке, банки с красками и кисти, которыми этот навес покрашен, утиль, который собирали пионеры дружины «Макс Рейман», чтобы купить красок, и доброе слово, которым поминают ребят рабочие городка Гера-Тинц, когда по утрам ждут трамвая, чтобы ехать на завод.

Волшебные вагоны пионерского экспресса вмещают то, чего не вместить простым вагонам. Вот в одном шумит целый лес. Больше чем полмиллиона молоденьких сосенок! Второй год уже сажают их пионеры Замствегена на окрестных пустырях.

В следующем вагоне находится приемыш пионеров города Госвица, приемыш-великан—доменная печь № 4 большого металлургического завода «Максхютте». Ребята заботливо собирали железный лом в пищу своей прожорливой любимице и в один прекрасный день получили приглашение от молодежной бригады доменщиков прийти посмотреть, как выпускают пионерский металл. Именно в этот день четвертая домна, приемная дочь пионеров Госвица, выдавала металл, выплавленный из того самого лома, который они собирали. Да не только они! Им помогали все пионеры округа Заальфельд.

И вдобавок труд шести пионеров из деревни Вольфсхаген. Эти шестеро составляют весь четвертый класс в маленькой вольфсхагенской школе. Три мальчика и три девочки. Манфред, Эрхард и Лотар, Марита, Гудрун и Карин заботятся о розах деревенского общественного сада, и каждый год в июле, когда расцветают тысяча семьсот кустов, на благоухающий праздник роз в Вольфсхаген съезжаются жители всей округи.

Следующий вагон гружен... булыжником. Двенадцать кубических метров камня собрали ребята деревни Лютгенхоф для постройки спортзала.

А ребята из села Мёкерн нагрузили свой вагон ранним картофелем. Они вырастили его на пришкольном участке, чтобы школе не покупать дорогой ранний картофель для ребячьих завтраков. Эти деньги пригодятся на политехнизацию, решили ребята.

А сколько в экспрессе вагонов со спортивными грузами! Здесь есть переходящий Кубок дружбы, завоеванный пионерами городка Дессау на заочных легкоатлетических соревнованиях школьников демократических стран. Здесь есть «рекорд массовости», поставленный юными спортсменами города Галле. У них в эстафете участвовали 12 тысяч человек, и маленький Галле оказался победителем Берлина, давшего 9 тысяч участников.

Из одного вагона слышится песенка. Она называется «Одинокая корова». Не правда ли, странно? Почему вдруг корова и почему одинокая? Но это лишь на первый взгляд кажется странным, а если разобраться, все станет понятно.

Взрослые помогают пионерам научиться ухаживать за огородом. Многие ребята после окончания школы хотят работать в сельском хозяйстве.

Сначала узнаем песенку. Вот ее слова:

Послушай, друг, послушай, друг,
Корова бродит здесь вокруг.
Печально слезы льет она:
Не хочет больше жить одна.
Му, му, му,
Скажи-ка, почему?

Уже смеркается давно.
Стоп! Перед нею дом большой,
И сто коров глядят в окно.
В глазах довольство и покой.
Му, му, му,
Ты знаешь, почему?

Коровы ей мычат: «Сюда,
Войди в колхозные стада!
Тебя нам очень-очень жаль,
Развеем мы твою печаль...»
Му, му, му,
Известно, что к чему.

Она в коровник тот вошла,
Тотчас к окошку подошла.
В ее глазах усталых
Улыбка заблистала.
Му, му, му,
Понятно, почему.

Да, понятно. Пионеры ГДР борются за колхозы, и песенку «Одинокая корова» они поют для тех упрямых родителей, которые все еще продолжают вести единоличное хозяйство. Но в этом вагоне не только песенка. Здесь и пионерские дела в помощь колхозу. Их много. Назовем хотя бы три. Деревенские ребята из Пайтцдорфа погрузили в этот вагон 600 часов, отработанных на уборке репы. Пионеры села Гросс-Шёнебек вырастили своему колхозу 700 центнеров кукурузы. В палаточном лагере близ Зайфхеннерсдорфа ребята объявили себя работниками колхозной птицефермы на время лагерной жизни и помогали птичнице ухаживать за утками.

Не сосчитаешь всех грузов экспресса!

Вырезанные из коры лодочки для малышей. Дружба с пограничниками. Работа в авторемонтных мастерских. Тысячи значков «Готов к труду и защите Родины». Морской берег, очищенный от мусора. Пожар в лагере, потушенный ребятами за тридцать восемь секунд. Усвоенные пионерские ступеньки...

У пионеров СССР галстуки красные, как мак. У пионеров ГДР они синие, как васильки. Но очень часто можно увидеть в Германии ребят, у которых и васильки и маки цветут на груди. Если встретите немецких мальчиков и девочек сразу в двух галстуках, так и знайте: они ведут переписку с кем-то из наших ребят, а может быть, гостили у нас и красный галстук получили в знак дружбы.

Девиз немецких пионеров — «К борьбе за мир и дружбу народов всегда готовы!» «Иммер берайт!» «Immer bereit!»

Совет дружины передает последние известия по лагерному радио. И в школах и в лагерях немецкие пионеры сами монтируют радиостанции. Ребята увлекаются техникой.

С волшебной лампой Аладина по Индии

Е. СПЕРАНСКИЙ

Рисунки А. Кокорина,
Фото Н. Гжельского.

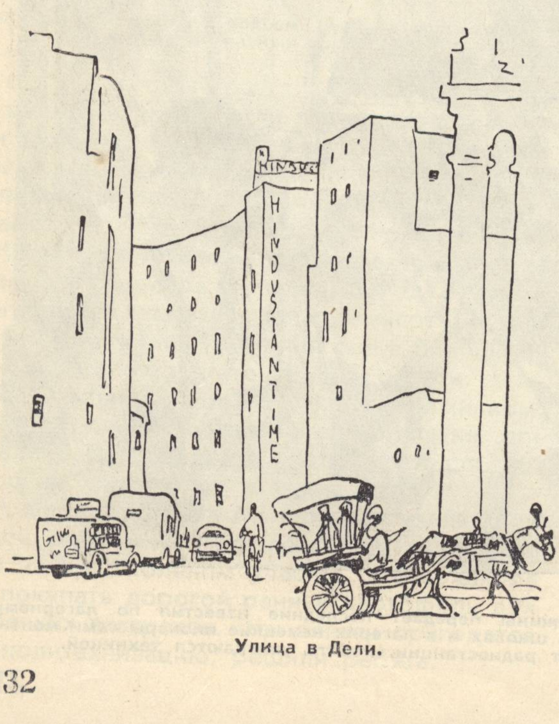
ИНДИЯ ОКАЗАЛАСЬ СОВСЕМ БЛИЗКО...

Всего шесть летных часов прошло с тех пор, как мы сели на наш воздушный корабль — реактивный «ТУ-104».

И вот мы в Индии!

Из зимы — в лето. Из суровой февральской метели на Внуковском аэродроме — в страну роз. «Далекая Индия» оказалась совсем близко... Мы выходим из самолета и шагаем по сухой, выжженной солнцем земле делийского аэродрома. Смуглые люди в белых костюмах встречают нас на аэродроме в Дели: это наши индийские друзья из Общества индо-советской дружбы. Корреспонденты, фотографы... Мы стоим и снимаемся, снимаемся и улыбаемся, а на нас вешают и вешают, по индийскому обычаю, венки из роз. Мы смущены: ведь мы не сыграли еще ни одного спектакля... А вот повесят ли на нас венки, когда мы сыграем первый спектакль в Индии? Поймут ли наше искусство индийские зрители?..

— Намастэ,— произносят, встречаясь с нами, смуглые люди. И складывают ладони на уровне своей груди, склоняясь в легком поклоне. «Намастэ» — это «здравствуйте» на языке хинди. И еще они говорят: «Пиарэ досто»,— что значит «дорогие друзья»...

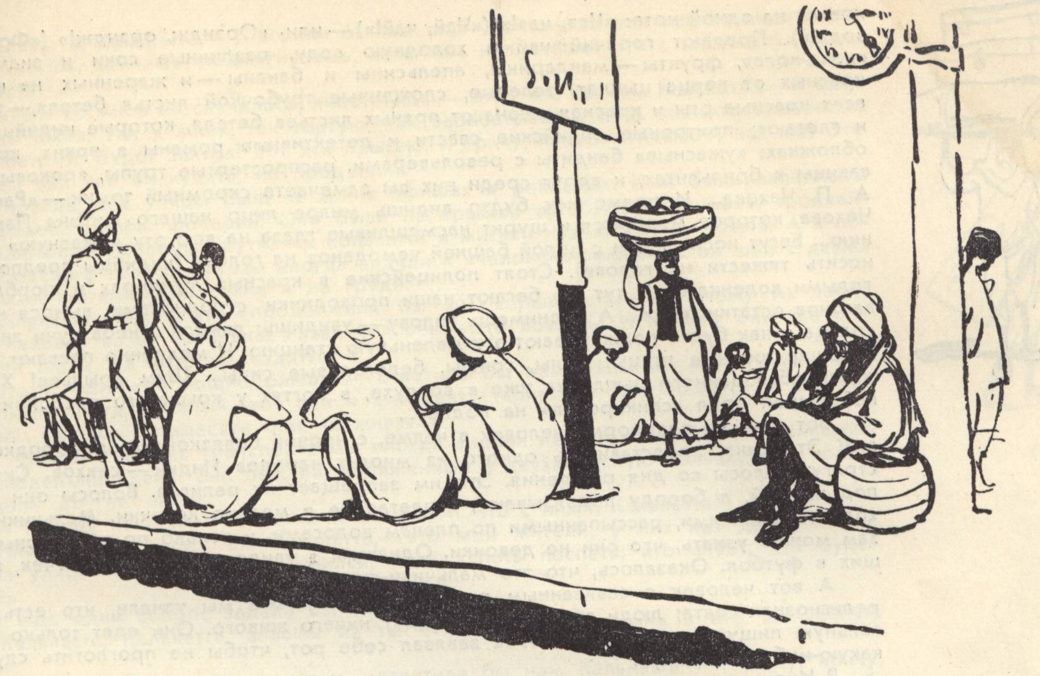
Улица в Дели.

Но мы все еще как во сне. Шатаясь под тяжестью венков и одурманенные их запахом, мы влезаем в машины группами по три — четыре человека и мчимся по широкому шоссе в столицу Индии — в Дели...

Чужие лица, чужие деревья, чужие заборы, вывески на чужом языке и... чужое движение транспорта: «левостороннее», как говорят шоферы. Вот мчится навстречу нашей машине огромный «студебеккер» и вместо того, чтобы свернуть вправо, свертывает влево... Зажмуриваешь глаза, ждешь: сейчас нас вместе с машиной — в лепешку. Но «лепешки» не получается: «студебеккер» уже далеко позади, все в порядке. Но вот опять встречная машина, и опять зажмуриваешь глаза, ожидая катастрофы...

Да, после этого перелет на «ТУ-104» через Гималаи, на высоте десяти тысяч метров, покажется самым безопасным путешествием в мире.

А «сон» продолжается, длинный, чудесный, чудной... Нас поселили в отеле, наскоро переделанном из дворца какого-то индийского раджи. Назывался отель «Хайдарабад-хауз». Номера в этом дворце-отеле были величиной приблизительно с ваш школьный зал. Посредине возвышались огромные кровати под балдахинами — такие кровати вы иногда видите в музеях,— кровати коро-

Обычная железнодорожная станция в Индии.

лей и царей. Среди нас была одна артистка очень маленького роста. Она долго не решалась взобраться на эту кровать, чтобы отдохнуть после перелета. «Я в ней затеряюсь,— говорила она испуганно.— Совсем затеряюсь!»

Во внутреннем садике отеля благоухали розы и еще какие-то чужие, не наши цветы. Порхали бабочки. Тихо журчал небольшой фонтан. С улицы доносилась чужая, не наша песня: «сон» продолжался... Так мы и не успели «проснуться» в столице Индии, в Дели, не успели почувствовать, что мы не грезим, что мы действительно приехали во «всамделишную» Индию. На следующий день мы рано утром сели в поезд и отправились, пересекая страну с севера на юго-восток, в Калькутту.

ПО ДОРОГЕ ИЗ ДЕЛИ В КАЛЬКУТТУ

Я все время говорю «мы», а кто это «мы»? Так вот, пока наш поезд мчится по просторам новой, еще не виданной нами страны, давайте знакомиться: «мы» — группа артистов Государственного центрального театра кукол. Мы прилетели в Индию во главе с нашим художественным руководителем С. В. Образцовым играть спектакли «Волшебную лампу Аладина» и «Необыкновенный концерт». Вы, наверно, удивлены: почему же мы, не сыграв ни одного спектакля в столице Индии, Дели, сразу сели в поезд и помчались в Калькутту?

А дело объясняется просто: наши декорации и куклы не летели по воздуху, а плыли морем, из Одессы, и прибыли в калькуттский порт. Взгляните на карту, и вы увидите, что Дели и Калькутта находятся на расстоянии нескольких тысяч километров друг от друга. И вот мы мчимся теперь к своей «производственной базе». Впрочем, поезд замедляет ход: очевидно, какая-то станция. Давайте-ка выйдем на платформу и посмотрим, что представляет обычная железнодорожная станция в Индии.

Мы выходим на платформу и сразу попадаем в толпу людей, бледно-смуглых, коричневых и почти черных. Индия — большая страна, в ней много национальностей, и поэтому здесь встречаются люди с разными оттенками кожи. Большинство мужчин одето в белые рубашки навыпуск и в «дхоти» — белые куски материи, обернутые вокруг бедер и ног, нечто вроде юбки с подхваченным подолом. Женщины в красных, синих, желтых «сари» — это тоже большой отрез легкой ткачи, искусно обернутый вокруг туловища. В толпе много продасцов, они все

кричат на одной ноте: «Чаэ, чаэ!» («Чай, чай!») — или: «Орэндж, орэндж!» («Фруктовая вода!»). Продают горячий чай и холодную воду, различные соки и знаменитую «кока-кола», фрукты — мандарины, апельсины и бананы — и жаренных на вертеле красных от перца цыплят, зеленые, сложенные трубочкой листья бетеля,— почти у всех красные рты и красная слюна от пряных листьев бетеля, которые индийцы жуют и глотают; приторные индийские сласти и детективные романы в ярких, кричащих обложках: «ужасные» бандиты с револьверами, распростертые трупы, «роковые» красавицы в брильянтах, и вдруг среди них вы замечаете скромный томик — «Рассказы» А. П. Чехова... И прямо как будто видишь милое лицо нашего Антона Павловича Чехова, которое морщится и щурит насмешливые глаза на всю эту «ужасную» компанию... Бегут носильщики с целой башней чемоданов на голове (индийцы предпочитают носить тяжести на голове). Стоят полицейские в красных мундирах и тюрбанах, с голыми коленками. И тут же бегают наши проводники с подносами, вынося из купе вагонов остатки пищи... А поднимешь голову — увидишь: льются с неба лучи знойного солнца и как будто поджаривают эту маленькую станцию. И медленно плавают в небе большие хищные птицы: орлы, грифы, белоголовые сипы... Шум крыльев! Хоп — и кости обглоданного цыпленка уже в воздухе, в когтях у крылатого разбойника: это небольшой орел «спикировал» на поднос...

Вот идет по платформе человек в чалме, с черной повязкой на подбородке... Кто это? Это сикх, представитель одного из многих народов Индии — сикхов. Сикхи не стригут волосы со дня рождения. Это им запрещает их религия. Волосы они прячут под чалмой, а бороду подвязывают, заплетая ее в мелкие косички. Мальчики-сикхи ходят с длинными, рассыпанными по плечам волосами, и только по их озорным глазам можно узнать, что они не девочки. Однажды я увидел странных девочек, играющих в футбол. Оказалось, что это мальчики-сикхи.

А вот человек с завязанным ртом. Кто он? Позже мы узнали, что есть такая религиозная секта; люди этой секты не едят ничего живого. Они едят только растительную пищу. И вот этот человек завязал себе рот, чтобы не проглотить случайно какую-нибудь мушку...

В Индии очень много сект. Но еще больше в Индии каст. Какая же между ними разница? Секта объединяет людей одной религии, а каста — это объединение людей по профессиям. Это пережиток древнего кастового строя. Профессия здесь считалась наследственной. Это значит, что если ты каменщик, то твой сын тоже будет каменщиком и сын твоего сына будет каменщиком. Это значит, что дочь, рожденная в касте плотников, не может выйти замуж за человека из касты землепашцев и так далее. Существуют высшие и низшие касты. Самая высшая каста — каста брахманов; это жрецы и потомки жрецов. А в самом низу находятся неприкасаемые: уборщики нечистот, метельщики, кожевники. Они не входят в касты, и лишены всех прав. В Индии около трех с половиной тысяч разных каст. Раньше их было около десяти тысяч.

По новой индийской конституции все касты признаны равноправными и отменена наследственность профессий: теперь девочка или мальчик, рожденные, скажем, в касте метельщиков, уже могут мечтать о профессии летчика и доктора. Но кастовый строй очень древний. Он существует тысячелетия, и все эти изменения не скоро доходят до сознания людей. Англичанам, прежним правителям Индии, выгодно было поддерживать это разделение страны на секты и касты...

Но вот смуглый машинист в красном тюрбане дает сигнал отправления, поезд тронулся, «обычная железнодорожная станция» остается позади...

Мы включили в своем купе электрический свет, закрыли все двери и окна от ночных насекомых и, насквозь прокопченные паровозным дымом и копотью, приняли душ. Потом залезли на свои полки и выключили свет. Под нами стучали колеса. Над нами шумели вентиляторы — фены. А наши тяжелые, распухшие от дневных впечатлений головы гудели от тревожных мыслей: как-то пройдут наши спектакли в этой удивительной стране?

К концу следующего дня, после захода солнца, наш переводчик Андрей встал посреди купе и, изображая профессионального гида, объявил: «Калькутта! Столица Западной Бенгалии! Здесь говорят на языке бенгали! На этом языке писал знаменитый индийский писатель Рабиндранат Тагор!»

И мы въехали в Калькутту.

КАЛЬКУТТА ВЕЧЕРОМ В ДЕНЬ ПРИЕЗДА

Мы въехали в Калькутту вечером, при электрическом свете. Калькутта (или Калькатта, как называют ее индийцы) поразила нас, оглушила. До сих пор мы ехали по тихой долине Ганга. Правда, суетились и покрикивали на станциях люди. Но поезд трогался, и снова мы были среди зеленых холмов, пальмовых рощ и рисовых плантаций. А тут мы очутились в большом капиталистическом городе. Если бы города могли разговаривать, то наш разговор с Калькуттой по дороге с вокзала выглядел бы приблизительно так.

«Калькатта, Калькатта,— спросили бы мы ее, — почему ты вся извиваешься, прыгаешь, скачешь, кричишь, подмигиваешь, хохочешь и плачешь? Что с тобой случилось, Калькатта?»

«Ничего со мной не случилось, иностранцы,— ответила бы нам Калькатта.— Я каждый день такая. Так я живу, так торгую, так зарабатываю... Ведь день-то кончается, а кто знает, что будет завтра? Вот я и прыгаю, и кричу, и подмигиваю. А как же? Это реклама... Без нее ни купить, ни продать...»

И правда, все улицы были в ярких афишах и рекламах. Ими были залеплены стены домов, столбы фонарей. Они были на крышах автобусов, трамваев, троллейбусов. Световые рекламы крутились колесами и мигали над крышами домов. А в потоке городского транспорта мы иногда видели и «человека-рекламу»: он шел с двумя фанерными щитами — на спине и на груди.

«Калькатта, Калькатта,— продолжали бы мы спрашивать,— а почему на твоих улицах человек везет человека? Разве человек — это лошадь? И почему они все старики, эти люди, на которых ездят?»

«Это рикши, «бегающие рикши»,— ответила бы нам Калькатта.— И совсем они не старики... Труд тяжелый, вот они и выглядят стариками. А вообще-то у них век короткий: больше пятидесяти они не живут...»

И правда, в потоке транспорта мы иногда видели не только «человека-рекламу», но и «людей-лошадей»: они бежали, впряженные в двухколесную коляску, а в коляске сидели другие люди.

«А почему на твоих тротуарах лежат люди? Что с ними, Калькатта?»

«Ничего,— удивилась бы Калькатта,— это мои жители, у них нет дома, и они спят на улице: ведь день-то кончился, надо успеть поспать, кто знает, что будет завтра?»

И еще один вопрос задали бы мы Калькатте:

«Калькатта, Калькатта, знаешь ли ты историю про Аладина и его волшебную лампу?»

«Нет, не знаю и знать не хочу,— ответила бы нам Калькатта.— Я скачу, кричу, подмигиваю, я торгую и зарабатываю с утра до вечера, не нужна мне ваша волшебная лампа, мне некогда...»

На этом и кончился бы, должно быть, наш разговор с Калькуттой, потому что наш автобус остановился перед ярко освещенным подъездом «Гранд-отеля». И последней точкой к нашему разговору был полуголый человек у подъезда; он подошел к окнам автобуса, хлопнул себя по животу и протянул к нам свою худую коричневую руку. Он не кричал и даже не говорил. Он молчал, но и без слов было понятно: он хотел есть. Ведь надо же поесть человеку: кто знает, что будет завтра?..

Расстроенные, мы вышли из автобуса и вошли в «Гранд-отель». Неужели это правда: не нужны Калькутте Аладин и его волшебная лампа?

В «Гранд-отеле» яркий солнечный свет от ламп «дневного света», мягкие ковры, приглушенный говор... Говорят на языках всех континентов. Дельцы, бизнесмены, туристы... Карты воздушных рейсов:

Калькутта — Бомбей,
Калькутта — Цейлон,
Калькутта — Лондон, Париж, Женева, Гавана...

В ресторане — джаз-оркестр, песенки, танцы. Молчаливые индийцы в красных кафтанах, с тюрбанами на головах обслуживают столики. С потолка свешиваются и крутятся десятки фенов, разгоняя духоту тропической ночи. Во внутреннем дворе «Гранд-отеля» тоже столики, под разноцветными зонтами. Вначале вы не замечаете, что эта часть ресторана на свежем воздухе, потому что никакого «свежего воздуха» нет, везде одинаково жарко: и в здании и на улице. Но вот вы видите большие стройные колонны, уходящие ввысь. Внизу эти колонны залеплены разного рода рекламами. Вы скользите глазами по этим стройным колоннам все выше и вдруг обнаруживаете, что это пальмы с зелеными листьями на высоте шести—семи этажей. А над ними — луна и звезды. Но все это очень далеко. А здесь, между столиками, белые девушки танцуют модный танец «хула-хуп», а смуглые индийцы разносят прохладительные напитки. После «разговора с Калькуттой» кажется, что все тут ненастоящее. А настоящая жизнь — там, за стенами отеля. И после ужина нас снова потянуло из отеля на улицы Калькутты.

КАЛЬКУТТА НОЧЬЮ

Итак, мы пошли прогуляться по ночным улицам Калькутты. Теперь она уже не извивалась, не прыгала и не кричала. Калькутта спала. Только кое-где светились маленькие лавчонки. Запоздавшие хозяева, подсчитывая дневную выручку, щелкали на счетах или крутили листья бетеля на завтрашний день. А им со стен улыбались цветные фото и рисунки индийских богов и богинь, кинозвезд и танцовщиц.

На тротуарах спали бездомные. В кроватях и без кроватей. На тонких ковриках, на тряпье, а то и прямо на голых камнях. И мы шли,

перешагивая через них. Здесь были одинокие и семейные, взрослые и дети. Старик с длинной седой бородой сидел, прислонившись к стене, и читал молитвенник. А может быть, это был и не молитвенник, а подвиги героев из древней индийской книги «Махабхарата». Губы старика двигались, повторяя слова текста. В одной руке он держал книгу, а в другой — электрический фонарик, которым светил на страницы книги.

Кто эти люди, бездомные люди Калькутты? Часть из них — беженцы из Пакистана; они бежали от междоусобной резни, когда индийцы-мусульмане преследовали индийцев-немусульман. А остальные бездомные — коренные жители, безработные и люди из касты слуг. Позже мы узнали, что и большинство слуг нашего шикарного «Гранд-отеля» спит на улице, оставляя свои красные кафтаны и тюрбаны на вешалке отеля.

Иногда нам попадалась коляска «бегающего рикши». Красивая коляска: она покрашена в яркие цвета, с медными бубенчиками на оглоблях. Колеса у нее с металлическими спицами, на резиновых шинах. Хозяин коляски лежал под ней, раскинув руки на голом асфальте. Должно быть, как лег, прикоснулся к горячему асфальту, так и заснул, набегавшись с утра до вечера по знойным улицам Калькутты...

На одном из перекрестков мы остановились: под уличным фонарем стоял индийский юноша в европейском костюме и читал книгу. Мы подошли и заговорили с ним (некоторые из нас говорили по-английски). Мы спрашивали, а он отвечал: «Кто я? Студент. Что делаю? Изучаю высшую математику... Одна комната, большая семья, дети шумят, мешают. А здесь — тишина, очень удобно. Если устану — присяду».

Мы спросили его, знает ли он историю про Аладина и его волшебную лампу.

— Конечно, знаю! — ответил студент.— Замечательная сказка из «Тысячи и одной ночи». Арабская сказка, но когда-то арабы и индийцы были близкими соседями. Это было за много веков до того, как в Индию пришли англичане. Так что можете считать Индию почти родиной Аладина,— добавил с улыбкой студент.

— А в каком часу завтра спектакль? — вдруг спросил он. Оказывается, он уже знал, что в Калькутту приехали советские актеры со спектаклем «Волшебная лампа Аладина».— Обязательно приду на спектакль,— сказал студент.

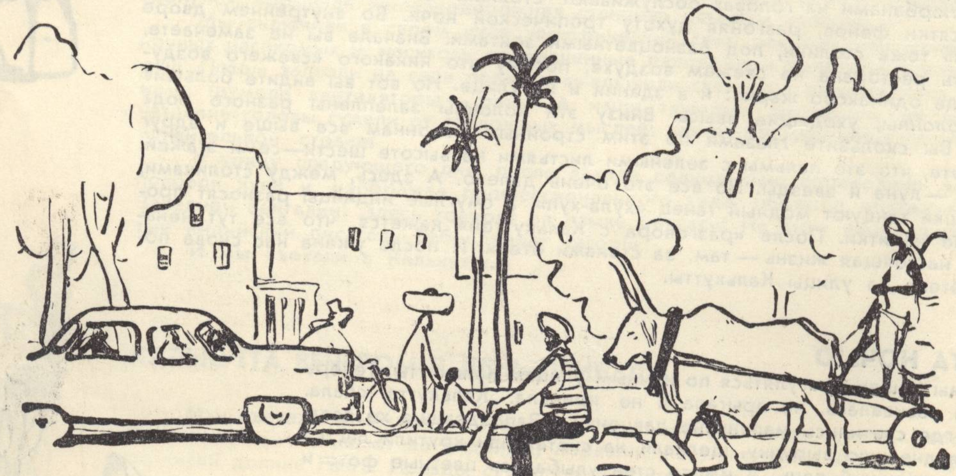
Мы пошли дальше, а он опять углубился в книгу.

Мы слегка повеселели: значит, все-таки кому-то нужен Аладин в Калькутте!

Через несколько недель мне в дороге попалась газета «Таймс оф Индиа», и я увидел фотографию другого индийского юноши. Это был уже не студент, а продавец из магазина в Дели. Он готовился к экзаменам в университет. Но причина его ночных занятий под уличным фонарем была все та же: большая семья, трое маленьких ребят в одной комнате.

Значит, много в Индии таких «читателей под уличным фонарем», как их назвал корреспондент газеты «Таймс оф Индиа».

Мы перешли на другую сторону улицы и пошли в обратном направлении. Тут

От древней повозки до мотороллера... Чего только нет на улицах Калькутты!

мы набрели на рикш, которые еще не спали. А может быть, это были специально ночные рикши? Они бросились к своим колясскам и стали наперебой предлагать нам сесть. Но советские люди не привыкли ездить на человеке. Мы отказывались, а они все шли и шли за нами в надежде, что мы наконец сядем в их коляски. Один из них шел рядом со мной, и между нами завязался разговор. (Он, как и я, немного говорил по-английски.)

Я сказал, что у него очень красивая коляска, с веселыми медными бубенчиками. А он мне ответил, что коляска не его, а «босса», хозяина всех колясок в этом районе, и что большую часть своего заработка он отдает этому «боссу». Я сказал, что мы советские актеры, а он сказал, что в деревне под Калькуттой у него есть невеста.

У подъезда «Гранд-отеля» мы остановились.

— Гуд бай,— сказал я и протянул ему руку.

Он нерешительно протянул свою. Но его рука была вялой и неподвижной, пока я не пожал ее. Тогда и он крепко сжал мою руку. И тут в первый раз я увидел его глаза, глаза «бегающего рикши». Это были молодые, насмешливые, умные, окруженные старческими морщинками глаза. И в то же время это были глаза очень уставшего, загнанного вконец человека. Не знаю почему, но мне показалось, что это глаза моего лучшего друга. Ведь бывает же так: в трамвае, автобусе, в вагоне метро посмотришь в глаза соседу — и вдруг тебе покажется, что с этим человеком ты мог бы прожить душа в душу всю жизнь. Но ты сходишь, а он остается или наоборот — и вот вы уже никогда в жизни не увидите друг друга...

КАЛЬКУТТА ДНЕМ

На следующее утро Калькутта опять уже извивалась, скакала, кричала. При дневном свете это было, пожалуй, еще удивительней. По улицам Калькутты мчались автомашины всех марок на свете. Рядом с машинами бежали, обливаясь по́том, рикши, везя коляски с веселыми бубенчиками. В колясках сидели пассажиры под зонтиками: по внешнему виду это были коммерсанты или их не в меру располневшие жены, едущие за покупками. Иногда в этом потоке транспорта проскакивал экипаж XIX века — коляска с парой добрых старых лошадок.

Но вот поток останавливается: поперек улицы, презирая правила уличного движения, проходит... корова. Да, коров очень много ходит по улицам Калькутты; в Индии они считаются «священными», их никто не трогает, никто не убивает. И главное, идет-то эта самая корова совсем не по делу: подойдет к витрине ювелирного магазина или к лавчонке, торгующей сандаловыми свечками, постоит, вздохнет и пойдет обратно...

Впрочем, если ей вздумается, она может пойти и по тротуару, это странное существо белого цвета с задумчивыми глазами и тощим, отвислым выменем. Ее тут никто не обидит, ее только будет обгонять многоязычная, разношерстная уличная толпа Калькутты... И где-то тут, среди этой толпы, идут и бездомные люди Калькутты, которых мы видели ночью...

Автобус задержался на перекрестке, и вот уже в окне появляется пара зеленых попугаев-неразлучников на жердочке. А где-то внизу звенит голос: «Три рупи, три рупи!..». Выглянешь из автобуса — на мостовой стоит полуголый карапуз, ему не больше шести—семи лет: на одной руке он нянчит карапуза двух—трех лет от роду, в другой руке у него попугаи, он ими торгует... День-то ведь начинается, надо зарабатывать: все зарабатывают... Разница только в том, что одному надо заработать миллион, а другому — всего несколько рупий, чтобы не умереть с голоду...

Да, какой-то злой дух, а не добрый джин Кашкаш из нашего «Аладина» царит на улицах Калькутты...

Снова автобус задерживается перед светофором — и в окне появляются голова кобры и выразительная мордочка мангусты, этого маленького зверька, бесстрашного пожирателя змей. Хотите, и вам за две рупии будет показана битва кобры с мангустой. А рядом, на тротуаре, уличные акробаты уже разложили коврик, и девочка-подросток с жемчужинкой в носу машет руками: сейчас она будет делать «сальто», «мост» и «человека-лягушку»... Но мы уже трогаемся дальше.

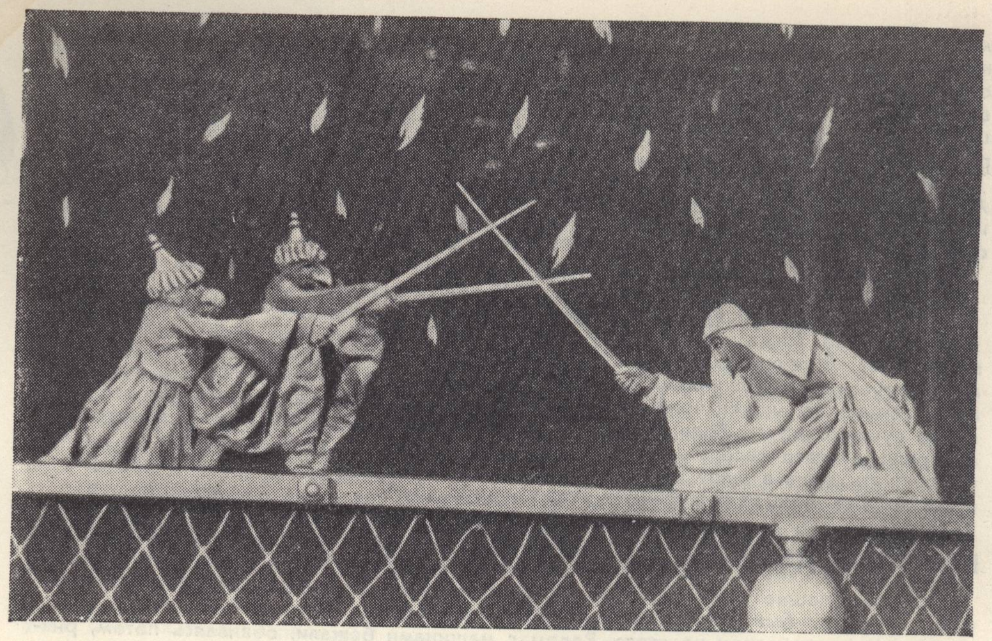

Наш автобус с надписью «Спэшиэл» («По специальному заказу») продолжал пробираться сквозь всю эту уличную суету, как вдруг на одном из поворотов я вздрогнул и подскочил от неожиданности: я увидел... Аладина! Да, по улице Калькутты шел Аладин из нашего спектакля, в широкой длинной белой рубашке навыпуск, босоногий, с горящими глазами... Это был бедный индийский юноша, но веселый и бесстрашный. Видно было, что его совсем не тревожил вопрос: «Кто знает, что будет завтра?».

Он шел среди толпы, заложив руки за спину, шел и пел. И даже пел он что-то очень похожее на то, что поет наш Аладин, лежа на базаре, в первой картине:

Без коня, без крыл я войду в твой сад,
На руках своих унесу в Багдад...

Лишь один короткий миг видел я его в толпе, но мне показалось, что он увидел наш автобус, встретился глазами со мной и даже сверкнул зубами в улыбке и приветственно помахал рукой. Впрочем, может быть, только показалось. Но если даже

Спектакль «Волшебная лампа Аладина». Аладин сражается со стражей султана.

и показалось мне, актеру, исполняющему роль Аладина, было очень важно получить этот приветственный, ободряющий знак рукой от двойника Аладина: потому что ехали мы в автобусе по улицам Калькутты играть наш первый спектакль на индийской земле... Значит, есть еще Аладины в Калькутте!

ПЕРВЫЙ СПЕКТАКЛЬ НА ИНДИЙСКОЙ ЗЕМЛЕ

Чужое здание, чужая сцена, чужие, смуглые лица вокруг, не понимающие ни слова по-русски. И наши люди: актеры, рабочие сцены, электрики, радист, бутафор. Повсюду, во всех углах, слышатся крики: «Переводчик! Где переводчик? Дайте переводчика!» Без переводчиков как без рук, и наши переводчики, Андрей и Таня, нарас-

Самые маленькие зрители идут на наш спектакль.

хват. Их хватают за руки, тащат в разные стороны, вот-вот разорвут на части. Их ревнуют друг к другу, на них жалуются: «Она (Таня) все время с актерами!». Или: «Он (Андрей) все время с электроцехом!».

Да, трудно бывает без знания иностранных языков, ребята! Вот Фрайфельд, наш главный электрик, «Заведующий светом», стоит перед смуглым индийцем, хозяином электробудки, и с помощью рук пытается выяснить, какое напряжение. И хотя много общих международных слов в их профессии: и «ампер», и «вольта», и «трансформатор»,— все же трудно разговаривать одними руками о такой точной вещи, как напряжение.

Сгорит трансформатор — и тогда прощай «голубое небо», «восходы» и «заходы солнца» и прочие световые эффекты в спектакле. Где переводчик?!

Раиса Фоминична, наш бутафор, стоит перед молодым человеком в белой юбке. Этот молодой человек совсем черный: должно быть, южанин из племени тамилов. Глаза у него похожи на глаза индийского бога Вишну. Раиса Фоминична просит у него утюг, чтобы разгладить костюмы кукол, но глаза «бога Вишну» растерянно моргают при слове «утюг»... Где переводчик?!

Инспектор оркестра Скудин у нас человек нервный. «Столик для ксилофона!» — кричит он индейцу в красной чалме («ксилофон» — музыкальный инструмент: деревянные палочки, по которым стукают двумя молоточками). А человек в красной чалме приносит ему поднос с бутылкой «кока-колы» во льду. «Да не нужно мне это! — кричит нервный инспектор.— Мне нужен столик, обыкновенный столик!» И человек в красной чалме исчезает, а через полминуты появляется вновь, но уже с чашкой горячего кофе на подносе...

Конечно, странно, что люди не понимают по-русски, но ведь так же странно и то, что люди не понимают ни по-индийски, ни по-английски, а разговаривают на каком-то совсем непонятном языке...

Первый спектакль прошел. Благодарные зрители повесили на актеров венки из роз.

Но вот появляется переводчик, и лица расплываются в улыбке, и появляются и столик и утюг, и выясняется, какое напряжение...

И вот уже люди, говорящие на разных языках, хлопают друг друга по плечу, завязывается дружба. На последнем спектакле они будут с грустью расставаться друг с другом, обмениваться адресами и маленькими «презентами» (подарками).

Первый звонок! В зрительный зал входят индийские зрители. Так как спектакль дневной и считается детским, то в зрительном зале много детей, смуглых индийских детей: они пришли и целыми школами, организованно, и отдельно, с папами и мамами. Все наши актеры прилипли к занавесу. В каждом театральном занавесе бывают маленькие прогляды, щелки и дырочки: ну-ка, какие они, наши первые зрители?

— Возраст разный,— слышится шепот,— плохо...

А возраст действительно «разный»: в первых рядах мы видим почетных гостей, представителей городской власти, общественности города... А откуда-то с задних рядов доносится плач грудного младенца... Как же играть? Для кого? Ведь мы привыкли, что к нам на «Аладина» ходят ребята старших классов.

— Говорят, индийские зрители не аплодируют,— шепчет одна из актрис.

— Да ну? — удивляемся шепотом.— Почему?

— Не в обычае,— шепотом отвечает актриса и снова прилипает к занавесу. В крошечную щелку она видит, как в первом ряду в проходе поставили кресло и столик с прохладительными напитками...

— Товарищи,— испуганно шепчет она,— во время спектакля кто-то собирается завтракать!..

— Это для губернатора,— говорит проходящий мимо помощник режиссера, который обязан знать все, что делается вокруг.— Сейчас прибудет губернатор штата Западная Бенгалия!

Мы все прилипаем к занавесу и видим: сдержанно кивая головой на приветствия, к креслу подходит и садится полная пожилая женщина в парадном сари, с красивым, властным лицом. Вот так раз: губернатор, оказывается, женщина!

Второй звонок! Мы все отходим от занавеса, заходим за ширму, берем кукол и занимаем свои места. Переводчик «Аладина» садится в свой закуток в боковом портале. Но это уже не Андрей, а Юрий, его товарищ из советского консульства в Калькутте: Андрей — специалист по языку хинди, а Юрий хорошо знает язык бенгали. Он и будет сейчас переводить «Аладина». В одной руке он держит текст пьесы, в другой — микрофон... Час нашего испытания наступает...

Третий звонок... Свет гаснет.

Сергей Владимирович Образцов выходит за занавес вместе с переводчицей Таней...

— Выносные! — громко шепчет «Заведующий светом».— Выносные!

Ну нет, братцы, это вам не в Москве: его не понимают, потому что «связующее звено» — переводчик Андрей куда-то исчез: очевидно, он понадобился в другом конце сцены. Теперь уже все на сцене шипят: «Выносные!». Но выносные фонари, которые должны осветить Образцова перед занавесом, все еще не зажигаются, и зрительный зал ждет в полной темноте. Снова мы услышали отдаленный плач младенца... Наконец прозвучало чужое слово перевода, и выносные зажглись. Мы стоим с куклами наготове. К нам из-за занавеса глухо доходит голос Образцова. Вот он приветствует зрителей и передает индийским ребятам привет от ребят города Москвы, столицы Советского Союза.

— Захлопали,— говорит кто-то за кулисами,— значит, все-таки аплодируют..

И вот снова все погружается в темноту, раздаются первые звуки аладиновской музыки — и общий занавес, занавес индийского театра, раздвигается. Работая на московском трансформаторе под «индийским напряжением» и на «индийской электроэнергии», наши электрики постепенно высвечивают конструкцию аладиновской ширмы. Раздвигается теперь уже наш кукольный занавес, открывая первую картину: Аладин лежит на сухой, горячей земле восточного базара и поет, а в его песню вплетаются протяжные крики продавца холодной воды и рыбака, продающего рыбу... Мы слышим легкий гул одобрения в зрительном зале, и уже через минуту актерское чутье говорит нам о том, что спектакль «принимается». Ну, конечно, принимается, и как же это мы не догадались сразу: ведь наш спектакль оказался таким близким, почти своим для индийского зрителя! Разве не так кричали на железнодорожных станциях по дороге из Дели в Калькутту продавцы холодной воды и горячего чая, как у нас на базаре («Чаэ-э, чаэ-э! Орэндж, орэндж!»)? А песня Аладина, разве мы не слышали ее на полях Индии? И разве не видел я двойника Аладина только что на улице Калькутты? Все, начиная от музыки и кончая какой-нибудь деталью декорации, казалось зрителю знакомым, своим. Даже «волшебную лампу» Аладина, старую медную лампу, которую он находит в пещере, среди драгоценностей клада, даже ее мы увидели однажды на базаре в Дели! Спектакль продолжается, и волнение зрителей нарастает. Вот проехала на белом слоне прекрасная царевна Будур под гром аплодисментов. Вот танцует она в саду султана — и опять аплодирует зритель, потому что и в танце он узнал знакомые движения своих родных национальных танцев.

— Ждите переводчика, пережидайте его слова, не налезайте на голос переводчика! — внушает С. В. Образцов в антракте актерам: ведь зрителю важно не только видеть кукол и слышать актеров, им еще нужно знать, что происходит.— Помните, что вы говорите на непонятном для них языке!

А трудно, ох, как трудно играть с переводчиком! Несмотря на то, что он переводит ловко и быстро, почти не нарушая ритма спектакля, актерам кажется, что спектакль тянется, тянется...

«Погадай мне три раза»,— говорит коварный и злой Визирь своему придворному Гадателю и ждет, пока не отзвучит в зрительном зале голос переводчика, говорящего эту же фразу на языке бенгали...

«И ответь мне на три вопроса»,— продолжает Визирь и снова ждет переводчика...— «Первый вопрос».— И опять ждет переводчика.— «Женюсь ли я на царевне Будур?» — И опять ждет переводчика...

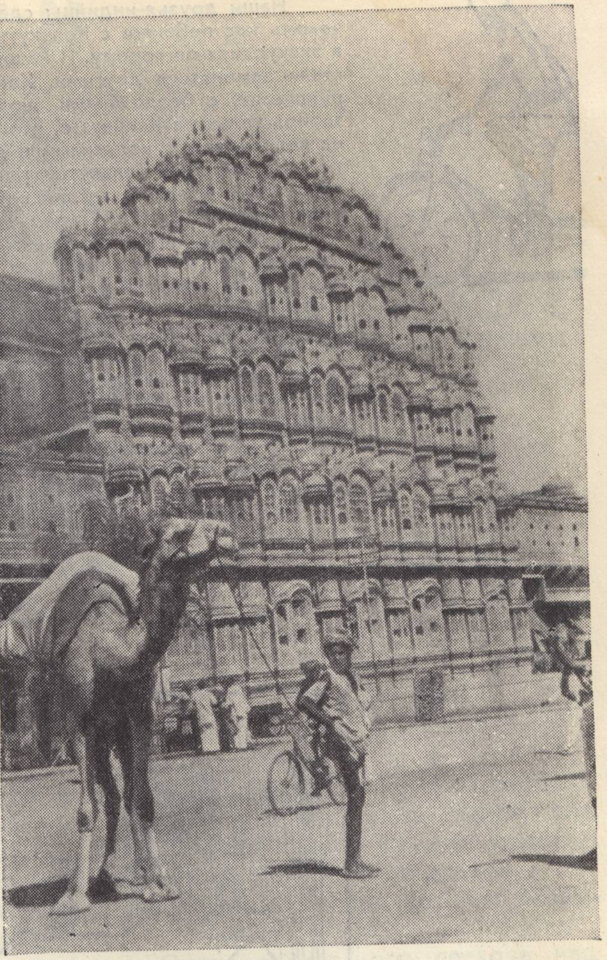
И с актеров градом катится пот — не столько от жары на сцене, сколько от этих ожиданий переводов... Но зрители — и взрослые и дети — не замечают этого: наоборот, они благодарны за то, что спектакль переводится на их родной бенгали. И аплодируют огромному джину Кашкашу, появляющемуся из медной лампы Аладина, и золотому дворцу, построенному за одну ночь. Зритель смеется над

злым Визирем и растерянным Султаном... Вот уже Аладин бьется на саблях со стражей Султана — и снова восторг.

«Не убивай меня, Аладин! — кричит Гадатель.— Я скажу тебе, где царевна Будур и золотой дворец. Визирь завладел лампой и приказал джину перенести их в пустыню Магриба!»

Ну вот: совсем забыл Гадатель, спасая свою жизнь, о переводчике и наговорил целую кучу фраз, одну за другой, не ожидая перевода, и вот теперь должен за это расплачиваться: оба — и Гадатель и Аладин — стоят, как им кажется, целую вечность: один — склонившись в поклоне, другой — с занесенной саблей, ожидая, пока переводчик не переведет фразу за фразой: ведь фразы-то важные! Без них зритель может не понять, что будет дальше. Но вот беда: Гадатель наговорил так много, что наш переводчик забыл последнюю фразу... И пока он разбирается в русском тексте, нужно опять ждать. Но вот беда: ведь переводчик тоже увлекся спектаклем, он переводил с голоса актеров и совсем забыл перелистывать страницы, теперь ему нужно еще найти это место в тексте! Пауза затягивается. Но вот беда: Аладин не выдержал паузы и сказал следующую свою фразу: «Веди меня в пустыню Магриба!». И переводчик, махнув рукой на текст и фразы Гадателя, решил перевести фразу Аладина и схватил микрофон — и опять беда: на этот раз не выдержал паузы помощник режиссера и дал знак тушить свет, чтобы перейти к следующей картине. И голос переводчика прозвучал уже в темноте — и опять беда: музыка к следующей картине заглушила слова перевода. Так и не узнал зритель, что сказал Аладин Гадателю!..

Но все это были только мелкие досадные «накладки». Открылась пустыня Магриба, вышел наш Лев, взмахнул лениво хвостом — и снова зритель разразился бурными аплодисментами. Аладин в поисках своей любимой Будур проехал на верблюде, Лев съел Гадателя — снова аплодисменты. А когда Будур крикнула в лицо Визирю: «Я не буду твоей женой, я жена Аладина!»,— и появился Аладин, и опять из скрещивающихся сабель полетели искры, в зале поднялась такая буря, какой мы не слышали, пожалуй, ни на одном спектакле в Москве: индийские ребята топали ногами, если они доставали до пола, кричали, свистели от восторга...

«Храм ветров» в Джайпуре. В этот город мы попадем с вами в следующем номере «Пионера».

А вот пустыня Магриба превратилась в прекрасный сад, и Аладин встретился со своей любимой Будур и со своей старой мамой. Закрылся занавес. Первый спектакль на индийской земле прошел, наша тревога рассеялась, нас вызывали, нам говорили речи и... Да, нам повесили венки из роз!

И полная пожилая женщина в парадном сари, губернатор штата Западная Бенгалия, пришла за кулисы, чтобы поближе посмотреть на кукол «Аладина» и познакомиться с актерами. И наш Лев склонил перед ней в вежливом поклоне свою гривастую голову и протянул к ней свою кукольную, совсем не страшную лапу...

ШЕСТЬ ДНЕЙ В КАЛЬКУТТЕ

Да, шесть дней провели мы в Калькутте, играя по одному, а чаще по два спектакля в день. Спектакли наши шли, как говорят в таких случаях, «с нарастающим успехом». Почти каждый день утром за завтраком наши переводчики Андрей и Таня приносили свежие газеты с рецензиями и переводили с английского и бенгали:

«Куклы как живые»... «Волшебная лампа Аладина» покорила Калькутту»... «Калькутта аплодирует советским актерам»... «Необыкновенный концерт» в Калькутте»...

А вечером мы возвращались со спектакля в «Гранд-отель», уставшие, но счастливые, устилая свой путь розами. Кому-нибудь может показаться, что последняя фраза написана для красоты слога, но это неправда: надетые на нас венки из роз действительно осыпались, когда мы шли из автобуса в гостиницу, и служащим «Гранд-отеля» из касты метельщиков стоило немалых трудов подметать за нами эти розовые лепестки.

Наши друзья-индийцы сделали все возможное, чтобы за эти шесть дней позна-комить нас поближе с Калькуттой. Все свободное от спектаклей время мы проводили в экскурсиях по городу. И наши первые страшные впечатления о Калькутте теперь уже стали заменяться другими. Конечно, мы так и не могли помириться с «бегающими рикшами», с бездомными людьми, но мы узнали, что «бегающие рикши» остались теперь только в Калькутте, что в других городах Индии их почти уже нет: рикши сели на велосипеды с колясками и даже кое-где на велосипеды с моторами.

На окраине Калькутты раскинулся мраморный дворец «Виктория Мемори», вы-строенный в честь английской королевы Виктории, которая была провозглашена императрицей Индии. Перед дворцом стоит памятник самой королеве, на котором написано: «Солнце в Британской империи не заходит». Да, когда-то это было правдой: завоевав Индию, Англия стала такой огромной колониальной империей, что когда в одной из ее колоний или в самой Англии заходило солнце, то оно, не успев скрыться, появлялось уже в другой части света — и опять-таки это была английская колония. Но теперь все чаще стало «заходить» солнце в Британской империи...

Мы посетили много разных учреждений новой Индии. Мы видели знаменитую Калькуттскую библиотеку. Она помещается в «Бельведере» — это резиденция бывших вице-королей Индии. Все вице-короли были англичанами. Они назначались английским правительством и были полными хозяевами в стране. А теперь в читальном зале бывшего «Бельведера» сидели индийские студенты и изучали разные науки.

Теперь мы знали о столице Бенгалии гораздо больше, чем в день приезда. Ока-зывается, она еще училась, изучала свое прошлое, строила свое будущее.

Нет, не только злой джин рекламы и торговли царил в Калькутте!

Никого не удивляет в Индии, если по улице совсем не по делу проходит корова или бык, их никто не останавливает. Коров в Индии считают священными животными.

По глазам наших зрителей, по их горячему сочувствию героям «Волшебной лам-пы Аладина» мы поняли, что, несмотря на все временные несчастья, бедность и ни-щету, добрые чувства живут в народе. Они так же неистребимы, как знаменитое самое большое дерево в Индии, баньян. Мы видели этот баньян в ботаническом саду Калькутты. Это дерево из семейства фикусовых дает воздушные корни. Они спускаются сверху, достигают земли и, врастая в землю, становятся самостоятельными деревьями. Калькуттский баньян образовал уже целую рощу, и теперь под тенью баньяна могут отдыхать сразу несколько тысяч человек. Главный ствол дерева давно уже сгнил, но девятьсот сорок семь «воздушных сыновей» его спустились к земле, покрылись ветвями и листьями. И с каждым годом количество их увеличивается...

(Окончание в следующем номере.)

ЗАЩИТНИКИ

ЗЕЛЕНОГО ДРУГА

Красные галстуки
НА СТРОЙКАХ СЕМИЛЕТКИ

Недавно из Орехово-Зуевского лесного хозяйства пришло сообщение: красные галстуки победили непарного шелкопряда, спасли лес.

Лес дает нам строительные материалы, топливо, бумагу, одежду, краску, искусственный каучук, лекарство и многое, многое другое.

И тот, кто помогает лесу расти, кто «строит» новый лес, тот оказывает большую услугу семилетке.

Вот какие документы привез из Орехово-Зуевского лесхоза наш специальный корреспондент Владислав Бахревский.

Мой товарищ Жижкин и непарный шелкопряд

Рассказ школьника

Когда опоздавший Жижкин заявил учительнице, что видел в лесу тучу белых бабочек, ребята дружно рассмеялись. Жижкин был человеком не без фантазии. Собственно, из-за своей фантазии он чуть было не остался на второй год по геометрии. Жижкин презирал учебники. Он говорил, что человек до всего должен доходить собственным умом. Поэтому теорем он не учил, а пытался доказывать их по-своему. Удавалось это ему редко.

Учительница сдвинула брови. Ребята Мисцевской школы помогали колхозникам убирать сено. Они спешили в лес. А Жижкин, лучше других умевший вершить копны, задержал их. Но рассердиться она не успела. Жижкин вытащил из кармана горсть бабочек. Желтоватая пыльца облачком поднялась над его ладонью.

Учительница вздрогнула.

— Этих бабочек действительно очень много? — спросила она.

— Туча!

Жижкин улыбнулся своей знаменитой улыбкой, когда казалось, что улыбается все его существо — от широченного рта до медной пряжки на поясе.

— Плохо,— сказала учительница.— Это бабочки непарного шелкопряда.

— Почему ж он непарный? Здесь пар сколько угодно! — продолжал улыбаться Жижкин.

— Непарный он потому, что самки этой

Здесь, на ладони, целое полчище врагов леса. Если эти яички непарного шелкопряда не уничтожить, из них выведутся прожорливые гусеницы.

бабочки в два раза больше самцов. И веселого здесь мало,— сказала учительница.— Скоро бабочки отложат яички. А в каждой яйцекладке может быть от нескольких десятков до полутора тысяч яичек. Бабочка покрывает их желтым пушком и умирает. А пушок спасает ее потомство и от морозов и от весенних паводков. Когда станет тепло, из яичек выйдут гусеницы! Они поднимутся в крону деревьев и объедят листья.

— Ну, сосну-то они не съедят! — авторитетно заявил Жижкин.

— К сожалению, гусеницы могут поедать и хвою и даже траву. Они не трогают только ясень.

— Что же делать? — спросил кто-то испуганно.

— Ждать, пока шелкопряд отложит яйца, и потом уничтожить яйцекладки.

— Ну уж нет! — подскочил Жижкин.— Ждать нечего. Надо что-то придумать.

Летом я сплю на сеновале. Часов в двенадцать ночи ко мне явился Жижкин.

— Сережка,— сказал он,— я придумал, как бороться с шелкопрядом. Пошли!..

— Куда?

— В лес. Или ты, может, боишься?

В ночном лесу жутко. Когда идешь, шуршит одежда, скрипят ботинки, и кажется, что кто-то крадется по пятам. Но я иду в лес.

Жижкин привел меня на поляну. Он достал из кармана два электрических фонарика, зажег и повесил на ветках. Фонарики раскачивались, и желтый свет метался по лесу, выхватывая стволы сосен. Между деревьями черной пропастью лежала тьма. Вдруг из этой тьмы выплыли белые пятнышки. Это были бабочки шелкопряда. Они подлетали к фонарикам и кружились вокруг. Жижкин ловил их сачком и давил.

Мне понравилось изобретение Жижкина, но ни ребята, ни взрослые его не поддержали. Зато как радовался Жижкин, когда в поселок приехал ученый-лесовод! Он привез большие лампы с отражателями. Лампы поставили в лесу. Бабочки летели на свет, обжигались и гибли.

Но непарного шелкопряда было очень много. Яйцекладки находили не только на деревьях, но и на телеграфных столбах, на заборах, на камнях и фундаментах домов.

Скребок — оружие грозное. Такими скребками ребята очистили от кладок непарного шелкопряда несколько тысяч гектаров леса.

Вот что сделали ребята Орехово-Зуевского района

Уничтожили кладки непарного шелкопряда на шести тысячах гектаров леса.

Развесили три тысячи скворечников и синичников.

Посадили двадцать гектаров леса.

В газетах появились тревожные статьи. Областной и городские Советы принимали специальные решения. Шелкопряду объявили войну.

Наша школа получила задание обработать восемьдесят гектаров леса. Лесник Ермаков пришел к нам в школу первого сентября.

После занятий, вооружившись банками со смесью керосина и мазута, кисточками, мы отправились в лес. Работали три часа. Все время приходилось нагибаться. Яйцекладки были у корневищ штук по семь на каждом дереве. У меня даже спина заболела.

Жижкин и тут подвел нас. Он вымазал лицо глиной, зажег свою кисточку и стал бегать по лесу, изображая из себя индейца. Лесник Ермаков отобрал у него факел и приказал всем школьникам уйти из леса.

— Таких помощников нам не нужно! Вы и сами сгорите и лес сожжете.

14 гектаров на пяти сотках

(Из дневника пионерского лагеря текстильщиков)

Дождь лил и лил без конца. В Зуевском лесничестве на питомнике погибли посадки сосны. Совет лагеря решил взять над питомником шефство. Питомник засеяли заново и потом несколько раз пропололи.

Однажды в лагерь пришел лесничий — большой, грузный человек в фуражке с зеленым околышем. Он поблагодарил ребят за работу. Ведь на пяти сотках питомника растет столько саженцев, что их хватит на посадку четырнадцати гектаров леса.

Саженцы сосны еще такие маленькие, что даже травы могут задушить их. «Вот как нужно пропалывать!» — говорит ребятам помощник лесничего Иван Михайлович Козлов.

Мы попросили у него прощения, но он и слушать нас не стал.

А на следующий день Жижкин сделал открытие. Правда, оказалось потом, что оно было давным-давно открыто. Он предложил не травить яйцекладки, а соскабливать. Сделали пробу. Работа пошла скорее. А тут лесник Ермаков принес в школу специальные скребки. Их роздали самым лучшим работникам. Жижкин тоже получил скребок.

Наш класс собрал в первый же день три ведра яйцекладок. Их сожгли на костре.

А когда выпал снег и были подведены итоги, оказалось, что наша Мисцевская школа заняла по очистке леса от непарного шелкопряда первое место в районе. Мы обработали не восемьдесят гектаров леса, а пятьсот сорок.

ПЕСНЯ ДЖАЛИЛЯ

Виктор ГОНЧАРОВ

Я пред глазами смерти
Не верю ни в ад, ни в рай.
И вы в мою смерть не верьте:
Я жив, пока жив мой край.
Родина, слышишь, Родина,
Тебе лишь одной молюсь!..
Родина, милая Родина,
Великий Советский Союз!
Слезы застыли слитками.
Мало осталось жить,
Но никакими пытками
Нельзя коммунизм убить!

Оставлю на вас, товарищей,
Реки, поля, моря.
Пусть вечно будет пылающей
Ленинская заря.
Любите, трудитесь, живите,
Стройте чудесный мир.
Песней меня помяните,
Собравшись на майский пир.
Родина, слышишь, Родина,
Тебе лишь одной молюсь!..
Родина, милая Родина,
Великий Советский Союз!

В. ЛУЗГИН

Опять идем полсуток на восток.
Куда ни глянь, крутыми пирогами
Лежит, желтея, слегшийся песок
Да известняк хрустит под сапогами.
Белеет мел на спекшихся губах,
И в тело пыль въедается до боли.
Мы на привалах с высохших рубах
Набрать могли бы три солонки соли.
Но, на песке печатая следы,
Стуча о пряжки флягами пустыми,

Мы без воды — предвестники воды! —
Идем под зноем выжженной пустыни.
И пусть в глазах встают круги огня,
Нам слышен гул холодного прибоя,
Мы, как пророки завтрашнего дня,
Идем сегодня по руслу Узбоя.
Мы кромку дна морского познаем,
И чем она лежит в проемах ниже,
Тем мы все дальше в прошлое идем,
А это значит: к будущему ближе.

Рисунки А. Михайлова.

Суриков

Василий Иванович Суриков. Автопортрет.

Здесь мы, ребята, печатаем рассказ Н. П. Кончаловской, внучки Василия Ивановича Сурикова, о жизни и творчестве великого русского художника.

«Два года назад в журнале Министерства Народного Просвещения появилась статья Оглаблина «Красноярский бунт». В ней я нашел, что казаки Петр и Илья Суриковы участвовали в бунте против воеводы, а Петр даже раньше в таких же бунтах. От этого Петра и ведем мы свой род. Они были старожилы красноярские времен Алексея Михайловича и, как все казаки того времени, были донцы, зашедшие с Ермаком в Сибирь. Предки мои со стороны матери тоже казаки — Торгошины. А Торгошин Василий так же был в бунте 1695 года. Бабушка моя с отцовской стороны тоже была казачка — Черкасова. Как видите, я природный казак. Итак, казачество мое более чем двухсотлетнее».

Так писал о своем происхождении художник Василий Иванович Суриков. Родился Василий Иванович в Красноярске в 1847 году, а рос в казачьей станице Бузимово, что в пятидесяти километрах от Красноярска. Там, как он рассказывал, «страна была неведомая, степь немереная. Ведь в Красноярске никто до железной дороги не знал, что было за горами... А там пятьсот верст лесу, до самой китайской границы, и медведей полно. Там до пятидесятых годов девятнадцатого столетия всего было полно! Реки — рыбой, леса — дичью, земля — золотом. Рыбы какие были! Осетры да стерляди в сажень. Помню, их привезут, так в дверях, прямо как солдаты, стоят».

Вот в этой дикой, суровой природе, среди вольных людей с бунтарской душой и рос казачонок Вася Суриков, страстно любивший свою дремучую тайгу, свои бескрайние степи, по которым он с шести лет умел скакать на большеголовой степной лошадке.

«Помню, мне раз кушак новый подарили и шубку,— рассказывал Суриков своему другу писателю Максимилиану Волошину,— отъехал я, а конь все назад заворачивает, я его изо всех сил тяну. А была наледь. Конь поскользнулся и вместе со мной упал. Я прямо в воду. Мокрая вся шубка новая стала. Стыдно было домой возвращаться. Я к казакам пошел, там меня обсушили. А то я раз на лошади через забор скакал, конь копытом забор и задень! Я — через голову и прямо на ноги встал, к нему лицом. Вот он удивился, думаю!..»

Рисовать Вася начал рано — с шести лет.

«Еще помню,— рассказывал он,— совсем маленьким был, на стульях сафьяновых рисовал, пачкал их! Комнаты были у нас большие, низкие. Мне самому фигуры казались громадными. Я потому всегда старался или горизонт низко поместить или фону сделать поменьше, чтобы фигуры больше казались. Главное, я красоту любил. Во всем красоту! В лица еще с детства вглядывался — как глаза расставлены, как черты лица составляются. Мне шесть лет, помню, было, я Петра Великого с черной

гравюры срисовал. А краски — от себя: мундир — синькой, а отвороты красным — брусникой!»

Восьми лет отдали Васю в Красноярское приходское училище. (Приходскими назывались школы, основанные на средства богатых церковных приходов.) Оттуда мальчик домой в Бузимово только на праздники приезжал. Два года проучился Вася и перешел в уездное училище. Там уже начал серьезно заниматься рисованием. Первым учителем был у него Николай Васильевич Гребнев, который очень привязался к мальчику, угадывая в нем талант.

Гребнев вложил в него все свои незатейливые знания, водил его за Красноярск на Часовенную гору и заставлял акварелью рисовать с холма город, раскинувшийся внизу. Рассказывал Васе о картинах Брюллова, о том, как хорошо пишет воду Айвазовский, как он знает формы облаков и как «умеет разлить в картине благоухающий воздух». Заставлял Гребнев своего ученика срисовывать гравюры и рисунки Рафаэля и Тициана, великих итальянских художников эпохи Возрождения. Было тогда Васе одиннадцать лет.

«Помню я,— рассказывал потом Суриков,— как рисовал. Не выходило все. Я даже плакать начинал, а сестра Катя меня утешала: «Ничего! Выйдет еще!» И я снова начинал, и ведь выходило!..»

Окончив уездное училище, Суриков поступил было в Красноярскую гимназию, но учиться пришлось недолго. Умер отец, средств не стало. Мать с двумя младшими детьми — дочерью Катей и сыном Сашей — переехала из Бузимова в Красноярск и поселилась в родовом суриковском доме, на Благовещенской улице. Теперь там находится Музей имени Василия Ивановича Сурикова. Васе пришлось поступить в канцелярию губернского управления писцом. И началась долгая однообразная жизнь канцелярского чиновника. Но все же рисовать Вася не бросил, втайне мечтая, что когда-нибудь он посвятит этому всю свою жизнь.

Однажды, переписывая документ, он нарисовал на полях муху, да так живо и верно, что начальник канцелярии Замятин пытался смахнуть муху с полей, принимая ее за живую. Замятин заинтересовался проделкой, вызвал писца Сурикова, познакомился с ним и пригласил его давать уроки рисования своей дочери.

Вот этот самый Замятин позднее выхлопотал Сурикову разрешение учиться в Академии художеств в Петербурге. Но, разрешив молодому художнику учиться, министерство отказало ему в какой-либо материальной помощи, и, не имея денег на поездку, Василий Иванович еще долго оставался в Красноярске и переписывал бумаги.

Один из крупных золотопромышленников Красноярска, некий Кузнецов, заинтересовался судьбой молодого Сурикова. Он взял на себя все расходы на поездку Василия Ивановича в Петербург и даже назначил ему из своих средств стипендию на прожитие, пока Суриков будет учиться в академии.

19 февраля 1869 года приехал Суриков в Петербург и поселился на Владимирском проспекте, в гостинице «Родина». Исполнился ему тогда двадцать один год. Но в академию он попал не сразу: провалился на экзамене по рисованию гипсовых статуй. Пришлось целое лето ходить в школу рисования, упорно и серьезно готовиться к осеннему экзамену. Осенью Василий Иванович сдал экзамен и был принят в академию.

Любимым профессором Сурикова был Павел Иванович Чистяков. У него учились тогда многие талантливые живописцы. Чистяков любил беседовать с учениками об искусстве, помогал им и всегда был окружен вниманием и любовью студентов. Он учил их правильно угадывать соотношение цветов в живописи и требовал от них, чтобы они, учась у великих мастеров, все же всегда обращались к природе и натуре, ища своих собственных путей и в самих себе находя опору.

Он учил молодых художников задавать себе задачи и решать их, а не рисовать бездумно, что перед глазами. Он заставлял их думать. «Рисовать — это значит соображать»,— говорил Чистяков.

Василий Иванович любил Чистякова и на всю жизнь сохранил с ним самые тесные, дружеские отношения.

В 1874 году Суриков окончил академию с золотой медалью. Но сырой климат Петербурга плохо действовал на легкие Василия Ивановича, и пришлось ему поехать в минусинские степи, на лечение кумысом. В Сибири Суриков выздоровел, окреп и снова уехал, но уже не в Петербург, а в Москву.

Москва с ее старыми площадями и памятниками, с древними стенами Кремля и монастырей сразу понравилась Василию Ивановичу. Особенно поразил его храм Василия Блаженного своими неповторимыми формами и причудливой расцветкой, а со стенами Кремля он просто разговаривал.

«Стены я допрашивал, а не книги»,— говорил он.

Стены и памятники были для него живыми свидетелями тех исторических событий, той народной трагедии, которую задумал отразить Василий Иванович. А задумал он большую картину «Утро стрелецкой казни».

Три года работал Суриков над этой картиной, детально изучая покрой одежды, форму обуви, цвета и рисунки тканей петровского времени.

Он выискивал на рынках Москвы телеги с расписными задками, узорные дуги, зарисовывал колеса. Ему нравилось, что сквозь подмосковную грязь, облепившую колесо крестьянской телеги, блестит синеватым отливом железный обод. Он видел в этом подлинность и даже красоту жизни и старался воспроизвести ее, ничего не упуская.

«МЕНШИКОВ В БЕРЕЗОВЕ». В. Суриков.

Деталь картины.
«МЕНШИКОВ В БЕРЕЗОВЕ».

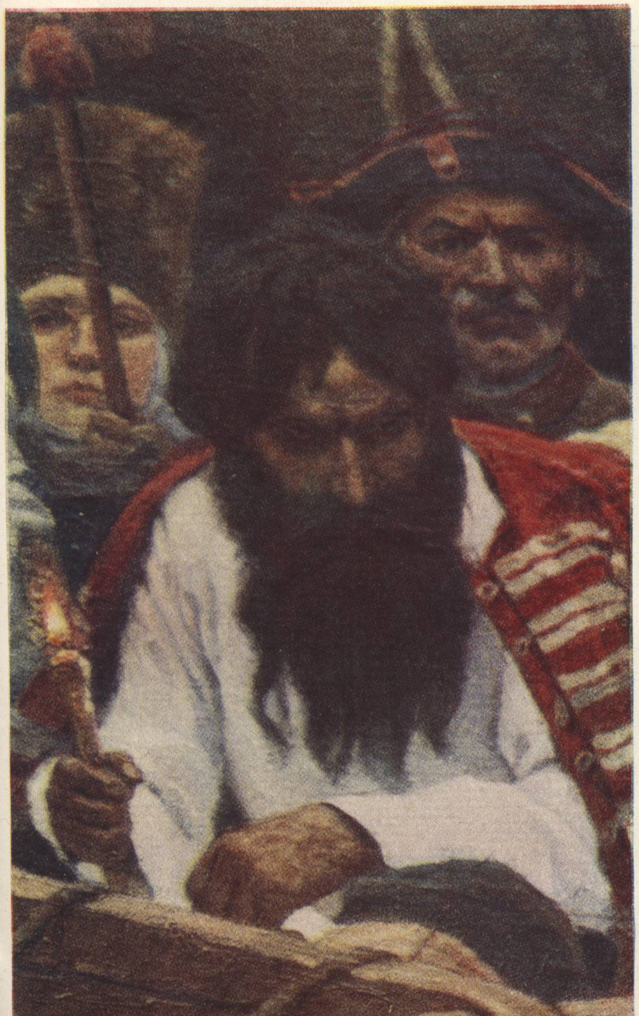
«УТРО СТРЕЛЕЦКОЙ КАЗНИ». В. Суриков.

Деталь картины.

Детали картины
«УТРО СТРЕЛЕЦКОЙ КАЗНИ».

«ПЕРЕХОД СУВОРОВА ЧЕРЕЗ АЛЬПЫ». В. Суриков.

Он искал мужчин и женщин, которые своим обликом напоминали бы стрельцов и стрельчих. Так создавалась эта картина, воплотившая народную трагедию в эпоху столкновения двух миров.

Старый мир стрелецких слобод, мир людей, не принимавших никаких новшеств, боявшихся и презиравших иностранцев, противостоял новому миру, рушившему вековые устои,— тому миру, который был создан молодым, горячим и порою жестоким в своей решимости царем Петром.

Суриков изображает в картине не самую казнь, а приготовление к ней. Но это ожидание смерти, пожалуй, гораздо тяжелее, чем сама смерть. Стрельцы каждый по-своему встречают свой смертный час: одни — в отчаянии и страхе, другие — отупев от страдания, третьи принимают ее как неизбежность: истово, по русскому обычаю, прощаются со своими близкими и со всем народом. А рыжий стрелец слева смотрит на Петра с ненавистью. Он даже шапки не скинул перед царем. И столько в нем несломленной бунтарской силы, что и смерть ему не страшна! Он крепко связан. Видно, нелегко было его взять! Свечка в притиснутой к груди руке стрельца горит ярко, как ненависть его к царю.

А царь Петр перед фронтом выстроенных солдат сидит верхом на своем коне, наблюдая, и конь сторожко прядет ушами. Во всей фигуре Петра—твердое сознание своей правоты. Возле него толпятся иностранные послы, которые глядят на приготовления к казни с равнодушным любопытством. Ничего, пусть поглядят! Пусть узнает Европа, куда он, Петр, ведет свою державу, как расправляется с теми, кто мешает ее стремлению вперед!

Вот уже повели первого стрельца, кафтан его разметан в грязи, свеча погасла, оброненная в осеннюю грязь. Солдаты подхватили его под руки: сам к месту казни не дойдет он. Толпа гудит, стрельчихи голосят и причитают, дети плачут, но все это не остановит хода событий.

В свое время некоторые критики упрекали Сурикова за то, что он слишком беспристрастно изображает действительность; трудно понять точку зрения художника: жалеет ли он стрельцов или же все симпатии его на стороне Петра? Но это несправедливый упрек. «Утро стрелецкой казни» — картина, раскрывающая историческую эпоху. Она говорит нам о столкновении старого с новым, о судьбах народа в трудный, переломный момент. Можно жалеть стрельцов и все же быть на стороне Петра, на стороне движения вперед.

Вторая большая работа Сурикова — «Меншиков в Березове». Мысль написать эту картину родилась в дождливое, холодное лето. Василий Иванович к тому времени уже был женат. С женой и двумя маленькими дочками поехал он на лето под Москву, в деревню Перерву. Что-то гнетущее и тоскливое было в сумрачной, маленькой комнатушке, которую они сняли в крестьянской избе. А тут еще ненастье, никуда не выйдешь. И вот представил себе Василий Иванович небритого, растрепанного человека в тулупе, могущественного вельможу в опале, в полном бездействии размышляющего о превратностях судьбы. Меншиков — главная фигура картины. Равнодушное оцепенение сына, машинально перебирающего завитки подсвечника, грустные глаза старшей дочки, сидящей у ног отца, пышные складки богатого платья младшей дочери, читающей от нечего делать евангелие у стола, и украшенная богатым перстнем рука некогда всемогущего Меншикова, в бессильной ярости сжатая в кулак,— все это великолепно передает трагедию опальной семьи. Они выброшены из жизни, но физическое их существование продолжается. У всех четверых жажда прежнего и нежелание примириться с тем, что вокруг. А вокруг закопченные, неприветливые стены сруба, обледенелое слюдяное оконце, за которым бушует сибирская вьюга, и неизбежность, «судьба», которая для этих людей, веровавших в бога, олицетворялась в мерцающем огоньке лампады да в суровых, темных ликах икон.

Повседневная жизнь Василия Ивановича Сурикова была в постоянном труде. Даже если он не работал над какой-нибудь большой картиной, он все время рисовал, писал красками с натуры городские мотивы, типы людей, пейзажи. Он очень часто наблюдал людей на улице. Придет домой и сейчас же зарисует увиденное: группы прохожих, их выразительные позы, движения, жесты. «Ведь этого никогда не выдумаешь!» — говорил он.

В 1884 году Василий Иванович путешествовал с семьей по Европе. Ему нравилось бродить по картинным галереям Рима, Венеции и Флоренции. Он бесконечно восхищался живописью великих художников прошлого: Веронезе, Веласкеса, Тициана, Тинторетто, Рафаэля. Он многому учился у них и, возвращаясь домой, в Россию, с новой страстью отдавал свои силы и знания родному русскому народу, его жизни и его истории.

Картину «Боярыня Морозова» Суриков задумал еще в 1881 году, но закончил ее только в 1887-м. Сюжет этой картины построен на событиях, происходивших в царствование Алексея Михайловича. Она показывает один из эпизодов борьбы сторонников патриарха Никона с раскольниками. Ярой противницей никонианства, защитницей «старой веры» была знатная боярыня Евдокия Морозова и ее сестра, княгиня Урусова. Обе подверглись жестоким преследованиям, пыткам, наказанию плетьми. Сосланные в Боровск, они умерли от тяжелых лишений, но не изменили своим убеждениям. Но за этой личной трагедией боярыни Морозовой стоит историческое движение в народе против существующего социального строя.

Действующие лица в картине распадаются на

две группы: одна — сочувствующая боярыне, раскольнице и бунтарке; другая — враждебная ей: бояре и попы-никонианцы, торжествующие победу. Ведь ослушница закована в кандалы, ее везут на допрос и на волю уже не выпустят!

Очень сильно и верно передано в картине ощущение движения. Кажется, слышишь скрип полозьев от уходящих вглубь розвальней, за которыми в рыхлом снегу остается глубокий след. Василий Иванович любил русские дровни. Он говорил: «В дровнях-

Боярыня Морозова.
Деталь картины.

то какая красота! В копылках, в вязах, в саноотводах. А в изгибах полозьев, как они колышутся и блестят, словно кованые. Я, бывало, мальчиком еще, переверну санки и рассматриваю, как это полозья блестят, какие изгибы у них. Ведь русские сани воспеть нужно!» И он воспел их в «Боярыне Морозовой». Замечательно выражено художником чувство живой природы: влажный зимний воздух, снег на крышах теремов, пар от дыхания. А люди! Каждый персонаж картины был выискан отдельно и нашел себе место в общей композиции.

Василий Иванович всегда искал образы для своих картин в живой толпе. И потому все лица характерны и выразительны. Очень долго не мог он найти боярыню. Он так говорил: «Сколько времени я это лицо искал! Все мелко было, в толпе терялось, я ведь толпу-то раньше написал, а ее после». Наконец на староверском кладбище нашлась одна приехавшая с Урала начетчица. Начетчицы читали молитвы по заказу молящихся. Вот она-то и подошла художнику для боярыни. За два часа Василий Иванович написал с нее этюд, и, «как вставил в картину — она всех победила».

Через год после окончания «Боярыни Морозовой» Сурикова постигло большое горе: умерла его жена, Елизавета Августовна. Казалось, все кончилось для него с этой потерей. Он впал в такое безнадежное отчаяние, что и работу совсем забросил: каждый день ходил на Ваганьковское кладбище и сидел у могилы, заливаясь слезами.

Только поездка в Сибирь, на родину, исцелила его и вернула ему творческие силы. В 1891 году Суриков пишет в Красноярске полную задора, жизнерадостную картину «Взятие снежного городка». Эту народную масленичную игру, существовавшую в Сибири со времен Ермака, видел Василий Иванович много раз и в юности сам принимал в ней участие. Опять начались поиски подходящих лиц, зарисовки зимней природы. Приходилось не раз строить снежную крепость во дворе красноярского дома, и какой-нибудь старожил-казак разрушал ее, наезжая на снежные глыбы верхом на мчащемся коне.

В картине этой вся русская удаль и молодечество. В центре всадник. Конь под ним рассекает снежный вал. Конь боится, храпит. А кругом мальчишки и взрослые люди, охочие до всякого зрелища, до всякой молодецкой игры. Они хлещут коня хворостинами и улюлюкают, кто подгоняя, кто отпугивая.

Чуден снежный пейзаж с весенними далями и с таким чистым воздухом, что кажется, слышишь и звонкие голоса, и смех, и резкий посвист, и гиканье казаков, и храп лошадей.

Вслед за «Взятием снежного городка», находившись по сибирской земле, надышавшись таежным воздухом, начал Суриков одну из самых крупных своих работ — «Покорение Сибири Ермаком». Этой картине отдал Василий Иванович огромные творческие силы.

Он разъезжал по Сибири, жил среди минусинских татар, остяков, изучал природу, рисовал множество эскизов на Иртыше, в Тобольске, жил в казачьих станицах. Потом поехал на Дон, изучал казачье оружие, одежду, искал типичные лица. Затем снова Сибирь, Иртыш, лодки, снова Тобольск, разговоры с сибиряками, казачьи легенды, поездки на лошадях в татарские селения и снова эпизоды, наброски, эскизы...

И вот к 1895 году картина была закончена. Писал ее Василий Иванович в Москве. По величине задуманного полотна пришлось снять ему под

Суворов.

Эскиз к картине.

мастерскую один из залов Исторического музея, которые тогда пустовали.

«Ермак», как и «Взятие снежного городка», находится сейчас в Русском музее в Ленинграде, где висит еще одно очень интересное полотно Сурикова — «Переход Суворова через Альпы».

Эту вещь написал Василий Иванович в 1899 году, и для работы над ней пришлось ему попутешествовать по Швейцарии в поисках горного пейзажа. В Москву он привез много этюдов и зарисовок с горными склонами и снежными обрывами. Теперь уже надо было изучать одежду и типы солдат восемнадцатого века, надо было проникнуться героизмом суворовских «чудо-богатырей». Надо было воссоздать и образ «самого полководца» со всем его обаянием, с его юношеской горячностью и непоколебимой верой в простого русского человека. Очень интересно отметить, что вся картина скомпонована на большом холсте в «высоту», а не в «ширину». И не случайно! Это как раз дает возможность показать страшную кручу, которую преодолевают суворовские солдаты. Они катятся сплошной лавиной вместе с пушками, и лица их написаны необыкновенно выразительно: с одной стороны под ногами пропасть, и солдаты глядят туда с нескрываемым ужасом, с другой стороны — на коне любимый полководец Суворов, который делит с ними все трудности и лишения солдатской жизни. Ему нельзя не верить, и они отвечают на каждый его призыв готовностью служить Родине.

Об этом ясно говорит лицо молодого солдата, который с восхищением и радостью смотрит на полководца, тогда как тело его неудержимо катится в пропасть. А вокруг — облака, серо-синие скалистые уступы и Чертов провал. Это — блестящее разрешение темы патриотического подъема во славу русского оружия.

Кроме этих больших работ, Суриков написал множество портретов, пейзажей сибирских и крымских. Много акварелей было нарисовано в Испании, Италии, Франции. Они находятся в Третьяковской галерее, в Русском музее в Ленинграде и в музеях многих других городов Советского Союза.

Основное в творчестве Василия Ивановича Сурикова — умение угадывать дух минувшего времени. Он передавал этот дух не через бутафорский костюм, надетый на натурщика; он искал и находил живые лица людей, сходных характером с теми, кого он хотел изобразить.

Сурикова всегда влекли образы смелых, могучих духом людей. Человеческая свобода, независимость характеров, бунтарская сила, воплощенные в его живописи, были вызовом против рабской покорности царскому строю. Вот почему государственные императорские музеи не приобрели ни одной из первых крупных картин Сурикова. Они были куплены владельцем частного собрания Третьяковым. «Утро стрелецкой казни», «Меншиков в Березове» и «Боярыня Морозова» до сих пор являются гордостью Третьяковской галереи.

Молодой солдат.
Деталь картины «Переход Суворова через Альпы».

Кто получит такой значок?

Оля Мазурова, пионерка шестого класса «Г» московской школы № 200, старается получить значок пионера второй ступени. Она убирает пионерскую комнату, ухаживает за цыплятами.

Летом Оля вместе с отрядом побывала на ферме в деревне Каменка и познакомилась с лучшей дояркой Феклой Ивановной Калининой. Каждый пионер второй ступени должен знать передовиков производства своего района.

Оля любит играть с малышами, занимается спортом. Требование ступеньки — прыгнуть в длину на 2 метра 60 сантиметров — она уже выполнила.

Да, многое надо уметь тому, кто борется за значок второй ступени!

ЭЛЕКТРОВОЗ-БОГАТЫРЬ

Трудно найти человека, который не ездил бы на поезде. Но, наверно, никто из вас, ребята, не путешествовал в кабине машиниста электровоза.

Представьте себе, что у нас есть разрешение на поездку. И вот мы поднимаемся по ступенькам вертикальной стальной лесенки.

В кабине машиниста просторно и светло. Стены отделаны кремовой пластмассой с красивым тиснением. На полу узорчатый линолеум, мягко поблескивает над головой белый потолок.

В передней части кабины стоят мягкие кожаные кресла для машиниста и его помощника. На задней стенке — шкаф для хранения верхней одежды: в кабине тепло даже в лютый мороз. Рядом со шкафом дверь. Не пытайтесь ее открыть: она наглухо заперта.

— Ее пантограф запер,— говорит машинист.

Пантограф — это рамка на пружинах, укрепленная на крыше электровоза. Верхняя перекладина ее скользит по проводу, подвешенному над поездом, и передает ток моторам. Когда машинист нажимает кнопку, чтобы поднять пантограф к проводу, дверь автоматически запирается. За этой дверью находятся высоковольтные камеры, туда через пантограф поступает ток из проводов. Пантограф сам охраняет машиниста от опасности.

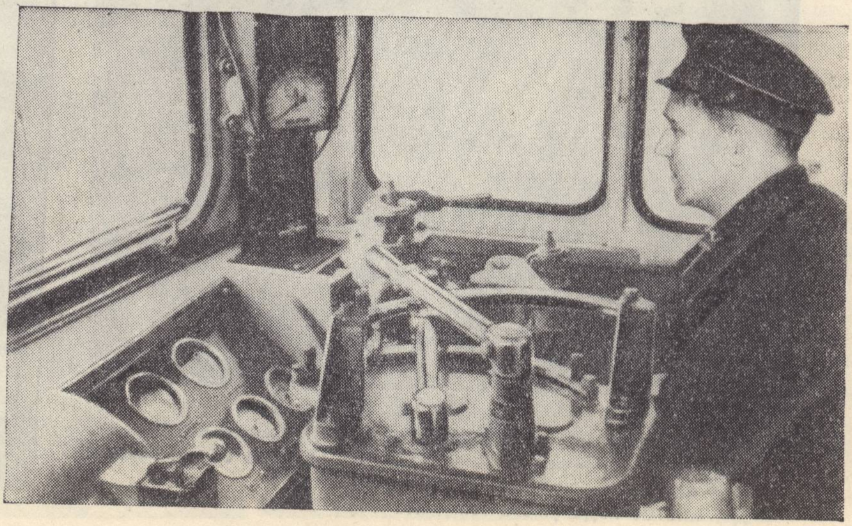
Привычным движением машинист включает вентилятор для охлаждения моторов и мощный насос-компрессор, подающий сжатый воздух в баллоны. Этот воздух нужен для тормозов и для сигнала.

Впереди вспыхивает зеленый огонь семафора.

Пора в путь. Водитель ставит небольшую рукоятку в положение «вперед». Легким толчком руки он поворачивает ручку регулятора скорости на первое деление, и поезд почти в километр длиной и весом в четыре тысячи тонн трогается с места. Машинист все дальше переводит рукоятку. Ток, поступающий в моторы, усиливается, шестнадцать колес электровоза вращаются все быстрее и быстрее. Вскоре поезд уже мчится со скоростью девяносто километров в час.

Электровозов у нас тысячи. И мы будем строить еще, потому что в эту семилетку будет электрифицировано много тысяч километров железных дорог. Электровозы-богатыри поведут тяжело груженные поезда и по новостройке семилетки — по самой большой в мире электрической дороге — от Москвы до Тихого океана.

Ю. Моралевич

Слесаренок

Борис ВОЛОДИН

Рисунки В. Высоцкого.

Юрий Антонов Женьку Бороздина по школе не помнит. А Женька помнит, как Юрий на школьных вечерах выступал, как читал Пушкина и какой он был замечательный вратарь в футбольной команде школы.

Юрий окончил десятый класс три года назад, а Женька — четыре месяца. И после школы пошел работать в цех блюминга, в котором работал и Юрий, но в цехе Юрий его тоже не примечал. Женьку взяли слесарем в ремонтную бригаду. Он чинил и налаживал разные механизмы по всему зданию, огромному, как вокзал. А Юрий уже учился на оператора. Его рабочее место было на главном посту — в большой кабине, стоящей на стальных опорах под самым потолком цеха. Оттуда управляют блюмингом.

Кроме того, первые месяцы они редко оказывались в одной смене. Женьке не было восемнадцати лет, и он всегда работал с утра. Но восемнадцать

все-таки исполнилось, и тогда Женьку назначили постоянно в смену «Б».

Как раз в эту неделю смена «Б» работала ночью, с двенадцати. В первый же вечер Женька подошел к Юрию на трамвайной остановке и сказал:

— Здорово, Антонов! На работу?

Юрий не узнал Женьку, но все-таки неудобно не ответить.

— На работу,— говорит.— А ты?

— И я. Я ж теперь в вашей смене «Б».

Они сели в один и тот же вагон, и всю дорогу Женька говорил без умолку о школе и об учителе физики Игоре Александровиче.

Игорь Александрович до войны был сталеваром, а учителем сделался после фронта. На уроках он всегда говорил: «Человеку даны руки. Они должны быть умными и умелыми. Умелые руки все создают: и сталь, и хлеб, и дома. Лучшая должность на свете — рабочий!»

Он при этом поднимал и показывал свою левую ладонь, большую, сильную, ловкую. Правая у него была в черной перчатке и не поднималась.

В общем, Юрий понял, откуда знает его этот худенький парнишка в яркой аккуратненькой ковбоечке под новеньким комбинезоном, такой, как на пятилетних надевают в праздник. А парнишка вдруг покраснел и стал осторожно выспрашивать, как Юрию работается оператором.

Юрий считал, что жизнь у него, в общем, не очень удачная. После десятого класса сначала поступал в театральное училище. Когда он читал стихи на школьных вечерах, ему даже кричали «бис». А в театральном сказали: «Фигура у вас спортивная, внешность хорошая, голос приятный. Только таланта нет». В училище не приняли. В других институтах уже шли экзамены. А на будущий год обещали еще более трудный конкурс. Так никуда Юрий и не попал.

Отец устроил Юрия нормировщиком-хронометражистом в заводоуправление, в отдел труда и зарплаты. Он сказал: «Ты не для того учился десять лет, чтобы копаться в машинном масле».

Дело было нехитрое: отмечать время, которое рабочий затрачивает на каждую операцию. Это нужно, чтобы определять норму выработки.

На заводе работали ребята, с которыми он учился: ремонтировали электромоторы, строили новую домну. А Юрий ходил с секундомером. Он не один так работал. Черненькая Зина и веснушчатая Алла тоже были хронометражистками.

Как-то они втроем встретили учителя физики. Игорь Александрович шутил над девчатами: не путаются ли они в пересчете часов на секунды? А когда Зина и Алла ушли, сурово спросил: «Ну как, на девчачьей работе не перестал себя уважать?»

Юрий бывал в разных цехах. Цех блюминга поражал его. Под сводчатым стеклянным потолком клубился дым от паровозов. Они заталкивали в цех платформы, груженные слитками стали, каждый как телефонная будка величиной. Краны сжимали клещами слитки, опускали в особые колодцы, где газовое пламя раскаляло металл добела. От колодцев по транспортеру жаркие стальные глыбы плыли к блюмингу. Он высился до третьего этажа и, грохоча, вращал свои тридцатитонные сверкающие валы. Слитки проходили между валами вперед и назад несколько раз. Тридцатитонная тяжесть сдавливала их, плющила и в течение какой-нибудь минуты заставляла вытягиваться в длинные огненные полосы.

Все эти паровозы, краны, газовые печи работали, готовя сталь для блюминга — машины, которая с огромной быстротой хватала и обрабатывала одну раскаленную болванку за другой.

А управляли блюмингом два обыкновеннейших человека. В кабине главного поста они быстро передвигали рычаги. Валы и гигантские стальные пластины, сдвигавшие слиток влево и вправо, были как бы продолжением их рук. Эти двое вместе могли придать стали любую форму, сделать заготовку с сечением, точным до миллиметра: полосу, из которой в другом цехе изготовят рельсы, или заготовку для стальной балки, или широкую плоскую болванку, какие потом раскатывают на стальной лист.

Заходя на главный пост, Юрий краснел от стыда. Если секунды считает Зина, это в порядке вещей. Но у него на ладони секундомер лежал, как бездельник, а операторы мяли машиной неподатливую сталь.

Он попросился в операторы. Начальник цеха сказал:

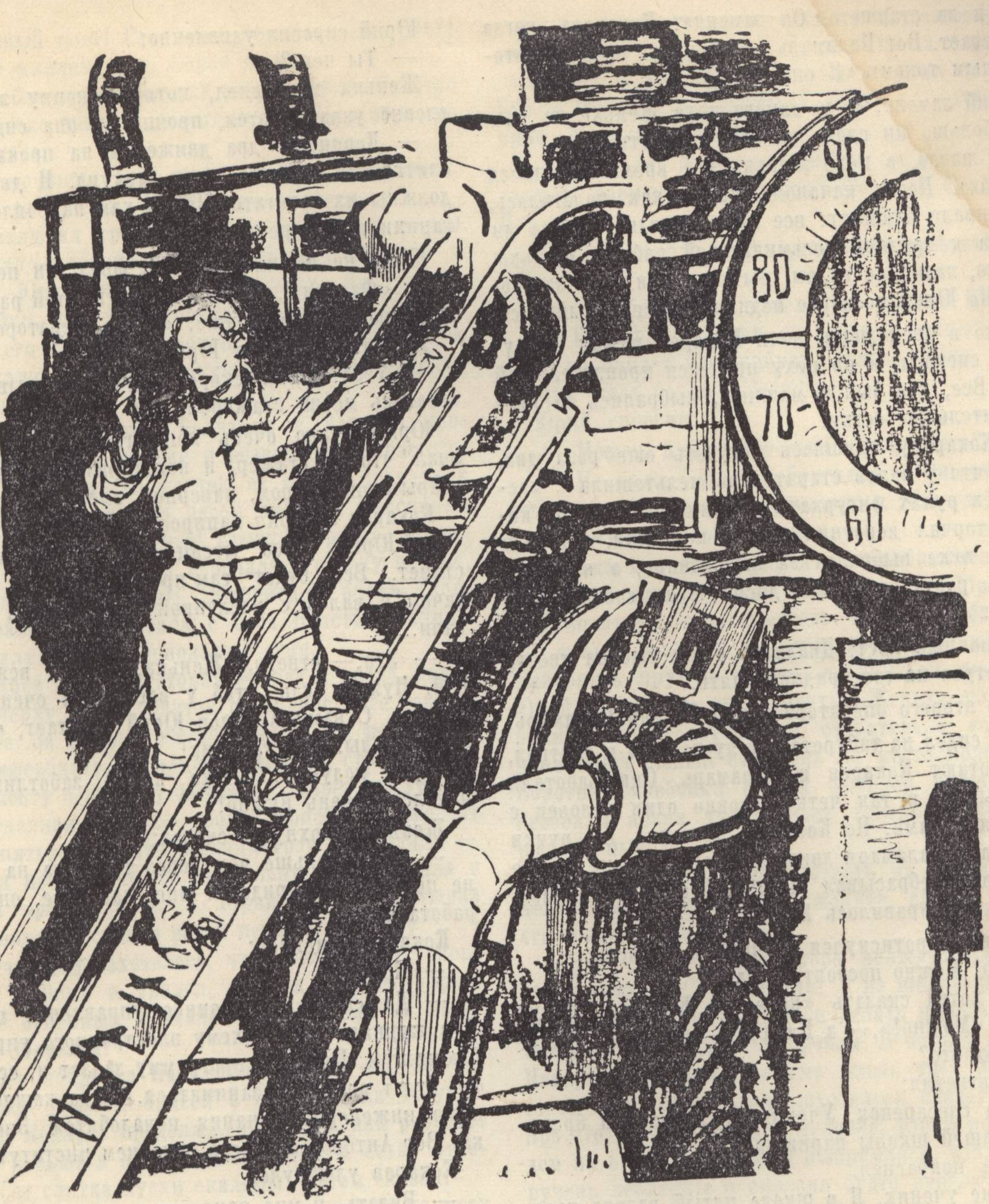
— Во-первых, требуется специальная подготовка. Но по одним книжкам металлургом не станешь. Ты пока что умеешь только считать чужие секунды. Нужно знать механизмы и чувствовать металл. Нужно поработать. Ясно?

Месяц еще он колебался и считал чужие секунды, а потом пошел в ученики слесаря. Год работал в ремонтной бригаде и полтора — рабочим на нагревательных колодцах. Наконец его взяли на главный пост. Еще и потому, что закончил два курса в вечернем техникуме...

Когда в трамвае Женька расспрашивал про операторскую работу, Юрий отвечал небрежно:

— Ничего особенного... Обычная работа.

Я — вторым оператором. Старший в смене — Кокарев. Слышал? Тихий такой, лысоватый...

Конечно, про Кокарева Женька слышал. Даже знал в лицо. Про него писали в газете «За металл». И когда Кокарев приходил в гости к сестре, жившей на Женькиной улице, мальчишки влюбленно смотрели ему в спину, будто прошел игрок олимпийской сборной.

— Ну вот,— важно цедил Юрий,— я рычагами слиток направляю, а Кокарев регулирует работу валов...

Женька слушал молча и только все старался загородить собою Юрия, чтобы не толкнули его пассажиры — соседи в переполненном дребезжащем вагоне. Женька смотрел в окно, за которым, вздрагивая, неслись по мостовой световые квадраты. И Юрий вдруг понял, что Женька сейчас старается представить себе, как он будет сам сидеть на операторском кресле главного поста и двигать рычаги.

Юрий разозлился на себя: он не должен был говорить с парнишкой, будто заправский старый металлург, такой, как сталевары и прокатчики, ехавшие вместе с ними в ночном трамвае! Не нужно было говорить: «Я — вторым оператором»,— надо было сказать: «Я еще стажер». И тогда только объяснять, что и как. Он еще не все умеет. Он не научился еще прокатывать заготовки для стального листа. Их называют слябами. Когда делают слябы, на место Юрия садится подменный оператор Родион Паламарь. Паламарь может работать и за второго опера-

тора и за старшего. Он заменяет Кокарева, когда тот устает. Вот Паламарь имеет право сказать авторитетным тоном: «Я оператор!».

Юрий замолк, и до самого цеха Женьке не удалось больше ни слова из него выудить.

Как назло, в цехе Женька все время попадался на глаза. Перед началом смены, как полагалось, осматривали блюминг: все ли в порядке, готова ли машина к трудной восьмичасовой работе. Женька, конечно, лазил по валам, пытался при этом заговорить. Но Юрий поскорее поднялся на главный пост.

Ровно в двенадцать ночи Кокарев нажал на рукоятку сигнала, и по цеху пронесся пронзительный гудок. Все, кто был у машины, выбрались за предохранительные сетки.

Но Кокареву пришлось погудеть еще раза два, потому что у валов старательно мельтешила с масленкой в руках фигурка в комбинезоне, из-под которого торчал воротник яркой ковбойки. Наконец Женька тоже выбрался за ограждение, а в репродукторе раздался голос диспетчера, сообщавшего задание:

— Главный пост! Двадцать сляб: тысяча двести миллиметров на сто тридцать пять.

Место второго оператора занял Родион Паламарь.

Юрий сидел на табурете в углу кабины и смотрел, как работают Кокарев и Паламарь. Они работали очень быстро и так четко, словно один человек с четырьмя руками. Но Кокарев нажимал на ручки плавно, а у Паламаря движения были резкие. Он не двигал, а перебрасывал рычаги. Это было красиво, по-мужски и нравилось Юрию.

В кабину протиснулся Женька и спросил:

— Юр! Можно постоять у вас?

Юрий хотел сказать «нет», но Кокарев кивнул головой: «Можно!»,— а Паламарь спросил:

— Кто это?

Юрий ответил:

— Это слесаренок. Ученик из ремонтной бригады. Из нашей школы парнишка.

Женька покраснел.

— Я не ученик. Я в школе пятый разряд получил. Мы в механическом практику проходили. Скоро на шестой сдавать буду.

Кокарев сказал:

— Молодец!

А Женька:

— Я оператором мечтаю...

Но ему никто не ответил. В эту минуту Паламарь переворачивал слябу. Все молчали. Только слышно было, как блюминг грохочет и щелкают в кабине рычаги. Кокарев крикнул:

— Не дергай ты сразу! Спокойнее!

Паламарь тогда мягко нажал на рычаг, подцепил, а потом резким движением перевернул болванку.

Женька смотрел, шевеля губами, потом сказал:

— Девяносто два...

Юрий спросил удивленно:

— Ты чего?

Женька покраснел, потянул кепку за козырек, словно узнать хотел, прочно ли она сидит.

— Девяносто два движения на прокатке одного слитка. За минуту десять секунд. И два человека должны их сочетать. Прямо как на рояле этюд Паганини в четыре руки.

Юрий не любил красивых фраз. Он подумал про себя: «Фасонит... Паганини! На шестой разряд! Цеха не понюхал еще, а уже: «Хочу оператором!..»

Женька спросил у Юрия:

— Тебе слябы скоро дадут прокатывать? Тебе осталось месяц стажером, да?

Юрию стало очень неприятно. Значит, Женька знал, что он стажер, и когда разговаривал, как со старым оператором, наверное, смеялся в душе.

Кокарев закурил папиросу и сказал Женьке:

— Юрий через месяц совсем самостоятельным станет. Все будет сам прокатывать. А ты скажи, зачем у валов с масленкой бегал, когда все смазали...

— Это,— ответил Женька,— я на всякий случай. Нужно ведь, чтоб у вас смена очень хорошо прошла. С вами Антонов Юрий работает, он из нашей школы. Счастливчик!

Юрий подумал: «Тоже какой заботливый выискался! Очень нужно!»

Женька вздохнул и сказал:

— Если раньше чем через три года на блюминг не попасть, не придется мне, наверное, оператором работать, как вы.

Кокарев удивился:

— Почему?

— Да скоро электронное управление поставят. Я в журнале видел схему электронного управления блюмингом. Инженер программу задаст и, если нужно, будет ремонтом заниматься. Тогда каждому слесарю инженерные знания понадобятся. Электроника! Вот Антонов зря не в вечернем институте.

Кокарев улыбнулся:

— Видать, и мне придется в инженеры.— И, повернувшись к пульту, взялся за рычаги, потому что новый слиток наконец подали.

Женька вздохнул:

— Ты счастливчик, Антонов. Тебе всего месяц осталось до оператора...

— Ладно! — сердито сказал Юрий.

Женька раздражал его: «Во все нос суст».

— Ладно, хватит болтать!

Женька глянул искоса, сжал губы и вышел с главного поста.

Кокарев сказал, не оборачиваясь:

— Зря ты его так! Хороший он парень. Некрасиво!

Диспетчер сказал в репродукторе, чтобы прокатывали заготовки для рельсов.

— Главный пост! Сто пятьдесят пять на триста шестьдесят миллиметров. Сорок штук.

И на кресло второго оператора сел Юрий. Он стал быстро и резко двигать рычагами, как Паламарь, но Кокарев сказал:

— Не торопись. Тебе еще рано так торопиться. Спокойнее работаешь, быстрей получается...

Юрий включал транспортер, и пышущая жаром шеститонная болванка проплывала под кабиной к блюмингу. Юрий нажимал на рычаги. Две огромные линейки, как руки, обхватывали слиток и направляли его к самой широкой прорези на валах, к первому калибру. В эту секунду Кокарев опускал верхний вал.

Блюминг вздрагивал. Болванка с натугой протискивалась между валами и возвращалась расплющенная. Юрий двигал слиток от одной прорези к другой, выпускал из-под левой линейки массивные крючья, зацеплял стальную глыбу за ребро, ставил на дыбы. Она с грохотом ворочалась с боку на бок, зло шипела в струях воды, лившейся по валам, словно взрываясь, сбрасывала с себя пласты окалины и испускала языки зеленоватого огня.

А Кокарев гонял заготовку вперед и назад, давил на нее сверху валом. Слиток становился все тоньше и длиннее. За стеклом кабины, на стане, по гигантскому циферблату носились метровые стрелки, отмечая высоту и ширину заготовки. Через минуту готовая огненная полоса — ровно триста шестьдесят на сто пятьдесят пять миллиметров в сечении — выходила из машины на транспортер и уползала в соседний пролет цеха. А Юрий уже захватывал новый слиток и ставил его к первому калибру.

И сейчас ему захотелось, чтобы слесаренок снова зашел в кабину и увидел, как он здорово управляется с огненным металлом. Но Женька не появлялся... Обиделся!

Кокарев попросил Паламаря сменить его. Он помассировал руки и присел в сторонке на табурет. Отдыхая, Кокарев продолжал смотреть, как работает машина и бьются о предохранительную сетку отлетающие от слитка куски окалины. Потом сказал:

— Пятнадцать лет смотрю и все равно не могу глаз оторвать. Металл жгучий, злой, жесткий, а его все-таки лепим. Такую силищу чувствуешь!.. Я этого парнишку хорошо понимаю. Сам был такой...

В кабину вошел усатый бригадир ремонтников, что-то сказал Кокареву. Блюминг остановили. Спустились вниз.

Над электромотором, вращающим ролики транспортера, наклонились слесари. А Женька был в самом низу, он сидел на корточках и быстро откручивал гайку на станине. Из-за наклоненных спин раздавался его счастливый голос:

— Хожу. Смотрю. А его трясет. Не очень сильно, но все-таки. Ивана Федотыча позвал, он говорит: «Лопнула крепежная шпилька». И я так думал.

Он вывернул стержень с винтовой резьбой, которым станина мотора была закреплена на массивной, вделанной в пол плите, и гордо показал на излом. Кто-то попытался открутить гайку на другой станине. Женька закричал:

— Не надо! Мотор-то снимать не будем. Это ж столько времени уйдет. Иван Федотыч так решил. И я тоже.

Он взял сверло и стал расширять отверстие в металле.

Усатый бригадир, усмехаясь, сказал Кокареву:

— Если ремонта нет, он ходит и принюхивается, пока не найдет чего-нибудь. Углядел-таки, что вибрация была больше обычного.

Юрий спросил:

— Может, лучше все-таки мотор снять?

— Не надо,— сказал бригадир.— Он сейчас без этого обломок шпильки вытащит. Сам додумался! Рад этому до невозможности.

Женька кончил сверлить и стал вбивать в обломок винта граненый прут из твердой стали. Юрий подошел вплотную, стал смотреть. Женька работал ловко, только силенок недоставало. Юрий помог ему вывернуть прут и вместе с ним обломок. Когда Юрий взялся за инструменты, Женька убрал свои руки, а потом тотчас же, старательно сопя, стал ввинчивать новый стержень на место поломанного. Воротник ковбойки совсем выбился из-под комбинезона, и яркая ткань была теперь припорошена ржавой пылью.

Женька старался не смотреть на Юрия. Лицо у него было немного сконфуженное, словно не Юрий его обидел, а он Юрия.

Юрий смотрел, как скоро движутся Женькины руки, думал: «Счастливчик! Я из школы пришел — не знал, чем заняться, да и делать ничего не умел. Нас не учили, а Женьку учили. И цель у него есть. Наверное, не придется ему ждать трех лет, чтобы стать кем хочет». Ему захотелось сказать Женьке про это, но как-то было неловко. Юрий посидел рядом на корточках. Потом выпрямился, взялся за поручень лестницы и спросил будто невзначай:

— Слушай, слесаренок! У тебя дела много?

Женька не поднял головы.

— Мотор закрепим, и все. Больше ремонта не предвидится, если ты не поломаешь слитком линейку.

— Вот что,— сказал Юрий.— Ты приходи на главный пост. В пятом колодце слитки кончаются, а в других еще не догрелись. Приходи. Я Кокарева попрошу, он поучит тебя на холостом ходу.

Женька сперва ничего не ответил, будто не слышал. И только когда Юрий стал подниматься по железным ступенькам, он дернул за козырек свою кепчонку, глянул искоса и сказал:

— Ладно...

Переписка звеньевых

Выбрали пионера вожатым звена. Почетная обязанность! Почетная и хлопотливая. Много вопросов, много сомнений у звеньевых. Что сделать, чтобы в звене было интересно? Об этом спрашивала читателей журнала и Люда Замкова из города Исиль-Куль. Сто двенадцать звеньевых ответили Люде. Вот некоторые из этих писем.

Самое важное—общие дела

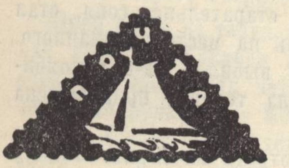
Чтобы опередить другие звенья отряда, надо много работать. Сейчас наше звено семиклассников организовало свой театр. Мы все вместе собираем коллекцию марок, прово-

дим с малышами занятия по физкультуре. Вначале звеньевому бывает трудно. Но не надо падать духом: дальше пойдет лучше.

Юра Бабков,
г. Рига, Стрелковая ул., дом № 9, кв. 4.

Команда нашего звена

Ты ведь знаешь, Люда, что все ребята любят заниматься спортом. Предложи им создать свою команду. У нас в звене есть несколько таких команд: по футболу, баскетболу и настольному теннису. Все ребята у нас играют в шахматы. Мы сделали модель яхты, она заняла на конкурсе первое место.

Вова Соколов,
Полевая почта № 10341.

«Бороться и искать...»

Сначала меня никто не слушал. Я оставляла ребят после уроков, читала им журналы, но оставались только девочки. Но вот прочитали мы в книге про дружбу. Несколько ребят сказали: «Давайте и мы бороться за дружбу». Все согласились. Мы решили заниматься спортом. После уроков мы остаемся и кидаем гранату, бегаем, прыгаем, играем в волейбол и баскетбол. После нескольких тренировок наше звено заняло первое место в отряде. Но на этом мы не остановились. Мы стали собирать металлолом и макулатуру и собрали больше всех. А когда звену приходится туго, все ребята повторяют: «Бороться и искать, найти и не сдаваться». Это из нашей любимой книги.

Майя Тарабрина,
г. Чарджоу, Октябрьская ул., дом № 12, кв. 7.

Наши ребята—дружный народ

Меня зовут Саша Носков. Я звеньевой второго звена седьмого отряда 383-й школы Ленинграда. Когда меня выбрали звеньевым этого звена, все плохо учились, а теперь все подтянулись. Сначала работать было трудно, но оказалось,

что мои ребята — дружный народ. В нашем звене есть кружок, в котором ребята выпиливают по дереву, и кукольный театр. Мы создали его совсем недавно и скоро будем показывать постановки для октябрят.

Саша Носков, г. Ленинград.

У восьмиклассников

Я работаю вожатой звена в 8-м классе. Мы работаем дружно: сажаем деревья, провели сбор отряда на производстве, переписываемся с пионерами Болгарии, ознакомились с Уставом ВЛКСМ. И вот уже четыре пионера из моего звена приняты в комсомол. Теперь комсомольцы во всем помогают нам, пионерам.

Люда Реут,

Кировоградская обл., г. Долинская, ул. Чапаева, дом № 61.

И Шура танцует!

Дорогая Люда! У нас тоже было очень скучно, но когда мы начали готовиться к сбору о дружбе народов нашей Родины, то ребята оживились. Когда мы остались после уроков, чтобы прорепетировать наши номера, то ребята вели себя хорошо, только Подошвилов Шура шумел, но потом перестал и хорошо станцевал украинский танец.

Лена Аветисян,

г. Ереван, ул. Глинки, дом № 12, кв. 26.

Письма на новостройку

Я думаю, что в вашей школе немало выпускников, которые сейчас работают на новостройках, целине. Неплохо завязать с ними переписку.

Виолетта Маталыгина,

г. Чебоксары.

Малышам—сказки

Попробуйте устроить вечер сказок для малышей детского сада или учеников младших классов. Для этого надо вместе с малышами сделать маскарадные костюмы. Все малыши приедут в маскарадных костюмах и будут узнавать знакомых героев сказок. Ваше звено может показать на вечере маленькую пьесу-сказку.

Валя Антонова,

Смоленская обл., Шумячский р-н, Микуличский с/с, село Русское.

А можно и так...

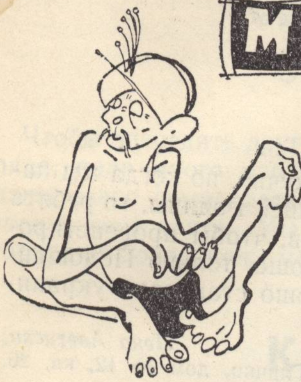

У нас в классе два звена, но мы работаем не звеньями, а всегда всем отрядом. И книгу читаем всем отрядом, и металлолом собираем, и новые танцы и пирамиды разучиваем тоже вместе, и в хоре вместе. И мы не стараемся, чтобы одно звено перегоняло другое, да, я думаю, это и ни к чему. Если будет весело в отряде, то и в звеньях будет тоже дружно и весело.

Люба Жидкова,

Калининская обл., Спировский р-н, поселок «Красное знамя».

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ВЕЛИКОГО МУДРЕЦА И ЕГО ПЯТИ УЧЕНИКОВ

Рисунки Б. Жутовского.

Как Великий Мудрец гребень потерял

В одной цейлонской деревне жил старик, считавший себя самым мудрым человеком на свете. Он уверил в этом и своих односельчан, которые называли его не иначе, как Великим Мудрецом. И уж кто-кто, а пятеро учеников Великого Мудреца не сомневались в том, что умнее его нет человека на свете. Они беспрекословно слушались своего учителя и делали только то, что он говорил им. А того, чего он им не говорил, они никогда не делали. В деревне пятерым ученикам дали прозвища: первого звали Лицо-как-Блин; второго — Красноножий, третьего — Барабан (он был такой же круглый и надутый), четвертого — Длинный-как-Пальма, а пятого — Тонкий-как-Прут.

Однажды Великий Мудрец решил, что пятерых учеников ему мало, и стал ждать, не придет ли кто из других деревень поучиться у него уму-разуму. Но так как никто больше не приходил, он собрал своих мальчиков и сказал им:

— Раз ученики не идут к нам, мы сами пойдем к ним. Собирайтесь в дорогу.

И они вышли из дому. Один ученик нес зонтик Великого Мудреца, другой — его сумку с дорожными припасами.

Учитель украсил голову затейливым гребнем, да по пути обронил его. Ученики видели, как гребень упал на землю, но спокойно прошли мимо. А когда Великий Мудрец хватился потери, они ответили:

— Учитель ничего не сказал нам, а сами мы не посмели поднять его гребень.

Великий Мудрец повернул обратно, а ученикам сказал:

— Знайте впредь, что если какая-нибудь вещь упадет на землю, ее надо поднять.

Ученики нашли гребень и принесли его учителю, а затем все они пошли дальше, и уж теперь ученики аккуратно подбирали все, что падало на землю.

Пройдя немного, Великий Мудрец присел на камень и сунул руку в свою дорожную сумку. Он любил жевать листья бетеля, ареки и лимона, которые повсюду носил с собой. Но на этот раз он не мог отыскать их в куче хлама, которым была набита сумка.

Рассердившись, он спросил учеников, как попал к нему этот мусор. Они ответили:

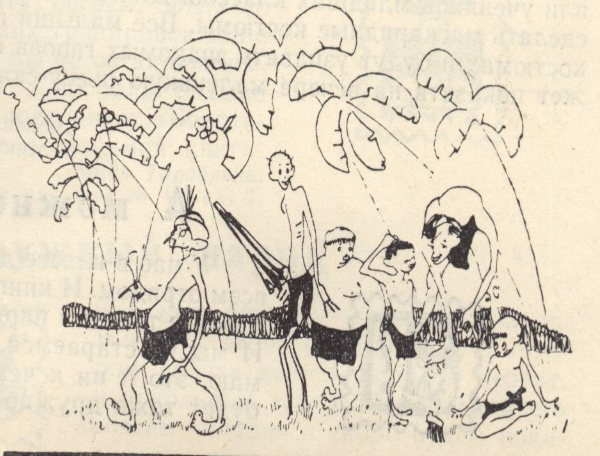
— Не велел ли нам Великий Мудрец подбирать все, что упадет на землю?

И Великий Мудрец преисполнился гордостью: вот какие у него послушные ученики!

Он взял полоску пальмового листа и иглой начертал на нем список предметов, которые следует подбирать в случае, если их уронят:

«1. Гребень
2. Сумка
3. Зонтик
4. Тросточка
5. Пиджак
6. Набедренная повязка».

Ученики добросовестно выучили этот список, а затем спрятали его в сумку.

Как Великий Мудрец едва не утонул

На следующее утро они продолжали путь. И вот перед ними река, через которую надо перебраться. Между тем все они страшно боятся воды.

Учитель сказал:

— Никогда не следует доверять ни речному песку, ни быстрому течению. Переправляться через реку надо очень осторожно. Пусть один из вас пойдет и посмотрит, не заснула ли река. Лучше всего переправляться через нее, когда она спит.

Стемнело, а потому Лицо-как-Блин зажег тростниковый факел и спустился с ним к реке. Только он сунул горящий факел в воду, как послышалось шипение, и мокрый тростник задымился. Лицо-как-Блин бросился назад и сообщил всем, что река еще не спит.

— Она зашипела, словно змея, когда я пощупал ее факелом, и пустила мне струю дыма в лицо,— сказал он.

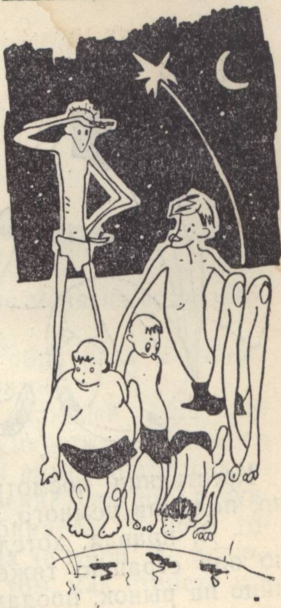
— Это то, чего я боялся,— заметил Великий Мудрец.— Нам лучше подождать немного. Река не спит и, верно, злится на нас за то, что Лицо-как-Блин чуть не поджег ее.

Когда взошла Луна, Лицо-как-Блин снова отправился к реке с факелом. Но теперь уже не было необходимости зажигать его: луна светила вовсю. На цыпочках спустился ученик к воде и осторожно сунул в нее незажженный факел. На этот раз река не зашипела, дыма тоже не было видно, и Лицо-как-Блин, обрадованный, побежал к друзьям.

— Река заснула, можно переправляться.

Когда все шестеро вброд переходили неглубокую реку, Великий Мудрец завяз в илистом дне. Его ученики уже перебрались на другой берег, а он никак не мог сдвинуться с места. С каждой минутой его засасывало все больше. Наконец он закричал в отчаянии:

— Почему вы не поможете мне выбраться отсюда?

И тут он увидел, что, стоя на берегу, ученики вновь и вновь перечитывают список предметов, которые следует поднять, если они упадут.

— О Великий Мудрец, тут не написано, что мы должны помочь тебе, когда ты будешь тонуть! — воскликнули они.

Тогда учитель попросил у них пальмовый лист и иглу и приписал: «Если ваш учитель завязнет в грязи, вытащите его».

Ученики прочитали написанное и помогли Великому Мудрецу выбраться на берег.

Про «лошадиное яйцо», из которого заяц вылупился

Учитель все не мог забыть, как он едва не утонул. «Куда безопаснее было бы ехать верхом на лошади! — думал он.— Да и не пристало Великому Мудрецу ходить пешком». Ученики согласились с этими доводами. Их высокочтимый учитель поедет по деревням на коне, а они будут следовать за ним.

И вот Великий Мудрец поручил самому сообразительному из учеников — Тонкому-как-Прут — найти подходящую лошадь, такую, что стоила бы пять аннов [1], ни больше ни меньше.

Но кого бы ни спросил мальчик, где купить лошадь за пять аннов, сердитый взгляд был ему ответом. Люди молча проходили мимо. Наконец один человек сказал ученику, что за такие деньги купишь разве яйцо, снесенное лошадью. Тонкий-как-Прут поспешил к Великому Мудрецу за советом.

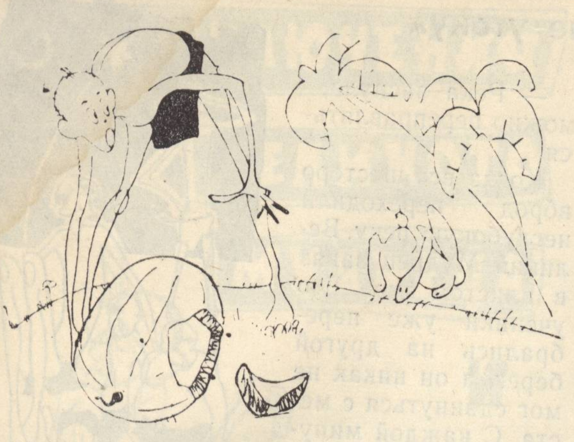
— Прекрасная мысль! — ответил тот.— Если нельзя купить лошадь за пять аннов, купим яйцо, снесенное ею, и сами высидим жеребенка. А когда он подрастет, я стану ездить на нем.

И Тонкий-как-Прут отправился искать лошадиное яйцо. Вскоре он повстречал человека, который нес на рынок большую тыкву.

«Вот то, что я ищу»,— подумал ученик. Остановив человека, он сказал ему:

— Дружок, продай мне это лошадиное яйцо. Я заплачу тебе пять аннов.

[1] 5 аннов — 15 копеек.

Крестьянин посмотрел на него сердито, но, подумав немного, согласился:

— Я, правда, хотел продать его дороже, но оно страшно тяжелое. Чем тащить это яйцо на рынок, продам его тебе за пять аннов.

Тонкий-как-Прут взвалил тыкву себе на плечи и подумал: «Вот обрадуется Великий Мудрец! Мы все по очереди будем высиживать яйцо, а когда из него вылупится жеребенок, станем ухаживать за ним. Только бы он скорее вырос, чтоб наш учитель смог ездить на нем верхом».

Погруженный в мечты, Тонкий-как-Прут шел, не разбирая дороги. И вдруг, запутавшись ногой в ползучей траве, упал. «Лошадиное яйцо» отлетело в сторону и разбилось. Тотчас из чащи кустарника выскочил испуганный заяц и принялся улепетывать, да так быстро, как только зайцы умеют. Тонкий-как-Прут бросился было за ним, но разве ж ему угнаться за зайцем!

Пристыженный, вернулся он к Великому Мудрецу и сказал:

— О, пожалуйста, прости меня, Великий Мудрец! Я купил большое лошадиное яйцо и нес его сюда, но, зацепившись ногой за ползучее растение, упал. Яйцо разбилось, из него выскочил маленький жеребенок и помчался во весь дух. Уж на что я быстроногий, да не сумел угнаться за ним.

Великий Мудрец не рассердился, а обрадовался. Он сказал:

— Если жеребенок, только что вылупившись из яйца, несся так быстро, сын мой, то как бы бежал он, когда вырос! Нет, такой конь не по мне. Я уберегся от несчастного случая, может быть, спасся от смерти — и все за пять аннов. Спасибо тебе, Тонкий-как-Прут!

Как Великий Мудрец козу из беды выручил

Коза одного крестьянина захотела пить и сунулась в горшок с водой, да там и застряла. Испуганная, стала она бегать вокруг дома с горшком на голове, громко блея.

Хозяин козы привязал бедняжку к дереву и стал думать, как ей помочь. Тут он вспомнил о Великом Мудреце и побежал к нему за советом.

— Как можно, чтоб учитель шел пешком через всю деревню! — сказали ученики крестьянину.— Ступай приведи слона к нашему дому.

Забравшись на слона, Великий Мудрец поехал по деревенской улице, а все его ученики шли следом за ним.

Ворота во двор крестьянина оказались слишком узкими и низкими для слона.

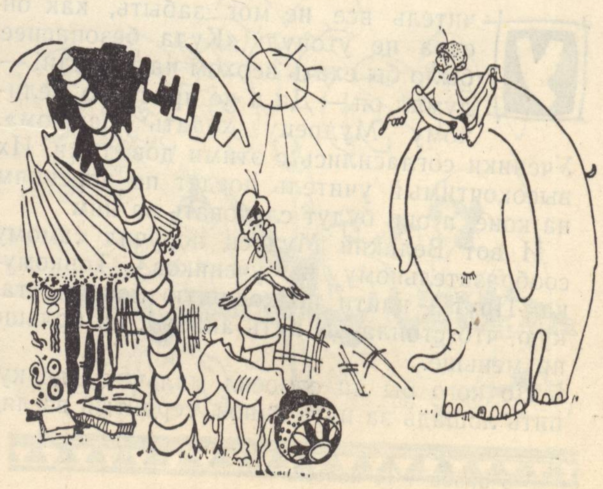
— Придется сломать забор,— сказал Великий Мудрец.

Хозяин согласился, и ученики тут же принялись за дело. Наконец учитель подъехал к злосчастной козе и, не слезая со слона, заговорил:

— Я знаю, как все устроить наилучшим образом. Сначала отрежьте козе голову.

Веря в мудрость учителя, крестьянин послушал его.

— Теперь надо вытащить голову из горшка,— продолжал Великий Мудрец,— а для этого разбейте посудину.

Горшок разбили, и из него выкатилась козья голова.

— Все в порядке! — сказал Великий Мудрец крестьянину.— Ты ведь хотел освободить голову козы из горшка. Подбери же ее.

И, поворачивая слона к своему дому, он продолжал, почесывая бороду:

— Право, не знаю, что бы стала делать без меня эта глупая деревенщина!

А ученики шли за своим учителем, не уставая восхищаться его мудростью.

Как пятеро «умников» хоронили Великого Мудреца

Чтобы защитить свои посевы от диких зверей и птиц, крестьяне на Цейлоне строили маленькие хижины у края поля и проводили в них всю ночь, держа наготове зажженный факел: огнем и криками они отпугивали ночных пришельцев.

Как-то Великий Мудрец попросил учеников нарубить веток для сторожевой хижины. На дерево забрался Лицо-как-Блин. Ему непременно хотелось срубить сук у самого основания. Для этого он уселся на конец его и принялся орудовать ножом. А друзья «умника» стояли внизу и ждали, пока сук упадет на землю.

Проходивший мимо крестьянин увидел эту картину и закричал:

— Эй ты, дуралей! Ты сейчас упадешь, помяни мое слово!

Только он сказал это, как Лицо-как-Блин обрушился вниз и, охая, стал потирать синяки.

Придя в себя, он сказал:

— Друзья, этот человек удивительно умен. Он умеет предсказывать события. Давайте спросим его о чем-нибудь.

И они побежали за крестьянином. Догнав его, ученики сказали:

— Вы такой мудрый, вы обладаете даром предвидения. Не будете ли вы любезны сказать нам, когда умрет наш учитель?

— Ваш учитель? — переспросил крестьянин.— О, смерть придет к нему в тот самый день, когда он почувствует, что его голова холодеет.

Ученики рассказали обо всем Великому Мудрецу. Но тот только засмеялся и ответил:

— Вот увидите, что предсказание крестьянина не сбудется.

А про себя он решил, что, купаясь, никогда не станет мочить голову.

Но однажды, войдя в реку, он забыл о своем решении и окунулся в воду с головой. Тут и пришло ему на ум предсказание крестьянина, и Великий Мудрец стал громко звать своих учеников:

— Поскорее вытащите меня из воды! Отнесите меня домой!

Лежа в постели, он обратился к ученикам с последними словами:

— Естественно, что каждый живущий должен когда-нибудь умереть. От смерти никуда не денешься. Вы помните предсказание того мудрого человека? Так вот, я чувствую, как холод подбирается к моей голове. Это смерть пришла за мной. Не плачьте, лучше подумайте о том, как станете меня хоронить.

Ученики, окружавшие постель учителя, заплакали, но он строго сказал им:

— Вы разве не слышали? Смерть моя пришла. Приготовьте же все необходимое для похорон.

Ученики тотчас перестали плакать и стали советоваться между собой, как похоронить учителя с подобающими почестями.

На носилки, покрытые белой тканью, они положили Великого Мудреца, облаченного в саван, и понесли его на кладбище. Четверо несли носилки, а самый умный ученик, Тонкий-как-Прут, возглавлял похоронную процессию.

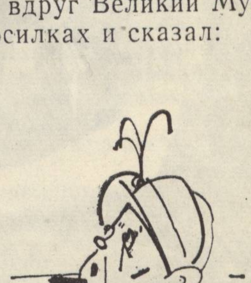
На беду, никто из учеников не знал, где кладбище.

С носилками на плечах они блуждали по деревенским улицам, пока не дошли до какого-то перекрестка. Тут ученики остановились и стали совещаться, по какой дороге пойти на кладбище. И вдруг Великий Мудрец приподнялся на носилках и сказал:

— Когда я был жив, к кладбищу вела вон та дорога!

Ученики уставились на «мертвое» тело и, в страхе бросив носилки, побежали кто куда.

С тех пор они и не встречались.

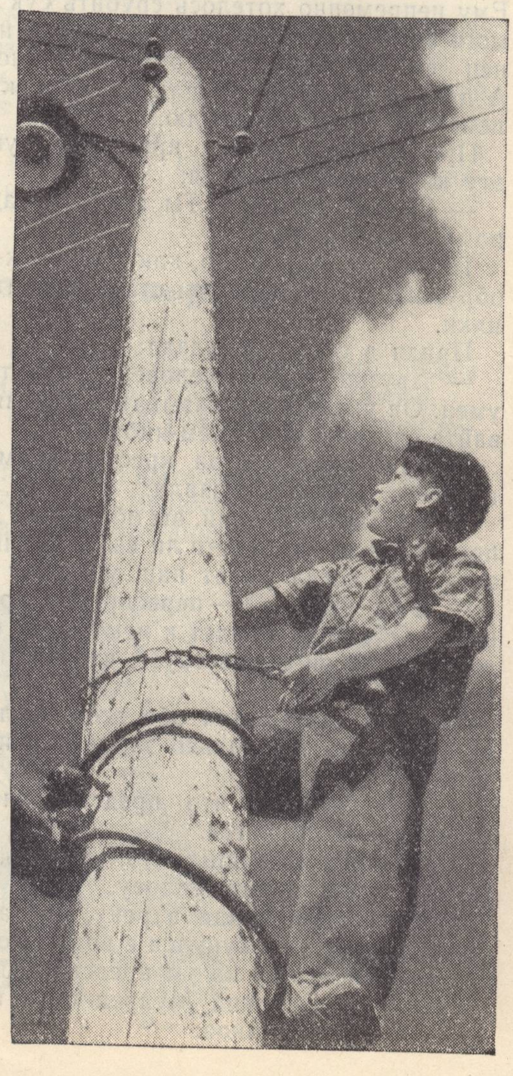
Собрал и обработал Б. А. Патирантэ.
Перевела И. Череватая.

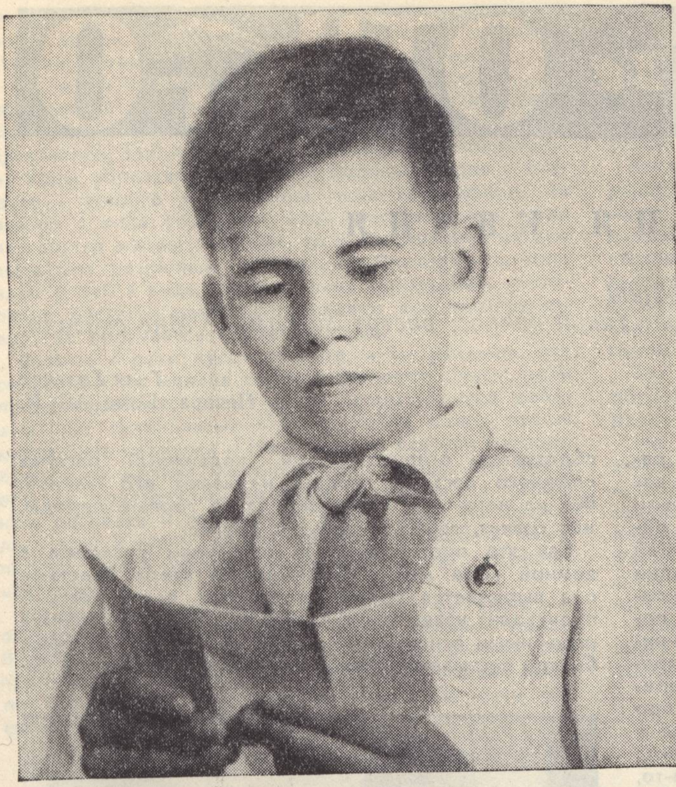

Пожалуй, Сережа Елисеев, ученик седьмого класса «А» 173-й московской школы, добьется права носить значок пионера третьей ступени. Он умеет судить волейбол, изучает мотор, учится ремонтировать электропроводку.

Кто получит такой значок?

Летом Сережа помогает взрослым убирать урожай.

А главная его победа — удостоверение пионера-инструктора. Сережа—инструктор по туризму. Теперь надо научиться выполнять и другие требования для пионера третьей ступени. Их еще осталось немало!

РУССКАЯ НАРОДНАЯ ИГРУШКА

Любите ли вы, ребята, игрушки? Конечно, каждый любит, хотя вкусы на игрушку у всех разные. Один предпочитает пистолет «пугач», другой — заводные автомобили и паровозы, третий — смешного клоуна-дергунчика, четвертый — набор строительных материалов. Но есть игрушки, которые нравятся всем, от самых маленьких малышей до совершенно взрослых пап и мам. Дети, получив такую игрушку в подарок, весело забавляются ею, а взрослые украшают комнату, бережно ставят ее на полочку, на письменный стол.

Это игрушки, порожденные изобретательностью народа. Умение делать такие игрушки переходит из поколения в поколение. Есть у нас в стране деревни, где чуть ли не все жители — игрушечных дел мастера.

Почему любят народную игрушку малыши? Потому, что она нарядная, красивая, радует глаз яркими красками, и потому, что она какая-то удивительно понятная и милая, будто сказка, рассказываемая старенькой и любимой бабушкой.

А взрослые любят эти игрушки за то же, за что и вышивки, и расписную глиняную посуду, и деревянную резьбу, и тонкую изморозь кружев: за несравненную красоту, которой народ-художник умеет наделить произведения своих трудолюбивых рук.

Несколько месяцев назад в Москве была устроена выставка народной игрушки. Посетители выставки с первых шагов попадали в веселое окружение деревянных клюющих курочек, расписных модниц в широких глиняных юбках, ярких свистулек и других представителей игрушечного царства.

Взяли мы кусочек этой выставки и перенесли к себе в журнал на последнюю страницу обложки. Загляните туда.

Тройку, впряженную в цветастые санки, сделали художники села Федосеево.

Козлика и медвежонка на мостике вырезали богородские резчики. Дружное семейство вкладных матрешек мал мала меньше родом из Загорска. Точеные куколки в костюмах народов нашей страны — из деревни Бабенки. Из знаменитого села Дымково пришли к нам свинки, медведь и глиняный раскрашенный всадник. Из Архангельской области — старинная тряпичная кукла. С севера же приехали на выставку и кукла из соломы и игрушки из шишек и мха.

Волшебная сила всех этих игрушек в той светлой любви к детям, которую народ вкладывает в каждое свое изделие, будь то глиняная свирелька, кукла или резной конек.

ПОЧЕМУ и ОТЧЕГО

История камня

Дорогая редакция!

Меня интересует такой вопрос: растут ли камни? Мне сказали, что они растут.

Толя Гольцев
г. Печора, Коми АССР.

Ты спрашиваешь, растут ли камни. Это кажется тебе странным. Ты привык ходить по одной и той же булыжной мостовой; видеть одни и те же каменные глыбы, выходящие на поверхность земли где-нибудь на вершине холма или в обрывах берега реки; слышать про могучие горные хребты, известные людям еще с незапамятных времен, и тебе трудно представить, что этих камней когда-то не было, что когда-то, очень давно, они «выросли» и что со временем они погибнут, разрушатся: ведь они же не живые! Но это действительно так.

У камней, или, как геологи их называют, горных пород, своя сложная и захватывающая история. Начинается она у одних в загадочных морских глубинах, у других — в раскаленных, неведомых нам недрах нашей планеты и, пройдя многомиллионнолетний путь, кончается на земной поверхности, где вода, мороз, ветер и живые организмы постепенно, незаметно для человека разрушают камень.

Как же образуются, «растут» горные породы?

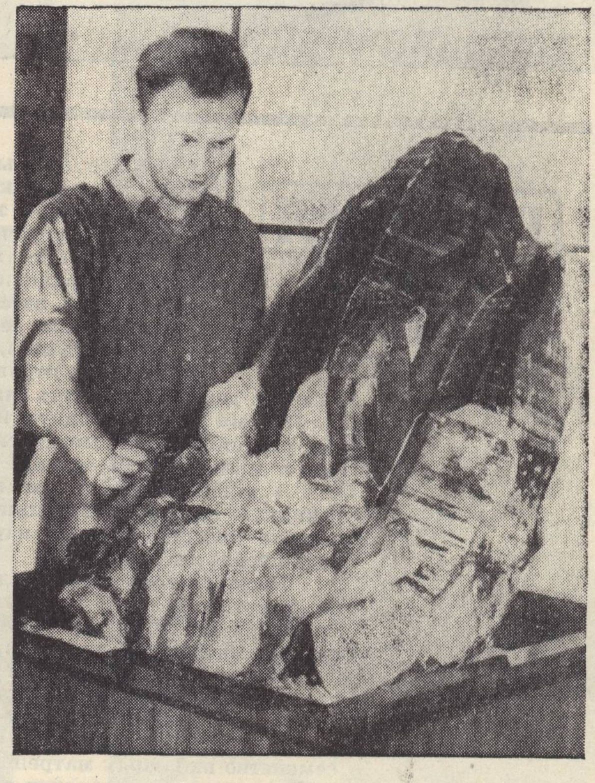
Петрография — наука о камнях — делит их по способу образования на две большие группы: осадочные и изверженные.

Первые образуются на дне морей, озер и океанов, куда реки приносят огромное количество песка и ила. Попав в спокойную воду, ил и песок осаждаются на дне, обычно недалеко от берега. Кроме песка и ила, реки несут массу невидимого материала, растворенного в речной воде, как соль в супе. Эти вещества уходят от берега значительно дальше. Часть их потом тоже выпадает в виде осадка, часть усваивается морскими организмами и идет на образование известковых скелетов или панцирей. Когда организмы умирают, они тоже оказываются на дне. Так постепенно накапливаются огромные толщи осадков. Под действием своей тяжести они уплотняются, «каменеют».

Проходят миллионы лет, моря отступают, на их месте возникают горы или равнины, и породы, образовавшиеся на дне морей, оказываются на земной поверхности. Это хорошо тебе знакомые известняки, песчаники, глина, кремни и многие другие.

Совсем иначе образуются породы второй группы. История их еще интересней. Глубоко в недрах земли температура поднимается так высоко, что местами каменная оболочка нашей планеты плавится, образуется огненно-жидкий, подвижный расплав сложного состава; геологи называют его магмой. Вот из него-то и возникают такие горные породы, как гранит, габро, базальт и другие.

Как это происходит? По огромным расколам в земной коре магма устремляется вверх. Местами она вырывается прямо на земную поверхность — происходит извержение вулканов; магма разливается огромными огненными реками — лавами, которые быстро застывают, образуя плотные стекловатые по-

В Музее землеведения Московского университета в богатейшей коллекции минералов и руд хранится и вот эта друза — сросток кристаллов дымчатого прозрачного кварца весом в 224 килограмма.

Много миллионов лет назад на стенки подземных пещер осели мелкие кристаллики — зародыши, которые выделились из медленно остывавшего водяного раствора. Они росли и постепенно превратились в крупные, хорошо ограненные кристаллы.

роды. В других случаях магма не доходит до поверхности земли. Внедряясь в верхние, более холодные участки земной коры, она медленно остывает.

По мере понижения температуры вещества, находившиеся в магме в жидком состоянии, начинают «выпадать» из нее в виде твердых соединений, кристаллов, так же как при понижении температуры из воды образуется лед, а из водяных паров в воздухе — твердые кристаллики льда, оседающие на землю в виде снежинок, инея или изморози. Так как состав магмы сложный, то и кристаллики из нее выпадают различные по составу. Сначала они плавают в ней в виде очень мелких зародышей, постепенно растут и наконец заполняют все пространство. Так получается горная порода.

Возьми в руки кусок гранита, и ты увидишь, что он состоит из мелких зерен различного цвета: одни полупрозрачные, серые — это кварц; другие розовые или зеленоватые — это полевой шпат; третьи могут быть черными и светлыми, но все они расщепляются на мелкие листочки — это слюда. Вот это и есть те кристаллики, которые зародились в огненном расплаве и постепенно росли, пока не прижались друг к другу, да так плотно, что разбить такую породу очень трудно; недаром говорят: «Крепок, как гранит!»

Но на этом не кончается история магмы. Пока она остывает, из нее выделяется масса водяных паров. Вместе с растворенными в них соединениями они пропитывают окружающие породы и поднимаются по трещинам к поверхности земли. По пути они сжижаются в водные растворы, из которых при охлаждении выпадают растворенные в них вещества, так же, как, например, сахар, в большом количестве растворенный в горячем чае, при охлаждении выпадает на дно стакана. Из таких водных растворов образуются многочисленные кварцевые и другие жилы, часто с большим количеством меди, свинца, золота и других нужных для человека металлов.

Когда в таких жилах встречаются пустоты, занорыши, как их называют горщики, где кристаллы могут развиваться свободно, в них вырастают изумительные по красоте, прозрачные, как слеза, кристаллы кварца (горный хрусталь, аметист), топаза, аквамарина, сапфира, граната. Они могут быть очень большими: известны, например, кристаллы кварца величиной с трехэтажный дом. А кристаллы гипса бывают и еще больше.

Так вокруг остывающей в недрах земли магмы образуется целая система подземных кладовых с различными металлами и драгоценными камнями.

Но кристаллы растут не только глубоко в недрах земли. Кристаллы растут всюду вокруг нас: растут морозные узоры на окнах и ледяные колонны в пещерах, в пустотах известняков растут кристаллы кальцита, в синих глинах, в которых много пирита, растут прозрачные розочки гипса, на дне соляных озер в жаркие дни выпадают кристаллы поваренной соли. Обо всем сразу не расскажешь...

Если ты хочешь побольше узнать о камнях, прочти книгу академика Е. Ферсмана «Занимательная минералогия».

А. Шмидт,
геолог

Закон, открытый в древности

Меня давно интересует, почему корабль не тонет, а камень тонет в воде. Ответьте, пожалуйста.

Нина Лапшова
село Мачкассы, Пензенская область.

Ты, Нина, пробовала когда-нибудь, купаясь в реке, погрузить в воду кусок дерева, доску? Если пробовала, то, наверно, заметила, что какая-то сила выталкивает ее из воды.

Эта сила действует на все тела, погруженные в воду. Чем больше объем тела, тем сильнее вода выталкивает его на поверхность. Если вес тела меньше, чем сила, с которой вода выталкивает его, то тело плавает, если больше, то тело тонет.

Железный или стальной шарик тонет в воде, потому что у него маленький объем, а вес большой. Если тот же шарик расплющить в тонкий лист, а из листа сделать большой, внутри пустой шар, то вес его не изменится, а объем сильно увеличится, и железный шар будет плавать.

Так и с кораблями: хотя они и сделаны из железа и стали, но внутри они пустые и занимают достаточно большой объем, чтобы плавать.

Но если корабль получит пробоину, он наполнится водой и потонет. Закон, по которому вода выталкивает тела, открыл великий ученый древней Греции Архимед. Законом Архимеда пользуются при постройке и маленькой лодки и большого корабля.

Ю. Авалиани

Весна осенью

Прошу объяснить, почему иногда яблони цветут осенью, говорят, это оттого, что климат меняется. Правда ли это?

Валя Курленко
село Стремичево, Гомельская область.

То, что некоторые плодовые деревья и кустарники цветут осенью, конечно, не имеет никакого отношения к изменению климата.

Недостаточно влажным летом некоторые деревья рано перестают расти, и цветочные почки на них закладываются не в июле, как обычно, а в июне. К сентябрю они уже вполне готовы к цветению. И если в это время стоит влажная и теплая погода, деревья зацветают.

Осеннее цветение вредно для деревьев: они уходят под зиму ослабленными и легче замерзают. Весной такое дерево будет цвести менее обильно и даст низкий урожай.

Г. Грин

Праздничный подарок

Ю. НОВИКОВА

Рисунки Ф. Лемкуля.

Пьеса для школьной самодеятельности в одном действии, в четырех картинах

Действующие лица:

КЕША МЕДВЕДЕВ — семиклассник
НИНА — семиклассница
МАРАТ } друзья Кеши из 6-го класса
ГЕРА }
КОНСТАНТИН ИВАНОВИЧ, «няня Костя» — пенсионер-железнодорожник
КОСТИК — 13 лет
СТЕША — 7 лет
ВАЛЬКА — 13 лет
ТУМБА — инспектор училища

Время действия 1, 2 и 4-й картин — наши дни.
Время действия 3-й картины — 45 лет назад.

ПЕРВАЯ КАРТИНА

В этой картине (так же, как во 2-й и 4-й) действие происходит в старом пакгаузе, ребята оборудовали здесь «лабораторию». Но «лаборатория» может быть показана очень просто: перед занавесом, на авансцене, стол, на нем детали, инструменты. Два обрубка дерева заменяют стулья. Возле стола М а р а т, шестиклассник, живой, подвижной паренек.

МАРАТ **(смотрит на стол, радостно).** Сердечник-то почти готов!.. Еще бы немного провода обмоточного — и все. Где же это Герка запропастился?.. «Уж третий час, а Германа все нет».

Три условных удара в дверь.

МАРАТ **(считает).** Раз, два, три!.. Ты, Гера? Наконец-то!

ГЕРА. Я у Константина Ивановича был. Обещает к шести принести провод.

МАРАТ. Великолепно! **(Строго.)** А опаздывать все-таки не нужно, понятно?.. Кеша где?

ГЕРА. Я думал, он здесь. Наверно, пошел рычаг организовывать.

МАРАТ. Уж, конечно, зря времени не теряет. Не таковский человек. **(Указывает на стол.)** Нет,

ты погляди, Гера! Ведь еще совсем немного — и сделаем автострелку для нашей железной дороги. А ребята и не догадываются. Здорово?

ГЕРА. Здорово! Они-то все думают, что я буду стрелочником.

МАРАТ. Как при царе Горохе... **(Прислушивается.)** Кеша!

Входит без всяких предупредительных стуков Нина.

НИНА. Ребята, здесь Кеша Медведев или нет?

МАРАТ. Нина! А откуда ты... как ты узнала, что мы здесь?

НИНА **(насмешливо).** Очень трудно заметить, что вы все каждый день после уроков в старый пакгауз бегаете! **(К Гере, который старается заслонить стол.)** Да я не смотрю, не смотрю... Мне Кеша очень нужен. Ладно, ухожу, ухожу... **(Уходит.)**

ГЕРА. И зачем ей Кеша понадобился?

МАРАТ. Кеша всем нужен. Уж такой он человек! **(Недовольно.)** Как же все-таки это она догадалась про старый пакгауз?

ГЕРА. Ну, догадалась, и все! Да теперь уже неважно! Теперь все равно скоро ребята все узнают. Ведь к празднику пустят железную дорогу.

МАРАТ. Верно. **(Мечтательно.)** Нет, ты только представь себе, Герка!.. Открывается наша железная дорога. Вокзал в цветах, флаги развеваются... Ну, конечно, все заняли свои места. Дежурный по вокзалу расхаживает, кассир в кассе... «А где стрелочник? **(Эту фразу Марат произносит басом, кому-то подражая.)** Почему стрелочника нет на месте?»

ГЕРА **(подхватывая игру).** Стрелочник на месте!

МАРАТ **(тем же басом).** Как это «на месте»? Ты же в диспетчерской!

ГЕРА. А это и есть мое место!

МАРАТ **(захлебываясь от восторга).** И вот стрелочник, то есть ты, нажимает кнопку в диспетчерской, и — готово! — стрелка автоматически передвинулась! А кто сделал эту великолепную автострелку? Ее сделали ученик 7-го «А» Иннокентий Медведев и два его верных помощника... **(Прерывает речь, прислушивается.)** Что это?.. Почему без стука?.. Опять Нина?

Входит Кеша — плечистый паренек, значительно выше своих маленьких друзей. Сейчас он так и сияет.

КЕША. Здорово, орлы! Какая у меня новость!

МАРАТ **(восторженно глядя на него).** Рычаг организовал?

КЕША. Какой там рычаг! Отца во Владивосток переводят.

МАРАТ. Во Владивосток?

КЕША. Ну да. И мы с ним поедем. Океан увижу, ребята! До Омска едем поездом, а оттуда на «ТУ»!

МАРАТ. На «ТУ»!..

ГЕРА. Вот это да!

МАРАТ. И скоро вы поедете?

КЕША. Скоро. Через две недели. Отцу надо еще до праздника на месте быть.

МАРАТ. Погоди... Выходит, тебя не будет на открытии дороги?

КЕША **(он не очень огорчен).** Выходит, что так. Ничего не поделаешь.

МАРАТ **(озабоченно).** Постой, Кеша!.. Автострелку-то мы успеем до твоего отъезда закончить? Ведь нам еще сердечник доделать надо... Да еще монтаж... Надо будет серьезно поднажать.

КЕША **(немного смущенно).** Вот что, ребята... Это дело придется пока что отставить.

ГЕРА **(не понимая).** Какое дело? Автострелку?

КЕША. Ну да.

МАРАТ **(взволнованно).** Погоди, Кеша! Ведь ты еще пробудешь здесь две недели-то? А нам две недели хватит за глаза. Если, конечно, приналечь...

КЕША. Понимаешь, какое дело... Отец перед отъездом хочет в деревню отправиться дней на пять... На уток походить... И меня обещал взять с собой.

МАРАТ **(запальчиво).** Значит, из-за твоих уток наша дорога без автострелки будет? Так, что ли?

КЕША. Во-первых, не из-за уток, а потому, что отца переводят... А это уж от меня не зависит...

МАРАТ. Да ведь если б не утки, мы бы непременно успели! Ты бы поднажал немного...

КЕША **(примирительно).** Да пойми ты, чудак-человек! Какой мне смысл изо всех сил надрываться, если я даже на открытии не буду? Ведь я, может быть, никогда больше сюда не приеду. Никогда дороги вашей не увижу даже!

ГЕРА **(хмуро).** Это он верно говорит.

МАРАТ **(вспылив).** Ничего не верно! **(К Кеше.)** Это... Это даже нечестно с твоей стороны, если хочешь знать!

КЕША **(гневно).** Что?.. Что ты сказал?!

МАРАТ **(сдержавшись).** Нехорошо это — вот что, Кеша!

КЕША. Слова все-таки нужно выбирать, Марат. Будь ты постарше, я бы не так с тобой поговорил. **(Снова примирительно.)** Да ты пойми... Ведь если б я что-нибудь обещал ребятам, взял бы на себя поручение, взял и не выполнил, тогда бы, конечно... Но я-то ведь никому ничего не обещал. Просто хотел сделать праздничный подарок... А теперь не могу и не сделаю!.. Да никто и не ждет этой стрелки. Ну? Вопросов больше нет? Считаю собрание закрытым.

МАРАТ. Значит, сегодня к шести сюда больше не приходить? Лаборатория закрывается?

КЕША. Как хотите... Я-то, пожалуй, зайду: мне отцовские инструменты взять нужно... Ну, не серчайте, орлы! Я пошел... Дел у меня!.. **(Уходит.)**

МАРАТ. Да... Вот тебе и автострелка!

Пауза. Ребята в растерянности стоят у стола.

Входит Нина.

НИНА. Кеша прихо-

Юные актеры, режиссеры, художники!

Эту пьесу вы можете подготовить к праздничному школьному вечеру.

Поставить ее нетрудно. Чтобы избежать сложной смены декораций, предлагаем первую, вторую и четвертую картины разыграть перед занавесом на авансцене.

Часть авансцены, на которой происходит действие, должна быть ярко освещена, остальное погружено в тень.

Картины идут друг за другом подряд, без перерыва.

дил? **(Марат молча кивает головой.)** А куда он пошел?

МАРАТ **(хмуро).** Не знаю.

НИНА. Ребята, он мне очень нужен... Где бы его найти сегодня?

МАРАТ **(повторяет).** Говорят тебе, не знаем!

ГЕРА. Он, может, к шести еще придет...

НИНА. Сюда?

МАРАТ **(резко).** Сюда!.. Вопросов больше нет? Считаю собрание закрытым.

НИНА. Не обезьянь! Все равно у Кеши лучше выходит! Вы даже не понимаете, ребята, как вам подвезло, что Кеша с вами дружит!.. Ведь он такой парень, такой парень!.. Ну, одним словом, замечательный!

МАРАТ **(холодно).** Конечно... **(Нина уходит.)** Пошли и мы, Герка... Пошли, стрелочник!

Затемнение. Конец первой картины.

ВТОРАЯ КАРТИНА

Снова старый пакгауз.

КЕША **(стоит возле стола, перебирает инструменты).** Верно, сердечник почти закончен. Жаль все-таки! И лабораторию нашу жаль... Ну, да ничего не поделаешь! **(Оборачивается и видит входящую Нину.)**

КЕША **(удивленно, но обрадованно).** Нина! Как ты сюда попала?

НИНА **(волнуется).** Пришла, и все... Ты что, уезжаешь, Кеша?

КЕША. Уезжаю. Далеко. Во Владивосток.

НИНА. Я знаю... Кеша! Я давно хотела тебе сказать... Давай будем дружить?

КЕША. Дружить? Да ведь я уезжаю...

НИНА. Ну и что же? Я потому и говорю, что ты уезжаешь. Мы будем писать друг другу обо всем, обо всем!.. Согласен?

КЕША. Хорошо... Только я не понимаю, почему ты раньше...

НИНА. Говорю же тебе: я стеснялась! Только я давно уже думаю: ты хороший, очень хороший... Ты настоящий, Кеша!

КЕША. Ну что ты, Нина!..

НИНА. Вот ты с младшими дружишь. Другие считают, что ты просто любишь командовать. А я понимаю, что это очень хорошо... Вот ты на них воздействуешь, правда?

КЕША. Н-не знаю...

НИНА **(продолжает).** Ты вот что-то тут для железной дороги мастеришь. Я же вижу: у вас тут целая лаборатория! А сам ты даже не будешь на открытии дороги! Значит, ты только для других стараешься! Это... это прямо замечательно!

КЕША **(в смущении перебивает).** Да с чего ты взяла это, Нина?

НИНА. Ну, ладно, ладно!.. Я знаю, это тайна. Не думай, я никому не расскажу. Почему ты такой хмурый стал, Кеша? Ты не рад, что я сюда пришла?

КЕША. Нет, я рад. **(Прислушивается. За сценой Константин Иванович напевает «Варшавянку».)** Константин Иванович идет...

НИНА **(тоже прислушивается).** И в хорошем настроении.

КЕША. Правильно. Он когда в духе, так всегда «Варшавянку» поет! И давно ты его знаешь?

НИНА. Константина Ивановича? С детства. Это мамин лучший друг. **(Бросается к входящему Константину Ивановичу.)** Няня Костя!

КОНСТАНТИН ИВАНОВИЧ **(обнимает Нину).** А ты, стрекоза, как сюда залетела? **(К Кеше.)** Держи, вот тебе обмоточный провод!.. **(Протягивает Кеше сверток.)**

КЕША. Спасибо, Константин Иванович!.. Но только...

КОНСТАНТИН ИВАНОВИЧ. Маловато, скажешь? Уж сколько достал! Думаю, все же должно хватить... **(Подходит к столу.)** Как дела, подвигаются?.. Ничего... Молодцы, ребята!

КЕША. Константин Иванович!.. Я хочу вам сказать... Дело в том, что... **(Заминка.)**

КОНСТАНТИН ИВАНОВИЧ. Ага, понимаю: среди присутствующих есть непосвященные... Что же, будем уважать конспирацию... **(К Нине.)** Верно, стрекоза?..

НИНА. Я сейчас уйду, няня Костя!

КЕША. Нина! А почему ты так называешь Константина Ивановича?

НИНА. Мама его так зовет. Он ее нянчил, когда она маленькой была.

КОНСТАНТИН ИВАНОВИЧ. Верно, было такое дело. Мой отец в депо служил, так же, как я потом. А ее **(указывает на Нину)** дед, мамин отец,— в паровозоремонтном. Забастовали у них на заводе... И наши рабочие ихних ребятишек по домам разобрали... Вот и привел батько к нам Стешу — Нинкину маму. Худенькая была — кожа да кости. Ну, водил я ее гулять, кормил... А потом и наши забастовали... Тут один случай вышел... **(Улыбается про себя, что-то вспоминая.)**

НИНА. А вы расскажите нам, няня Костя!

КОНСТАНТИН ИВАНОВИЧ **(садится к столу).** Узнали мы, понимаешь, что назавтра наши рабочие назначили демонстрацию. А накануне поздно вечером пошел я со Стешей погулять...

Свет постепенно меркнет, и голос Константина Ивановича доносится из полумрака... Во время его рассказа постепенно раздвигается занавес.

ТРЕТЬЯ КАРТИНА

Улица. Тянутся ограды. Над одной из них зелень деревьев. Далее высокая темная ограда с воротами. Костик — бедно одетый рабочий паренек — ведет за руку маленькую Стешу.

КОСТИК **(показывает).** А вон там, Стеша, училище, там я учусь... Не какое-нибудь училище — четырехклассное!..

СТЕША **(указывает на ограду с зеленью).** А это что?

КОСТИК. Это сад, Стеша. Хочешь, посмотри в щелочку. **(Стеша смотрит.)** Что увидела?

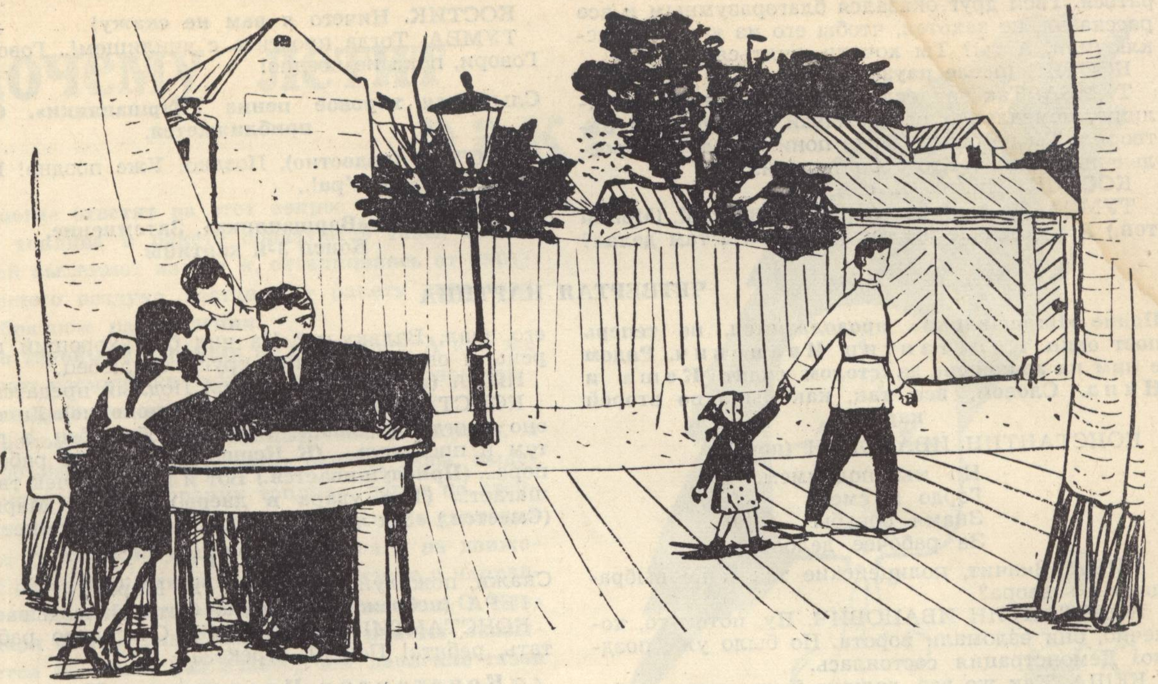
СТЕША. Птиц увидела.

КОСТИК. Дурочка, это лебеди! Говорят тебе, сад это! Там баре живут.

СТЕША. А нам туда можно?

КОСТИК. Нам? **(Смеется.)** Совсем ты у меня еще глупая. Ничего не понимаешь.

Костик со Стешей идут дальше.

СТЕША. А это что? **(Указывает на ограду с воротами.)**

КОСТИК. Это двор. Просто двор. Хочешь, посмотри. **(Стеша смотрит в щелку забора.)** Ну, что увидела? **(За забором цоканье копыт. Ржут лошади.)**

СТЕША. Лошадей увидела. Дядей с пуговицами.

КОСТИК **(встревоженно)**. Где с пуговицами?.. **(Смотрит в щель.)** Верно! Полицейские! Понятно! Пронюхали, что наши выступают, и засели в этот двор. А завтра, на рассвете, как только выйдет демонстрация, налетят с нагайками. Черти усатые! Как бы им помешать?.. Что бы придумать, Стеша?..

СТЕША. Я не знаю.

КОСТИК. Вот и я не знаю.

Затемнение.

КОНСТАНТИН ИВАНОВИЧ **(продолжает свой рассказ с авансцены)**. Я твердо решил помешать полиции разогнать демонстрацию. И перед рассветом мы с одноклассником Валькой, захватив болты и гайки, двигались по направлению к тому самому двору...

Свет. Та же декорация. Предутренний час. По улице, озираясь, идет Костик, за ним Валька.

ВАЛЬКА **(оборачивается, смотрит назад и вдруг вскрикивает)**. Ой!

КОСТИК. Тише ты! Ну, что там случилось?

ВАЛЬКА. Тумба! Ей-богу, Тумба!

КОСТИК. Инспектор? Ну зачем ему быть здесь в этакую рань? Померещилось тебе.

ВАЛЬКА. Не знаю... Только больно похож.

КОСТИК **(останавливается)**. Ну, там Тумба или не Тумба, а надо дело делать. Вот что, Валька. Ты оставайся здесь, на углу. Ежели что, кричи: «Караул! Грабят!». Ясно?

ВАЛЬКА. Ясно.

КОСТИК **(исследует свои карманы)**. Гайки здесь. Плоскогубцы здесь... Ну, я пошел...

ВАЛЬКА. Только ты поскорей, Костька!

КОСТИК. Да уж ясное дело, разговоры разговаривать с усатыми не буду. Прихвачу засовы— и назад. А ты в случае чего язык прихвати. Ясно? **(Идет к воротам. Валька, переминаясь с ноги на ногу, стоит на углу.)**

КОСТИК **(у ворот)**. Ничего, щель подходящая. **(Лезет под ворота.)**

ВАЛЬКА **(переминаясь)**. Поскорей бы он пришел! Поскорей бы он пришел! **(Оборачиваясь, видит перед собой толстого, квадратного инспектора училища Тумбу.)**

ТУМБА. Ты что тут делаешь, мальчик?

ВАЛЬКА. Я... я, господин инспектор...

ТУМБА. А ну-ка, пойдем со мной!

Уводит Вальку. Затемнение.

КОНСТАНТИН ИВАНОВИЧ **(продолжает)**. Мне повезло: полицейские, видимо, спали. Я закончил свою операцию: наглухо забил засовы на воротах так, чтобы полиция не смогла внезапно выехать из двора,— и благополучно вылез на улицу. Но едва я дошел до угла, как мне на плечо опустилась тяжелая рука инспектора училища Тумбы.

Свет. Та же декорация. Тумба держит за плечо Костика.

ТУМБА. Говори сейчас же: что ты делал во дворе?..

КОСТИК. В каком дворе? Не был я ни в каком дворе! Я так, прогуливался...

ТУМБА. «Прогуливался»! А ну, повернись! **(Поворачивает Костика.)** Так, так... Штаны порваны, в пыли... А тут что? **(Лезет в карман к Костику.)** Плоскогубцы... Ты зачем же это на прогулку плоскогубцы с собой взял?

КОСТИК. Захотел и взял. Вам-то что?

ТУМБА. Вот что, мальчик, можешь не запи-

раться. Твой друг оказался благоразумным и все рассказал, не захотел, чтобы его из училища исключили. А ты? Ты хочешь учиться?

КОСТИК **(после паузы).** Хочу.

ТУМБА. Так вот, если хочешь остаться в училище, немедленно рассказывай, что ты там натворил. Ты не бойся. Я же понимаю: тебя взрослые подучили... Кто тебя подучил?

КОСТИК. Никто. Я сам...

ТУМБА. Да ты, оказывается, упрямый. **(Меняя тон.)** А ну, сейчас же говори: что ты там делал?

КОСТИК. Ничего я вам не скажу!

ТУМБА. Тогда простись с училищем!.. Говори! Говори, пока не поздно!

Слышится хоровое пение «Варшавянки». Оно приближается.

КОСТИК **(радостно).** Поздно! Уже поздно! Наши идут! Ура! Ура!..

Звучит «Варшавянка». Затемнение. Конец 3-й картины.

ЧЕТВЕРТАЯ КАРТИНА

Пение «Варшавянки» продолжается, но теперь поет один Константин Иванович. Рядом с ним на авансцене за столом сидят Кеша и Нина. Словом, все так, как было во второй картине.

КОНСТАНТИН ИВАНОВИЧ **(поет).**

Но мы поднимем
Гордо и смело
Знамя борьбы
За рабочее дело!..

НИНА. Значит, полицейские так и не выбрались из двора?

КОНСТАНТИН ИВАНОВИЧ. Ну, потом-то, конечно, они взломали ворота. Но было уже поздно. Демонстрация состоялась.

КЕША. Как же вас, должно быть, потом рабочие благодарили!

КОНСТАНТИН ИВАНОВИЧ. Меня?.. Да никто и не знал, что это я. Рассказывать-то мне даже было опасно. Да и не за спасибо я старался. Для общего дела.

КЕША. Неужели так-таки никому не рассказали?

КОНСТАНТИН ИВАНОВИЧ. Ну, отцу рассказал, конечно.

КЕША. Хвалил он вас?

КОНСТАНТИН ИВАНОВИЧ. За смекалку похвалил, за то, что прихватил засовы. А потом **(смеется)** как пошел ругать!

КЕША. За что же?

КОНСТАНТИН ИВАНОВИЧ. За Вальку. «Умей,— говорит,— выбирать друзей...» А кто ж его знал, Вальку-то? На вид был хороший парень, а оказался дрянь, трус, себялюбец.

НИНА **(горячо).** Предатель! Подлый предатель!

КОНСТАНТИН ИВАНОВИЧ **(спокойно).** Да так оно иногда и бывает: сначала себялюбец, а потом и предатель... **(К Кеше.)** Ну, тебе за работу пора... **(Прислушивается.)** Вот и помощничек твой шагает... **(Три удара в дверь.)** Небось, Марат. **(Смеется.)** «Уж час седьмой, а Германа все нет»...

Входит Гера.

Скажи, пожалуйста, Гера, а где Марат?

ГЕРА **(небрежно).** Должно быть, запаздывает!

КОНСТАНТИН ИВАНОВИЧ. Счастливо работать, ребята! Пошли, стрекоза!

Константин Иванович и Нина уходят.

ГЕРА **(к Кеше).** Ну, забрал свой паяльник?

КЕША **(он как будто не слышал вопроса).** Там Константин Иванович провод принес. Садись, будешь наматывать на катушку.

ГЕРА **(недоверчиво).** Кеша... Кеша, ты разве не уезжаешь?

КЕША. Уезжаю.

ГЕРА **(сияя).** Значит, ты... Значит, ты, Кеша?..

КЕША **(спокойно).** Значит... Вопросов больше нет? Считаю собрание закрытым.

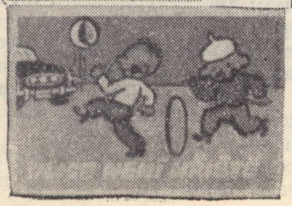
Оба садятся за стол.

МАРАТ **(входит).** Ребята!.. Ребята, вы работаете?.. А я? Почему же мне ничего не сказали?

ГЕРА **(сурово).** Не нужно было опаздывать. Понятно?

Страничка коллекционера

И этот паренек, который лихо катит на велосипеде, засунув руки в карманы, и рассеянный школьник, переходящий улицу не по правилам, и уцепившийся за грузовик любитель лихо прокатиться, и гоняющие обруч посередине площади мальчишки — все они изображены на новых чешских спичечных этикетках.

Эти веселые картинки напоминают об очень серьезном: будьте осторожны на улицах, соблюдайте правила уличного движения!

В серии этой шесть этикеток.

И. Пименов

Почему летит ракета

Многие ответят на этот вопрос так: при горении топлива в ракете образуются газы, они с силой вылетают из нее и, отталкиваясь от окружающего воздуха, заставляют ракету двигаться в обратном направлении.

Но такой ответ ничего не объясняет. А как же летают космические ракеты в безвоздушном пространстве? От чего они отталкиваются?

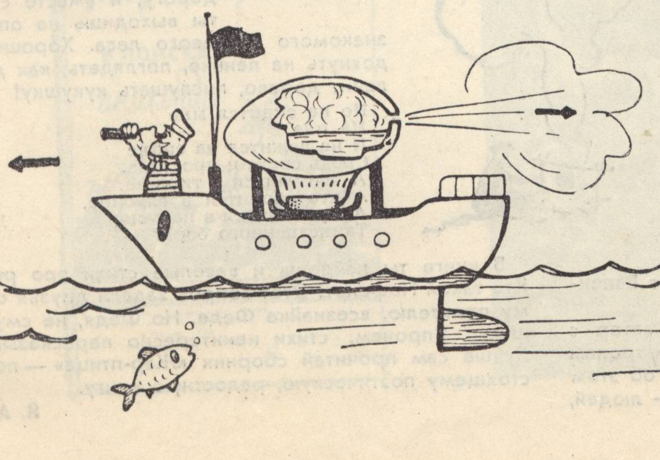
Посмотрите на этот схематический рисунок, и он объяснит вам, как летит ракета. Газы, выделяющиеся при сгорании топлива, давят на стенки ракеты с одинаковой силой. Боковые давления P_1 и P_2 взаимно уравновешиваются и на движение ракеты не влияют. А газы, идущие в направлении P_4, выбрасываются через отверстие О. Благодаря этому давление на дно ракеты оказывается во много раз слабее, чем давление газов на передний конец ракеты (по направлению P_3). Газы толкают ракету изнутри и заставляют ее лететь в направлении, указанном стрелкой.

Внутреннее давление газов иначе называется отдачей, реакцией; поэтому и движение под действием силы отдачи (реакции) называют реактивным. Реактивное действие оказывает не только струя газа, но и струя пара. Вы сами можете убедиться в этом, построив реактивный пароходик.

РЕАКТИВНЫЙ ПАРОХОДИК

Корпус, вернее, дно пароходика вырежьте из дощечки. Для того, чтобы ваш пароходик больше походил на настоящий, приклейте к дощечке борт из плотной бумаги. Клеить лучше всего клсем «БФ-2»: он не растворяется в воде и делает бумагу водонепроницаемой.

На дно пароходика поставьте жестяную чашечку с таблеткой сухого спирта или, в крайнем случае, с огарком свечи. «Паровым котлом» может служить яичная скорлупа, наполненная до половины водой.

При нагревании в «котле» образуется пар. Он будет вырываться в отверстие, а отдача заставит пароходик двигаться в противоположном направлении. Пароходик будет прекрасно плавать в тазу с водой, особенно если вы приделаете к нему руль из кусочка жести.

Яичную скорлупу можно заменить стеклянной пробиркой или жестяной коробкой, например от сапожного крема. Только не забудьте в пробке пробирки или в боковой стенке коробки сделать отверстие для выхода пара.

А. Стахурский

ЧТО НАМ ЧИТАТЬ?

МУЖЕСТВО

Мы с товарищем уже уходили из книжного магазина, когда вдруг заметили скромную стопочку этой книжки, лежавшую на прилавке.

Казалось, ничто не могло привлечь внимание к ней: ни обычное название **«Старый и малый»**, ни имя автора, которое мы видели впервые. Только рисунок на обложке показался нам тревожным, полным значительного смысла: гитлеровский офицер целится в стоящих перед ним старика и мальчика.

Мы раскрыли книжку, и случилось так, что раньше всех рассказов, напечатанных в ней, мы прочли статью о человеке, который написал эти рассказы, об авторе этой книжки.

Оказывается, написал ее **Филипп Гопп** — писатель, у которого давно отказались служить ноги и руки, который лишен возможности не только двигаться, но даже держать обыкновенную ручку! Он может только диктовать свои рассказы.

Память его хранит многие события детства и юности, совпавшие с гражданской войной; ему довелось быть знакомым со многими великолепными советскими писателями: с Маяковским и Алексеем Толстым, Есениным и Фадеевым, Ильфом и Петровым, Михаилом Кольцовым.

Больной, измученный недугом человек стойко и мужественно, напряженно, сжав зубы, работает, пытаясь донести до читателя чувства, которыми он жил и живет, рассказать о замечательных людях и подвигах, которые ему довелось видеть или слышать о них от своих друзей.

Мужество и стойкость — вот основная тема его рассказов.

Филипп Гопп учит мужеству. И не только потому, что рассказывает о смелых людях и героических поступках, но и потому, что сам живет мужественно, стойко и вопреки болезни и боли трудится, творит, побеждает.

В. Орджоникидзе

Романтика путешествий

Недавно довелось мне побывать в Каракумах. Среди песков, на жарких дорогах пустыни, не раз приходили на память строчки:

В сотне верст от ближнего аула
На змеистой ветке саксаула
Видел я цветочек, чуть живой,
Крохотный, прозрачно-восковой.

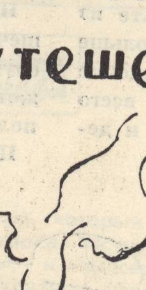
Такие стихи невозможно сочинить в городе, за письменным столом. Поэзия стойкого цветка живет далеко от кабинетной прохлады. Надо проделать долгий и нелегкий путь на самолетах и автомашинах, на верблюдах и пешком по горячему песку, чтобы услышать и полюбить тишину пустыни, открыть ее диковинные цветы, сдружиться с отважными людьми, покорителями песков.

Семь шкур с меня южное солнце спускало,
Как будто бы я у него крепостной, —

говорит в книге **«Жар-птица»** поэт и археолог **Валентин Берестов.**

Много километров проехал и прошагал автор с археологической экспедицией по караванным тропам и сумел увлекательно и поэтично рассказать об этом крае, о романтическом труде археологов — людей, прокладывающих пути в далекое прошлое человечества.

Среди развалин, в глине и в пыли,
Улыбку археологи нашли...

Путешествовать интересно не только в пустыне. Поэт зовет тебя, читатель, в близкую, но не менее удивительную дорогу, и вместе с ним ты выходишь на опушку знакомого соснового леса. Хорошо отдохнуть на пеньке, поглядеть, как дятел лечит дерево, послушать кукушку!

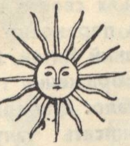
Но не сидится мне
На пне
И не лежится на спине
Средь света и простора.
А что таится в тишине,
А что творится в глубине,
А что томится в полусне
Таинственного бора?

В книге ты найдешь и веселые стихи про ребят. Кто такой Нофелет? Этот вопрос задали друзья своему приятелю, всезнайке Феде. Но Федя, не смутившись... Впрочем, стихи неинтересно пересказывать. Лучше сам прочитай сборник «Жар-птица» — по-настоящему поэтическую, радостную книгу.

Я. Аким

Анаконда

Видите, как привольно плавает в мутной воде одной из южноамериканских рек гигантская змея — анаконда?

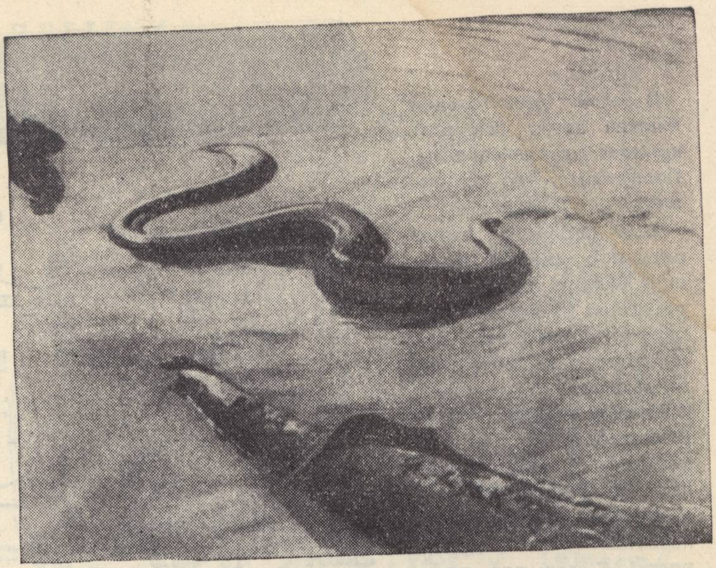
В воде анаконду невозможно поймать. Да и на берегу она чувствует себя в безопасности. Кто рискнет напасть на такую могучую змею? Разве что самый большой крокодил.

Но этой анаконде не повезло. Едва она выползла из реки Каукае, на нее набросилось пять охотников. Силой они уступали крокодилу, зато у них были арканы, рогатки и, главное, страстное желание захватить анаконду живьем. За этим ведь они и отправились в глубь малоизведанной Колумбии и Экуадора!

Гигантская змея отчаянно сопротивлялась. Она шипела и кидалась в разные стороны, пытаясь сжать в кольце своих железных объятий хотя бы одного из отважных.

Охотники с арканами кружились вокруг змеи. А кинооператор прыгал вокруг змеи и охотников, выискивая точки для съемки.

Так анаконда была снята для кино. Многие из вас, наверно, видели этот чудесный фильм, многие читали отрывки из повести шведского путешественника **Рольфа Бломберга,** печатавшиеся в «Пионере» в 1957 году.

Теперь вы можете полностью прочитать увлекательную и поучительную повесть **«В поисках анаконды»**. Она вышла отдельной книгой.

Ю. Савицкая

Великая стена

В этой удивительной книжке автор сам раскрывает свои секреты. Послушайте, что он пишет:

«...В передней стене рядом с дверью было еще оконце, заделанное решеткой из прутьев. Вечером глядел в него полумесяц, а на ночь оно закрывалось тяжелой ставней в защиту от лесных зверей. Тут... Но мне кажется, я слышу, как читатель восклицает возмущенно: «Откуда это известны такие подробности! С тех пор прошло больше двух тысяч лет! Все это просто выдумки!» Уверяю читателя, что выдумки здесь нет и такой крохотной капельки, чтобы хватило сверчку утолить жажду. Все это было, а чего не было, то могло быть, и о том, что было когда-то, можно узнать достоверно. Истекшие века, ушедшие люди не скрылись бесследно: они оставили нам утварь, орудия, глиняные фигурки, изображающие людей и животных, повозки и дома. На стенах могил они высекали в камне картины, запечатлевшие памятные события».

Вот откуда к детской писательнице Ольге Марковне Гурьян пришло все то, о чем она рассказывает в своей книге. Книгу эту она посвятила своим маленьким китайским друзьям. А написала повесть о Великой стене она для вас. Раскройте первую же страницу, и вы окажетесь в чудесной стране.

Это Китай, но не сегодняшний, а тот, который существовал за триста лет до нашей эры. Мне незачем говорить, как давно это было, но вот читаешь книгу, и, несмотря на то, что имена у действующих лиц трудно запоминаются и что героев очень много, все они кажутся нашими знакомыми, так автор сумел приблизить их к нам.

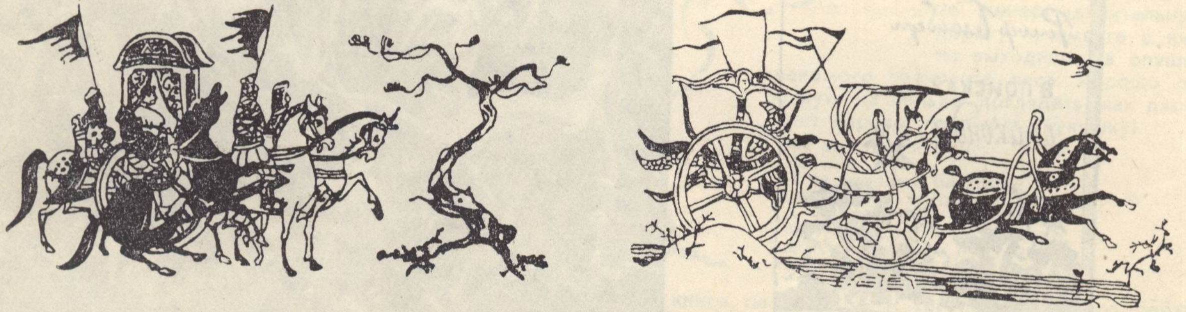
На крыльях своего воображения переносит он нас в древний Китай. Но одного воображения тут, конечно, мало. Для того, чтобы написать такую книгу, надо немало знать. И прежде чем писать свою повесть, писательница много и упорно работала над материалами. Вот почему она с такой свободой описывает то, что происходило много веков тому назад.

А Китай уже тогда был сильным, могущественным государством. Он создал великую литературу, замечательную философию. Жизнь его не была спокойной, ее сотрясали войны, государство было разделено на семь частей, и каждая существовала отдельно, потом они объединились. Вот тогда-то и решено было воздвигнуть Великую стену от одного края империи до другого ее края, чтобы никакой враг не мог в нее проникнуть.

О том, как строилась эта стена, вы прочитаете в книге. Но не только об этом. Перед вами пройдут полководцы, учителя, знахари, торговцы, ремесленники, воины — все пестрое население тогдашнего Китая. Вы познакомитесь даже с самим Ши Хуанди — первым императором над императорами. Длинной вереницей промчатся перед вами герои этой книги.

Обязательно прочитайте книгу О. Гурьян «Повесть о Великой стене, о Чжэн-ване и Цзин Кэ, о двух сестрах и о том, как поднялась буря». Когда будете читать книгу, вы, вероятно, обратите внимание на необычную для нас форму повести. Ее автор позаимствовал из китайской литературы.

И. Рахтанов

ЧАСЫ ДОСУГА

ПЛЕТЕНКА

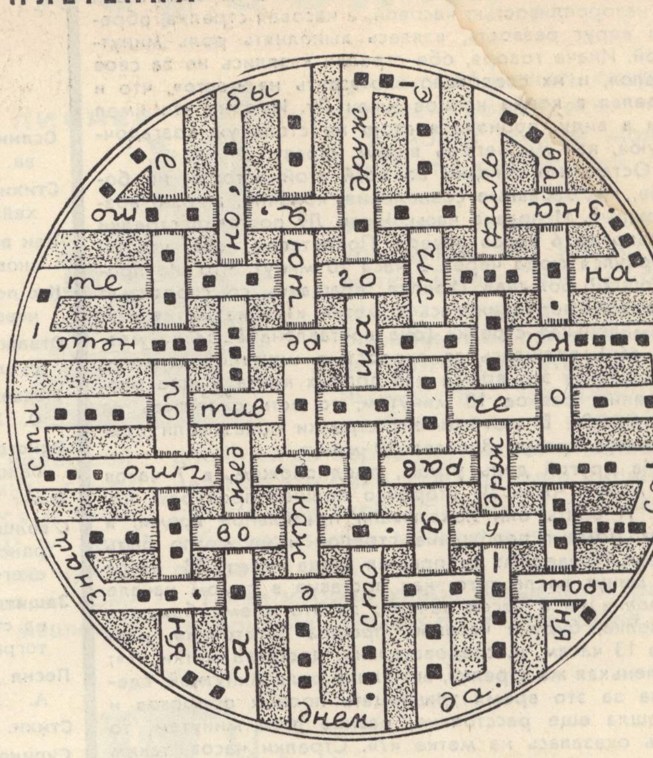
На этой длинной ленте, сплетенной в кружок, написан текст четырех китайских пословиц. Прочитайте их. Для этого вам придется на места, отмеченные черными квадратиками, поставить следующие пропущенные слоги и буквы:

ба, ба, бя, ва, во, все, гре, дым, е, е, зад, и, й, ко, ло, мед, на, не, нев, ни, ни, нит, но, но, но, пе, пол, про, ры, с, ста, та, те, то, толь, у, хра, чить, ши, ют, я, я, я.

Каждый квадратик заменяет на ленте только одну букву,

В тексте поставлены все необходимые знаки препинания, в известной мере облегчающие расшифровку.

Составил Г. Зотов,

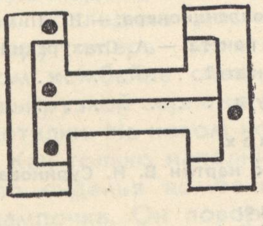
ПЯТЬЮ ПЯТЕРКАМИ

Используя любые арифметические знаки, напишите пятью пятерками числа от 1 до 9.

Прислал В. Сухов.

Ответы на задачи, помещенные в №№ 8 и 9

НА ЧЕТЫРЕ ЧАСТИ

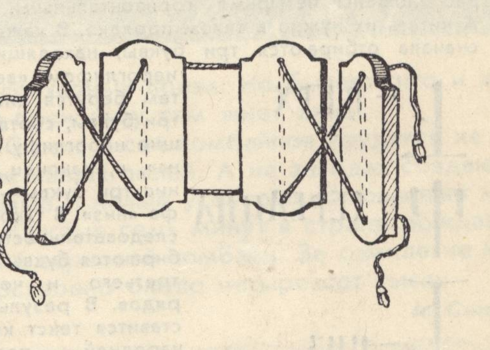

ТРИ РЕКИ

1. Название всех трех рек — Бузулук. Одна из них, приток Самары, относится к бассейну Волги, другая, приток Хопра,— к бассейну Дона. Третья впадает в Днепр.
2. Река Белая.

ЗАКОЛДОВАННЫЕ ШНУРЫ

Секрет фокуса — в дощечках: их не две, а четыре, склеенных попарно. Все четыре дощечки имеют на концах сквозные отверстия, совпадающие при наложении, и прорезанные желобки между отверстиями, в которых помещаются шнуры. Когда шнуры продеты, дощечки склеиваются и закрашиваются

снаружи, чтобы не видно было щелей. Остальное понятно из рисунка: шнуры пересекаются внутри склеенных дощечек; продетый через одно отверстие шнур выходит через другое. Таким образом, фокусник разрезает не тот шнур, за который он тянет.

ИСТОРИЯ С ЧАСАМИ

Чжан Лу был рассеян, это и было его недостатком, о чем упоминается в рассказанной истории. Исправив часы и собирая их механизм, он по рассеянности неправильно надел стрелки, поменяв их местами.

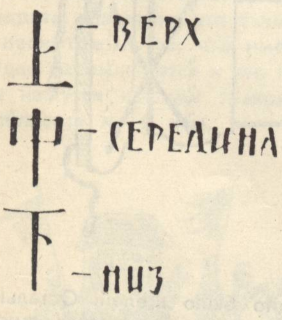
В результате минутная стрелка стала передвигаться с неторопливостью часовой, а часовая стрелка, обретя вдруг резвость, взялась выполнять роль минутной. Иначе говоря, обе стрелки «взялись не за свое дело», и их следовало «поставить на место», что и сделал в конце концов Чжан Лу. Именно это имел он в виду, произнося свою не столь уж «загадочную», как мы теперь видим, фразу.

Остальные загадки во всей этой истории не более, как забавные совпадения, конечно, вполне возможные. Исправив часы, Чжан Лу поставил стрелки ровно на 6 часов вечера. Представим себе, что он вернулся сюда через 2 часа 10 минут. Что же произошло? Большая стрелка, вращаясь со скоростью часовой, передвинулась с метки «12» на метку «2». А маленькая стрелка (она поставлена была на метку «6»), вращаясь со скоростью минутной стрелки, прошла за это время два полных круга и еще расстояние, равное 10 минутам, то есть оказалась на метке «8». В этот момент стрелки показывали правильное время: 8 часов 10 минут.

На другой день утром, предположим, в 7 часов 05 минут, Чжан Лу вторично пришел проверять часы. И опять они показывали правильное время; в этот момент положение стрелок и не могло быть иным. Проверим: он пришел сюда через 13 часов 05 минут после того, как поставил в самом начале стрелки на 6 часов вечера; за это время большая стрелка, будучи часовой, прошла расстояние, равное 13 часам, и, следовательно, достигла метки «1»; маленькая же стрелка, выполняя роль минутной, сделала за это время тринадцать полных оборотов и прошла еще расстояние, равное пяти минутам, то есть оказалась на метке «7». Стрелки часов, таким образом, показывали в этот момент точное время — 7 часов 05 минут.

ЗАГАДОЧНАЯ ГРАМОТА

Нетрудно заметить, что в головоломке чередуются в различной последовательности всего лишь три иероглифа китайской письменности. Это символы, обозначающие понятия: «верх», «середина», «низ». Русские буквы, составляющие текст головоломки, расположены четырьмя горизонтальными рядами. А читать их нужно в таком порядке. В каждом ряду сначала отбираются три буквы, находящиеся под иероглифом «верх», затем берутся следующие три буквы, соответствующие иероглифу «середина», и, наконец, последние три буквы—иероглифа «низ». В такой же последовательности отбираются буквы второго, третьего и четвертого рядов. В результате составится текст китайской народной пословицы: «Кто смотрит на небо из колодца, мало видит».

Содержание

Редактор **Н. В. ИЛЬИНА.**

Адрес редакции: Москва, Д-47, улица «Правды», 24, комната 710, тел. Д 3-30-73.
Рукописи не возвращаются.
Художественный редактор **П. Кузьмичев.**
Технический редактор **В. Пархоменко.**
А 08804. Подписано к печати 26/IX 1959 г. Тираж 515 600 экз. Изд. № 1439. Заказ № 2036.
Форм. бум. $84 \times 108^1/_{16}$. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.
Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

Степные корабли

Так часто называют комбайны. Это удивительные машины. Они и жнут, и молотят, и веют зерно, и собирают его в ящики — бункеры. Золотой струей сыплется зерно в кузов автомашины, и она увозит его на ток, а оттуда на элеватор. Комбайн убирает не только зерно. Проворные стальные пальцы аккуратно укладывают солому и полову в прицепленную позади тележку-копнитель.

На обложке нашего журнала вы видите замечательный комбайн новейшей конструкции — «СК-3». «СК» — значит самоходный комбайн. Он не прицепляется к трактору, а передвигается по полю сам: у него есть свой мотор. Такому комбайну не нужен водитель-тракторист. Тракторист стал и комбайнером. Он один легко управляет машиной.

Самоходных комбайнов у нас много. Создавая эту новую модель, конструкторы использовали самые последние достижения техники.

Комбайнеру теперь помогает автоматика. На обычном комбайне специальный рабочий следит за выгрузкой зерна из бункера и за работой молотилки. На новом комбайне рабочий не нужен. Как только наполнится бункер зерном, около сиденья комбайнера вспыхивает зеленая лампочка. Он поворачивает рычаг и опорожняет бункер. Если вспыхивает красный огонек,— значит, не в порядке молотилка.

Автомат помогает и разгружать копнитель.

«СК» может работать и быстрее и медленнее. А это очень важно. Ведь в одном месте хлеба стоят высокие, густые, в другом — низкие, редкие. Вот тут и приходится менять скорость, чтобы чисто убрать все.

Комбайн издали можно было узнать по решетчатой катушке — мотовилу,— которая вращалась впереди. Теперь у большинства комбайнов нет ни мотовила, ни жатки. Вместо них на комбайн надевают колючий цилиндр — подборщик. Комбайн не жнет хлеб: это могут сделать простые машины — жатки. Они срежут и уложат хлеб в валки. А через несколько дней, когда зерно подсохнет в валках, приедет на поле комбайн. Его колючий цилиндр подберет сжатый хлеб, обмолотит, провеет, соберет в бункер зерно, уложит в копнитель солому и полову.

Такая уборка хлеба называется раздельной. Теперь она широко применяется на колхозных и совхозных полях. Но бывает, что и комбайн по-прежнему сам жнет хлеб.

Сотни тысяч комбайнов трудятся на просторах наших полей. А на заводах создаются все новые и новые усовершенствованные машины.

Каждые семь минут в стране рождается новый зерновой комбайн. За семилетие их будет построено около четырехсот тысяч.

А. Смирнягина

Русская народная игрушка

Рисунок Е. Ребиковой.